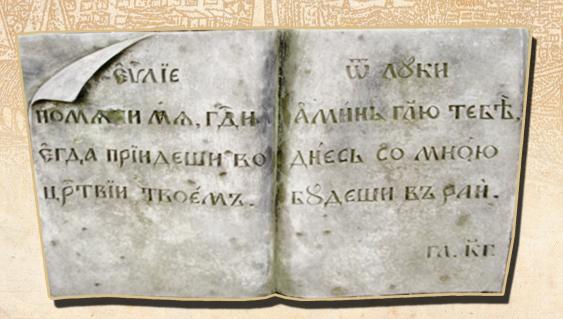
ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ ДАУГАВПИЛССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

КЛАДБИЩА ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
Факультет истории, коммуникации и туризма
Кафедра истории Беларуси, археологии и специальных
исторических дисциплин
Даугавпилсский университет
Институт компаративистики

КЛАДБИЩА ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Сборник научных статей по некрополистике

УДК 903.57 (476)+(474.3)

Редакционная коллегия: д.и.н., доц. С. Пивоварчик (отв. ред.), д-р, проф. М. Бурима, д-р, ассоц.проф. Э.Васильева, к.ф.н., доц. Е. Садовская, С. Тарасова, к.ф.н., доц. М. Яколцевич

Рецензенты: С. Донских, заведующий кафедрой туризма и культурного наследия ГрГУ им. Я.Купалы, кандидат культурологии, доцент; Р. Козловский, доцент кафедры белорусской литературы ГрГУ им. Я. Купалы, доцент.

903.57 (476)+(474.3) Кладбища трансграничных регионов: сб. науч. ст.— Гродно, 2014. – 110 с.

ISBN 978-985-515-432-8

Сборник содержит статьи, подготовленные в результате реализации проекта международной технической помощи LLB-2-143 «Популяризация центров устной истории на приграничной территории Латвии Беларуси» в рамках Программы трансграничного сотрудничества Латвия-Литва-Беларусь Европейского инструмента добрососедства и партнерства на 2007 – 2013 гг. Белорусские и латвийские ученые рассматривают вопросы историографии методологии исследований некрополей, а также результаты полевых исследований кладбищ Латгалии и Гродненского региона. Адресуется всем, кто интересуется историко-культурным наследием Восточной Европы.

Содержание настоящей публикации является предметом исключительной ответственности Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» и никаким образом не может отражать официальной позиции Европейского Союза.

ББК 63.3 (4 Бел) Н 48

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Традиции, которые сложились вокруг явления смерти, отражают принципиально важные черты, характерные для того или иного общества, а через отношение к смерти раскрывается отношение к жизни и окружающему миру. Память о предках и ритуалы погребения, зачастую имеющие важную пространственную составляющую, лежат в основе географически обусловленного феномена культуры любого народа.

Некрополь с древнейших времен в истории человечества является существенным компонентом духовной культуры. Наличие обряда захоронения выступает, наряду с изготовлением орудий труда, одним из основных признаков, выделяющих человека из мира животных. Социокультурная значимость некрополя определяется его непосредственной связью с вечной проблемой жизни и смерти. В основе существования похоронного обряда лежит представление о сохранении памяти об умерших, памяти о предыдущих поколениях и сохранения представлений о прошлом вообще. Некрополь и его восприятие в различные эпохи – показатель существовавшего или существующего в обществе исторического самосознания.

В сборник вошли статьи, подготовленные белорусскими и латвийскими исследователями в результате реализации проекта международной технической помощи LLB-2-143 «Популяризация центров устной истории на приграничной территории Латвии и Беларуси» в рамках Программы трансграничного сотрудничества Латвия-Литва-Беларусь Европейского инструмента добрососедства и партнерства на 2007 – 2013 гг. Объектом изучения ученых из Даугавпилсского университета стало Коммунальное кладбище города, на котором хоронили жителей различных конфессий (католиков, протестантов, мусульман, иудеев). Белорусские **ученые** университета Гродненского государственного посвятили свои исследования вопросам историографии танаталогии и некрополистики в Беларуси и Польше, методологии изучения городских и сельских некрополей, результатам полевых исследований на кладбищах Гродненского региона. Сборник научных статей «Некрополи трансграничных регионов» предназначен для работников учреждений местного государственного И культуры, органов управления, представителей бизнеса и туризма, для всех, кто интересуется историей и культурой Восточной Европы.

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЕЙ В ЛАТГАЛИИ

Ингуна Тейлане

ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ЛАТГАЛИИ

Резюме

Каждый иикл жизни с чего-то начинается и чем-то заканчивается. Ничто не вечно, и поэтому важным является отношение, с которым мы смотрим на неизбежную, но в то же время совершенно естественную вещь, как уход человека из Важную роль в погребальных традициях Латгалии принадлежность покойного. религиозная определяет те обычаи, по которым он будет похоронен. В данном реферате рассматриваются современные католические погребальные обычаи на материале историй жизни жителей Латгалии. В Латгалии характерным обрядом является исполнение псалмов или оффиций об умерших, которые исполняются в последний вечер перед похоронами. отметить, что пение псалмов в Латгалии как выдающаяся и народная традиция включена в латвийский культурный канон.

Несмотря на некоторые нововведения, погребальный обряд по сравнению с другими обрядами остается более консервативен, так как отражает представления о смерти и взаимоотношениях живых и умерших, которые изменяются не так быстро. Соблюдение ритуальных действий погребения и поминки обозначают уважения к человеку, ушедшему из жизни.

слова: погребальный обряд, Ключевые исполнение псалмов, традиции, католический, Латгалия

Каждый цикл жизни с чего-то начинается и чем-то заканчивается. Ничто не вечно, и поэтому важным является отношение, с которым мы смотрим на неизбежную, но в то же время совершенно естественную вещь, как уход человека из жизни

Веками нашими предками создавались и из поколения в поколение передались погребальные традиции и ритуалы, основная цель которых заключалась в том, чтобы обеспечить почтенные проводы умершего.

Важную роль в погребальных традициях Латгалии занимает религиозная принадлежность покойного. Это определяет те обычаи, по которым он будет похоронен. В данной статье рассматриваются современные католические погребальные обычаи на материале историй жизни жителей Латгалии.

В Латгалии для обозначения умершего употребляются следующие лексемы: *nabašnīks* (польск. *nieboszczyk*), aizguojiejs, nūmyrušais, myrūņs — покойник, умерший, покойный.

Описание рассматриваемой обрядности следует начинать с момента приближения к человеку смерти. Для каждой конфессиональной группы важным является то, чтобы человек перед смертью покаялся, то есть искренне попросил прощения за свои грехи у Бога.

Для того, чтобы умирающему облегчить страдания, члены семьи стараются не шуметь, не разговаривать громко; в доме завешивают все окна. Существует мнение, что если человек тяжело болен, долго мучается и страдает, но не умирает, то Бог не хочет брать его к себе или человек не до конца покаялся. Все, у кого умирающий просит прощения, должны простить его. Если они этого не сделают, то на них могут перейти грехи умирающего.

В Латгалии, согласно католическим традициям, к умирающему необходимо пригласить священника, чтобы осознанно исповедаться в грехах и принять елеосвящение. Елеосвящение с Божьей милостью укрепляет душу и тело человека как в старости, так и при серьезной болезни.

Обряд таинства состоит из церемоний, которые выполняет священник, накладывая свои руки на больного или умирающего человека, молясь и умащая его благословленными маслами. Елеосвящение приносит благодать Святого Духа, умножает силы больных в борьбе за спасение души, укрепляет уверенность в Боге и уменьшает страх смерти. Таким образом,

это поддерживает силы больного, чтобы он смог не только перенести трудности, но и с ними бороться. Кроме того. в процессе этого таинства больной получает, необходимости, и прощение грехов, и христианское покаяние.

Священник прощает грехи и дает елеосвящение также тогда, когда больной уже не в состоянии исповедовать грехи, но можно обоснованно предполагать, что, осознавая себя верующим человеком, он хотел бы получить прощение. Если священник приходит к больному, которого находит уже умершим, то молится, чтобы Бог простил грехи покойного и милостиво принял его в свое царство. Елеосвящение в таком случае не дается.

Перел приходом свяшенника комнату соответствующим образом подготавливают: стол покрывают белой скатертью, на столе ставят распятие, две горящие свечи, сосуд с водой и кладут вату.

Люди говорят, что $slym\bar{u}$ spavedei (польск. $spowiada\acute{c}$) больного исповедуют; dūd piedejū svaidejumu последнее помазание. Информаторы подчёркивают, что Если необходимо верующий, тогда это человек обязательно, чтобы душа ушла в небеса. И это все пытаются соблюсти – успеть перед смертью вызвать священника.

Чувствуя приближение смерти, призывают всех членов попрощаться семьи, чтобы они успели И проводить умирающего в иной мир, зажигают свечу и открывают окно для того, как считают информаторы, чтобы душа могла улететь. Согласно взглядам католической церкви, сразу после смерти душа находится в очень непростом Соответственно, все обряды и молитвы, которые совершаются в процессе похорон, должны всемерно облегчить состояние.

Пока тело умершего не окоченело, совершается обряд обмывания обмывания покойного. Для тела покойного приглашают кого-нибудь из односельчан. В основном этим занимаются пожилые женщины. Считается, что самым близким родственникам участвовать в обмывании покойного строго запрещено. В прошлом были женщины, которые это делали. Информатор с Даугавпилсского края признает, что сейчас, если некому сделать это, то обмывают покойного и близкие родственники. И комментирует, что с христианской стороны это просто суеверие. Религиозный смысл обряда заключается именно в очищении тела: в загробный мир не положено вносить "грязь земной жизни". С обрядом обмывания покойного в Латгалии связано ещё несколько поверий. Например, одна из информаторов вспоминает, что ее бабушка рассказывала следующее:

- воду, которой обмывали покойника, выливают обычно за двором в таком месте, где люди не ходят, например, выливали на угол какой-нибудь постройки;
- мыло, которым обмывали умершего, способно "вывести болезни" например, косточки на ногах и другие заболевания.

Информаторы Прейльского и Даугавпилсского края вспоминают, что в их детстве уже в первый вечер, укладывая умершего в гроб, звали исполнительниц песен, которые пели из старых книг песню "Liksim mes tū mīsu grobā", читали молитвы и пели псалмы.

О возникновении латгальских псалмов.

Музыковед Мартиньш Бойко (Mārtiņš Boiko) признает, что исполнение псалмов или оффиций об умерших является жанром молитвы, который существует только в Латгалии и более нигде не встречается. 3 Литовские (и латышские) католические похоронные песни исследует этнолог Альфонс Мотуз (Alfonsas Motuzas). 4

В Латгалии этот жанр очень древний – в исторических документах упоминание оффиция об умерших относится к XVIII в. Его в домашних условиях исполняли женщины. Исполнение псалмов сей день сохранилось ПО первоначальном виде, а именно, какими их в конце XУIII в. создали иезуиты Латгалии. В Латгалии оффиций своеобразен тем, что исполнение псалмов с церковного ритуала перевоплотилось в народную традицию, которую организуют по своему усмотрению, без вмешательства каких бы то ни было религиозных авторитетов. 5

Следует отметить, что пению псалмов посвящено специальное издание "Пение псалмов в Латгалии", которое

опубликовано в 2012 г. По мнению авторов – А. Лиелбардиса и М. Бойко – пение псалмов было и остается важной частью традиционной культуры, связанной как с событиями в семье (похороны, память ДНЯ смерти), так традициями (мероприятиями, происходящими в День поминовения усопших 1-2-е ноября). Пение псалмов в Латгалии как выдающаяся и уникальная народная традиция включено латвийский культурный канон.

Оффиций об умерших в Латгалии исполнялся и до сих пор исполняется чаще всего в домашних условиях. До похорон каждый вечер в доме умершего собирались родственники и исполняли монотонные псалмы. После пения исполнителей обязательно угощали ужином. В Латгалии информаторы вспоминают, что в прошлом все соседи и родственники приходили и начинали молиться, петь псалмы уже в первый вечер и продолжали это до дня похорон, так как считали, что исполнение псалмов облегчает душе покойного путь к Богу, а также то, что они таким образом просят у Бога прощения за грехи покойного.

Мартиньш Бойко отмечает: "Мотив служения оффиция об умерших – это то, что люди верят, что пение псалмов может облегчить судьбу умершего в чистилище. сушествует другая мотивация – распространенное убеждение о том, что покойный, выйдя из чистилища, может молиться за живых. И исполнители псалмов неоднократно человек в жизни молится за повторяли: "Чем больше мертвых, тем ему лучше живется...".⁷

Раньше петь и на похороны приходили все – никого не приглашали, так как люди считали, что человек умер, и каждый был обязан пойти и помолиться за его душу, проводить его в мир иной. Приходило много певцов – около сорока. брали с собой детей (дети. таким образом. унаследовали мелодии псалмов). Исполнители на вопрос, как они овладели мелодией псалмов, всегда отвечают: "Научились у певцов предыдущих поколений, с которыми вместе пели. Так и запомнили мелодии".

Исполняли псалмы каждый вечер, но особенно долго в последний – до двух или трёх часов ночи. Пели по старым книгам псалмов (католические молитвенники, которые были изданы в начале XX в.), пели очень много. Монотонные мелодии псалмов достаточно трудно было петь длительное время. Певцы считают, что нет ничего более ценного на похоронах, чем большие псалмы, их надо петь об умершем.

В настоящее время пение происходит вечером перед похоронами. В других же местах, например, в деревне Прикули поют в течение дня с 13 до 16 часов. Сейчас в деревне могут петь только четыре или пять певцов. В течение трёх часов исполняются псалмы из новых книг псалмов, изданных в 80-90 е гг. XX в. По демографическим причинам продолжателей традиций с каждым годом в Латгалии становится все меньше и меньше, но вера по-прежнему остаётся сильной. Поэтому в время настоящее певны псалмов материально вознаграждаются. Исполнение псалмов чтение молитв И продолжается в день похорон утром, потом через 30 или 40 дней, затем – на годовщине смерти.

В день похорон после выноса умершего из дома связано следующее поверье: как можно скорее должно быть разобрано то место, где умерший находился, чтобы на его месте не появился новый. Покойника с похоронной процессией доставляли в церковь, где за его душу служили Святую Мессу. После этого похоронная процессия двигалась на кладбище. В настоящее время покойника могут везти и непосредственно на кладбище, где у ворот похоронную процессию встречает священник, который возглавляет погребальную церемонию. В конце погребального ритуала священник бросает на гроб три горсти земли — во имя Отца, Сына и Святого Духа. За ним то же самое делают все провожающие.

Информаторы как относительно новую традицию в Латгалии, которая появилась лет двадцать или тридцать назад, считают покрытие гроба национальным тканым одеялом (перед опусканием в могильную яму), что обычно делают внуки или дети. В прошлом такой традиции (или, как говорят респонденты, *моды*) не было. Почему гроб покрывают одеялом? Одни это объясняют тем, что так умершему на том свете будет теплее, другие тем, что так тише земля ударяется о гроб.

Иллюстрация 1. Национальное тканое одеяло, которым накрывают гроб перед опусканием в могилу. Фото из личного архива Э. Ранцане.

У дверей дома умершего, у ворот двора и кладбища ставят маленькие елочки с поломанными верхушками и чёрной лентой. Поломанные верхушки символизируют надломленную жизнь.

Раньше через месяц после смерти человека проводили поминках также пели псалмы и молились. поминки. На Следующее поминовение усопшего было через год после смерти. Сейчас верующие чаще всего заказывают Святую Мессу через тридцать дней, полгода и через год. После сорока дней с могилы убирают венки.

Также в прошлом, в течение тридцати дней после похорон строго соблюдался траур – ни радио, ни телевидения не включали и не посещали никаких мероприятий. Как отмечают информаторы, в настоящее время люди больше руководствуются своими личными чувствами, не традициями.

Отношение информаторов к кремации.

Священник римско-католического прихода Андрис Спруктс отмечает, что католическая традиция позволяет кремацию умерших, единственное условие — пепел следует передать земле, а не рассеивать по ветру или на воде. Вольшинство сельских жителей выступают против кремации. Они считают, что "У католиков и речи такой не может быть. Душа уже ушла, но тело должно быть возвращено земле, из земли мы возродились и в землю превратимся".

Погребальный обряд, ПО сравнению другими более обрядами, консервативен, отражает так как представления о смерти и взаимоотношениях умерших, которые изменяются не так быстро. Соблюдение ритуальных действий считалось важным для судеб души в загробном мире и поэтому было моральной обязанностью родственников по отношению к умершему. Погребение и поминки рассматриваются как событие, когда неуместно проявлять чрезмерную бережливость и пренебрегать обычаями (даже теми, которые могли казаться ненужными). Исполнение похоронно-поминальной обрядности обозначает уважения к человеку, ушедшему из жизни.

Иллюстрация 2. Стыглава, 30-ые гг. XX в. Фото из личного архива Я.Ранцана.

Иллюстрация 3. Стыглава, 30-е гг. XX в. Фото из личного архива Я.Ранцана.

Иллюстрация 4. Ницгале, 1947 г. Фото из личного архива Э. Ранцане.

Иллюстрация 5. Стыглава, 70-е гг. XX в. Элементы ритуала гражданских похорон, возникшие при советской власти— духовой оркестр. Фото из личного архива Я.Ранцана.

¹ http://www.catholic.lv/main.php?parent=148 [смотр. 22.01.2014.]

http://www.lakuga.lv/2012/07/06/martins-boiko-par-salmem-latgola/ [смотр. 22.01.2014.]

ЛИТЕРАТУРА

- 1. http://www.catholic.lv/main.php?parent=148
- 2. Vaivods, Julians. *Teicit kungu*. Rīga: Reigas Metropolijas kurija. 1990.
- 3. *Mārtiņš Boiko par latgalīšu saļmu rošonūs i nūzeimi*. http://www.lakuga.lv/2012/07/06/martins-boiko-par-salmem-latgola/

² Vaivods, Julians. *Teicit kungu*. Rīga: Reigas metropolijas kurija. 1990.351.

³ Mārtiņš Boiko par latgalīšu saļmu rošonūs i nūzeimi. http://www.lakuga.lv/2012/07/06/martins-boiko-par-salmem-latgola/ [смотр. 22.01.2014.]

⁴ Alfonss, Motuzs. *Latviešu un lietuviešu katoļu bēru dziesmas: kā mantojums tas ir?* Latgalistikys kongresu materiali. Rēzekne, 2010. 105.–111.

⁵ Mārtiņš Boiko par latgalīšu saļmu rošonūs i nūzeimi.

⁶ Psalmu dziedāšana Latgalē. http://www.lfmi.lu.lv/?s=37&section=LFMI-APGĀDA-GRĀMATAS&p=2&cik=29 [смотр. 12.01.2014.]

⁷ *Mūzika, tās estētiskā un ārstnieciskā nozīme*. http://psihosomatika.lv/page/muzika-tas-estetiska-un-arstnieciska-nozime [смотр. 23.12.2013.]

⁸ Latgales Lingvoteritoriālā vārdnīca. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola, 2013. 490.

- 4. Alfonss, Motuzs. Latviešu un lietuviešu katoļu bēru dziesmas: kā mantojums tas ir? Latgalistikys kongresu materiali. Rēzekne, 2010.
- 5. Mārtiņš Boiko par latgalīšu saļmu rošonūs i nūzeimi.

http://www.lakuga.lv/2012/07/06/martins-boiko-par-salmem-latgola/

- 6. Psalmu dziedāšana Latgalē. http://www.lfmi.lu.lv/?s=37&section=LFMI-APGĀDA-GRĀMATAS&p=2&cik=29
- 7. Mūzika, tās estētiskā un ārstnieciskā nozīme.

http://psihosomatika.lv/page/muzika-tas-estetiska-un-arstnieciska-nozime

8. Latgales Lingvoteritoriālā vārdnīca. Rēzekne: Rēzeknes Augstskola, 2013.

Жанс Бадинс

ОСОБЕННОСТИ МУСУЛЬМАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ ДАУГАВПИЛССКОГО КОММУНАЛЬНОГО КЛАДБИЩА

Резюме

Статья посвящена изучению мусульманского некрополя Коммунального Даугавпилсского кладбиша. исповедующие ислам, не являются доминантными в латвийском культурном пространстве, но без них разговор об этнической палитре современной Латвии представляется неполным. В одной последние два десятилетия u_3 основополагающих тендениий стала проблема этнической культурной идентичности. Каждая национальная культура заявляет о себе через совокупность своих неповторимых традиций и ценностей. Погребальный обряд один из значимых факторов в любой а кладбище становятся не только сакральным местом. но культурно-историческим свидетельством о присутствии того или иного этноса в культурном пространстве. Исследование мусульманских некрополей Даугавпилса представляется новой и актуальной Коммунальное кладбише является примером сравнительно недавно возникшего, но при этом необычайно интенсивно развивающегося некрополя города Даугавпилса. Безусловно, мусульманский некрополь Коммунального кладбища Даугавпилса отличается от некрополей стран, в которых ислам является доминирующей религией. Наряду с традиционной для мусульман всего мира ориентацией захоронения на Мекку, в даугавпилсском мусульманском некрополе можно обнаружить светской традиции захоронения влияние как покойного, указание на его профессиональную деятельность), так и христианской (изображение креста и Девы Марии). Синтез разных традиций свидетельствует об органичном сосуществовании различных культур в пространстве города. Мусульманская община города Даугавпилса не является

замкнутой, она принимает элементы других культур, адаптирует и использует их.

Ключевые слова: Даугавпилс, Коммунальное кладбище, некрополистика, ислам, татары

Исследование мусульманского сегмента истории культуры Латвии до сих пор остается малоизученной проблемой. При этом присутствие малых национальных групп в Латвии тесным образом связано с историей становления и развития государства. С конца 1980-х начала 1990-х гг. мы можем наблюдать рост национального самосознания не только среди представителей латышского, но и других крупных этносов, проживающих на территории Латвии. Начиная с 1988 г. в Латвии другим регистрируются культурно-национальные общества – армянское культурное общество, азербайджанское культурное общество Кобустан (более позднее название Азери), культурное общество крымских татар Ватан, татарское общество Идель и целый ряд других 1. Безусловно, основной задачей, стоящей перед национальными и религиозными обществами, являлось не только возрождение интереса к национальным традициям, верованиям, языку, но и адаптация и интеграция в современное латвийское пространство. Данной теме посвящены исследования Валтера Шербинского Ienācēji no tālienes. Austrumu un Dienvidu tautu pārstāvji Latvijā no 19. gadsimta beigām līdz mūsdienām (Пришедшие из далека: представители восточных и южных народов в Латвии с конца 19 века до наших дней); глава Latviias nacionālo minoritāšu atdzimšana (1988-2003)(Возрождение национальных меньшинств Латвии (1988-2003)) в книге Лео Дрибина Etniskās un nacionālās minoritātes Eiropā. Vēsture un mūsdienas (Этнические и национальные меньшинства в Европе. История и современность)². Были подготовлены экспериментальные методические пособия – Mazākumtautību Latvijā³ (История народов vēsture малых Латвии), Mazākumgrupu (minoritāšu) integrācijas aspekti Latvijā⁴ (Интеграционные аспекты малых групп (меньшинств) в Латвии).

Российская исследовательница исламской культуры С.И. Лучицкая справедливо отмечает: «Христианские представления о мусульманах, образ ислама... Эта тема вписывается в более

широкий контекст изучаемой в философии, социологии, психологии и истории ключевой проблемы – феномена «Иного» <...> Ведь познание чужой культуры и самопознание суть явления одного порядка⁵».

Исследование мусульманских некрополей Латвии представляется новой и актуальной темой, поскольку кладбища являются не только знаковой частью человеческой культуры, но и обладают высокой источниковой ценностью. Захоронение — это всегда свидетельство духовного мира людей, поддерживающих ту или иную погребальную традицию.

Коммунальное кладбище является примером сравнительно недавно возникшего, но при этом необычайно некрополя города Даугавпилса. интенсивно развивающегося Кладбище возникло в конце 1960-х гг. напротив католического, православным старообрядческим, братскими кладбищами. В 1970-е гг. там была сооружена каплица. И в советское время, и в настоящий момент на коммунальном кладбище хоронили умерших, независимо от их религиозной принадлежности. Как и любой некрополь, он с одной стороны выполняет функцию коллективной памяти, а с другой – отражает общественную трансформацию социальные И протекающие в обществе. Несколько удивителен тот факт, что до последнего времени коммунальное кладбище не становилось объектом внимания серьезных исследований. Безусловно, что данный некрополь представляет чрезвычайно интересный и любопытный материал для диагностики состояния и развития обшества. Собственно современного пространственная организация практикуемые ритуальные И практики погребального обряда могут много рассказать о существующих тенденциях культуры и о существующей стратификационной структуре в обществе.

Мусульманский некрополь, появившийся в конце 1990-х гг., является одним из новейших сегментов Даугавпилсского коммунального кладбища. История его возникновения оказывается тесно связанной с историей мусульман Латвии, и города Даугавпилса в частности. Вместе с тем история исповедующих ислам в Латвии, тесно связана с историей

традиционно исповедующих ислам народов – турок, татар, башкир и других.

Один из важнейших вопросов, который встает перед представителями мусульманской диаспоры странах или регионах, где ислам не является доминирующей религией и где являются представителями национальных меньшинств, – это вопрос о правилах погребения умерших мусульман на христианских или еврейских кладбищах. Данная проблема достаточно полно представлена в исследовании Курбанова Руслана Вячеславовича – Фикх мусульманских Мусульманское меньшинств. право современном немусульманском мире (На примере стран Западной Европы и Северной Америки) ^{6} .

Современный исламский богослов, шейх Юсуф Аль-Кардави (Карадави), в частности, предлагает следующую стратегию: Каждая группа мусульман в немусульманской стране должна стремиться иметь свои отдельные кладбища и делать для их обретения все необходимое. Если мусульмане не могут добиться отдельных кладбищ <...>, они, по крайней мере, должны стремиться к получению специального места на одной стороне христианского кладбища, где они могут похоронить своих мертвых. Если ни одно из этих решений не может быть достигнуто мусульманами и если тело умершего мусульманина невозможно перевезти в другой город, где существует мусульманское кладбище, то они должны похоронить его на христианском кладбище, с учетом всех исламских правил погребения⁷.

В середине XIX в. в связи с ростом города возникла острая необходимость в новых кладбищах. Городские власти стали выделять под кладбища места вдоль тракта Санкт-Петербург — Варшава (нынешняя улица 18 Новембра, в то время — Шоссейная), главным образом в районе озера Губище. К югу от озера размещалось иудейское кладбище, а рядом — мусульманское, к востоку — православное и старообрядческое кладбища. План размещения захоронений был утвержден в 1865 г. По предложению городской думы 3 января 1874 г. было утверждено новое место под лютеранское и католическое кладбища — к северо-востоку от озера Губище. План утвердили 5

сентября 1875 г. указом № 2995 Витебского губернского правления. В 1960-1970-х гг. по решению городских властей были снесены иудейское и мусульманское кладбища. ^{8}

Инициатором создания мусульманского кладбища в городе Даугавпилс был первый председатель татарского культурного общества Алим Аширов (Aļims Ašīrovs), который позже, в марте 2010 г., был похоронен на этом кладбище. По воспоминаниям членов татарского культурного общества Vatan и общества мусульман Идель, реализация этой идеи была очень непростой и трудоемкой.

Коммунальное кладбище, возникшее в советский период, полностью соответствовало государственной идеологии к обряду захоронения. Похороны превращались в коммунальную услугу. Советская власть, выступая против «религиозных обычаев и нравов, мешающих коммунистическому строительству», активно внедряла новые, отличные от прошлого, ритуалы и места захоронений. Разделение кладбищ по вероисповеданиям было полностью отменено, что возможно стало формальной причиной для сноса еврейских и мусульманских кладбищ.

Современное месторасположение мусульманского коммунальном кладбище достаточно удобно. Кладбище находится сравнительно недалеко от каплицы (своеобразный центр данного некрополя). Расстояние каплицы до мусульманского сектора не превышает 100 метров. От главного входа на коммунальное кладбище можно пройти или проехать по центральной асфальтированной аллее и на ближайшем к каплице повороте повернуть налево. Кладбище находится не в низине, а на небольшом пригорке, достаточно близко от колонки с водой. С южной стороны сегмента мусульманского кладбища проходит достаточно грунтовая дорога, обеспечивающая удобный подъезд к кладбищу и отделяющая мусульманские захоронения от захоронений других религиозных конфессий. С северной стороны от дороги естественной границей мусульманского некрополя является лесной массив.

По оси восток-запад мусульманский некрополь соседствует с участком кладбища, на котором хоронят ушедших из жизни блокадников Ленинграда, проживавших в нашем

городе, а также их близких и родственников. Композиционным центром является памятник горожанам – жителям блокадного Ленинграда. Памятник расположен на северной стороне главной дороги, идущей вдоль северной стороны кладбища. От дороги к памятнику ведёт дорожка из плиток, длиной 25 м. В памятник с левой стороны заложена капсула с землёй Пискарёвского кладбиша (город Санкт-Петербург). C противоположной стороны пока остается свободное место (порядка 40-50 м), а далее следует сравнительно новый участок захоронений коммунального кладбища.

Безусловно, мусульманский некрополь коммунального кладбища Даугавпилса отличается от некрополей стран, в которых ислам является определяющим религиозно-культурным фактором. В мусульманских странах существует ряд неукоснительных требований в отношении мусульманских захоронений:

- 1. На мусульманском кладбище не могут быть захоронены представители других религий.
- 2. Выделение на мусульманском кладбище отдельного участка для захоронения членов одной семьи допускается, если это не ведёт к затруднениям при захоронении других людей.
- 3. Между могилами на кладбище необходимо предусмотреть проходы, чтобы люди, посещающие кладбище, могли легко подходить к могилам, не переступая и не наступая на соседние могилы мусульман. Не следует также сидеть на могилах верующих.
- 4. Могила сооружается таким образом, чтобы было возможным положить в неё умершего лииом в сторону Каабы.
- 5. Рекомендуется, чтобы могила была скромной, на могильном камне (плите) указывают имя того, кто в ней похоронен.

Если взглянуть на мусульманский некрополь, расположенный в границах Даугавпилсского коммунального кладбища, то можно обратить внимание, что все установленные памятники и сами могилы ориентированы в сторону Мекки, тем самым соблюдается одно из главных требований в ориентации захоронения согласно мусульманской традиции. Не допускается никакой небрежности в планировке могил — соблюдены

непременные промежутки между захоронениями, позволяющие посетителям свободно проходить между ними, не рискуя случайно наступить на могилу, что могло бы стать проявлением неуважения к тем, кто там погребен. Абсолютное большинство могил должным образом ухожено.

Интервью с представителями местной мусульманской общины показали, что сформировавшееся еще на заре исламской цивилизации требование о быстром захоронении умерших актуально и в наше время. С тех дней сохранились представления о могиле: небольшой холмик (высотой в 4 пальца), а сверху несколько камней (защита от диких животных). В некоторых местах считалось, что когда холмик сравняется с землей, душа, наконец, прибудет к Аллаху. Шариат без особого расположения относится и к надмогильным постройкам, считает их лишней расточительностью. Изначально на мусульманских кладбищах не было каменных плит, они появились позже, с началом ведения оседлого образа жизни. В течение времени формы памятников совершенствуются, появляются камни в форме трапеций, прямоугольных стел, завершениями в виде арки, с усеченной верхней частью. Материал для изготовления памятников мусульмане черпали, как правило, из имеющихся природных ресурсов.

Если взглянуть могилы мусульман города Даугавпилса, местный некрополь TO ОНЖОМ сказать, что отличается классических требований, предъявляемых ОТ исламской традицией. Мы видим проникновение элементов, не характерных для исламской культуры, хотя встречаются и захоронения, характерные аскетичные ДЛЯ религиозной традиции. Форма большинства памятников – это традиционная форма надгробий, которые предлагают различные городские фирмы, и данные надгробия отличаются от христианских надгробий только изображением полумесяца или полумесяца со звездой. Изображение полумесяца является самой распространенной деталью в убранстве могил Даугавпилсского мусульманского некрополя. Помимо изображения на памятниках и надгробных плитах, символ полумесяца часто располагается рядом с захоронением как отдельный знак, как правило, зеленого цвета, реже черного, и активно используется в декоративном оформлении кладбищенских оград.

Мультикультурные особенности Даугавпилса приводили к заключению межнациональных браков, что в конечном итоге нашло свое отражение в оформлении некрополя. Некоторые захоронения представляют собой соединение двух религиозных традиций – христианской и исламской. Наиболее яркий пример – это участок, принадлежащий семье Шахвердиевых, захоронение Исрапила Халикова и захоронение Олега и Ибрагима Мухаметкалиева (причем характерно, что они выстраиваются в одну линию).

В первом случае на памятнике присутствуют изображения религиозных символов христианского исламского полумесяца. Это же мы можем сказать и о могиле Мухамбеткалиевых, где, судя по **VCT**ановленном**V** памятнику, похоронены родственники, принадлежащие к разным религиозным конфессиям – исламу и христианству. И в данном случае подобное оформление места усопших может быть связано с межконфессиональным браком. На вопрос об отношении местных мусульман к памятникам подобного типа информанты отмечали, что такая ситуация, конечно, является нетипичной и поначалу вызывала определенные разговоры, но затем все разговоры утихли, а члены мусульманской общины в очередной раз продемонстрировали веротерпимость к неканоническому оформлению места захоронения на территории мусульманского некрополя.

Согласно исламской традиции, не принято заранее обустраивать место на кладбище, но в современных условиях иногда житейский практицизм довлеет над религиозными традициями. Наиболее яркий пример — захоронение семьи Батаршиных.

Справа от памятника (с изображением полумесяца) Исрапила Халикова располагается фигура Девы Марии. В убранстве памятника заметна еще одна традиция, характерная для захоронений на коммунальном кладбище Даугавпилса, — фотография умершего свидетельствует о его земной профессии, связанной со службой в рядах Вооруженных Сил.

Таким образом, мусульманский сектор Даугавпилсского коммунального кладбища является уникальным памятником, свидетельствующим о присутствии исламской культуры в пространстве Латвии. После распада СССР, у мусульман, проживающих в Латвии, появилась возможность поддерживать и развивать свою культуру и традиции в соответствии со своими желаниями и нуждами. Помимо мусульманского кладбища в Риге, отдельные сектора были созданы на кладбище Яунциемс (Рига) и в Даугавпилсе. Характер захоронений в мусульманском Даугавпилсского коммунального свидетельствует о синтезе самых разных традиций – исламской, христианской, светской, что свидетельством является органичного сосуществования различных культур пространстве города. Мусульманская община города Даугавпилса не является замкнутой, она принимает элементы других культур, адаптирует и использует их.

¹ Ščerbinskis V. Ienācēji no tālienes. Austrumu un Dienvidu tautu pārstāvji Latvijā no 19. gadsimta beigām līdz mūsdienām. Rīga: Nordik, 1998, 35. lpp.

² Dribins L. Etniskās un nacionālās minoritātes Eiropā. Vēsture un mūsdienas Rīga: Eiropas Padomes Informācijas birojs, 2004, 203. - 244. lpp..

³ Mazākumtautību vēsture Latvijā. Rīga: Zvaigzne ABC, 1998.

⁴ Mazākumgrupu (minoritāšu) integrācijas aspekti Latvijā. Rīga, 2001.

⁵ Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001, с.5.

⁶ Курбанов Р.В. Фикх мусульманских меньшинств. Мусульманское право в современном немусульманском мире (На примере стран Западной Европы и Северной Америки). М., 2010. http://www.ansar.ru/downloads/pdf (Skatīts 16.03.2014)

⁷ Юсуф аль-Карадави. Фи Фикхи ль-Акалийят аль-Муслима. Хайяту ль-Муслимин Васата ль-Муджтамааат аль-Ухра. Каир. 20001. С. 83.

⁸ Там, где вечный покой. http://dinaburg.ru/viewtopic.php?id=706&p=1 (Skatīts 16.03.2014)

⁹ Мухаммад Гаджиев аль-Инчхи Мусульманские кладбища и их посещение. http://www.islam.ru/content/veroeshenie/musulmanskie-kladbishi-i-ih-poceshenie (Skatīts 16.03.2014)

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Dribins L. Etniskās un nacionālās minoritātes Eiropā. Vēsture un mūsdienas. Rīga: Eiropas Padomes Informācijas birojs, 2004.
- 2. Mazākumtautību vēsture Latvijā. Rīga: Zvaigzne ABC, 1998.
- 3. Ščerbinskis V. Ienācēji no tālienes. Austrumu un Dienvidu tautu pārstāvji Latvijā no 19. gadsimta beigām līdz mūsdienām. Rīga: Nordik, 1998.
- 4. Гайнетдинов Р. Татары в странах Балтии. «Татарские новости», 2003, Nr. 11, 2003.
- 5. Там, где вечный покой. http://dinaburg.ru/viewtopic.php?id=706&p=1 (Skatīts 16.03.2014)
- 6. Курбанов Р.В. Фикх мусульманских меньшинств. Мусульманское право в современном немусульманском мире (На примере стран Западной Европы и Северной Америки). Москва: Центр арабских и исламских исследований института востоковедения РАН, 2010. http://www.ansar.ru/downloads/pdf (Skatīts 16.03.2014)
- 7. Лучицкая С.И. *Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов.* Санкт-Петербург: Алетейя, 2001.
- 8. Мухаммад Гаджиев аль-Инчхи Мусульманские кладбища и их посещение. http://www.islam.ru/content/veroeshenie/musulmanskie-kladbishi-i-ih-poceshenie (Skatīts 16.03.2014)
- 9. Щербинский В. *История Ислама в Латвии*. http://www.islam.lv/ru/islam in latvia/history/ (Skatīts 16.03.2014)

Ингрида Купшане

КАТОЛИЧЕСКИЙ/ЛЮТЕРАНСКИЙ СЕГМЕНТ ДАУГАВПИЛССКОГО КОММУНАЛЬНОГО КЛАДБИЩА

Резюме

Коммунальное кладбище г. Даугавпилса дает представление о городе ХХ-ХХІ в.: этноконфессиональной структуре, соииальной стратификации, а так же влиянии политических событий и пограничного расположения. Подобно тому, как при жизни все жители города уживаются как добрые соседи, так и в городе вечности все оказались рядом: католики и православные, лютеране и мусульмане, баптисты и иудеи, староверы и атеисты. В статье захоронения католиков и лютеран на коммунальном кладбище рассматриваются как единый сегмент, так как внешние признаки могилы не дают возможность определить конфессиональную принадлежность захороненного. Анализируя католический / лютеранский сегмент Даугавпилсского коммунального кладбища, можно выделить несколько аспектов: 1) этнолингвистический – католиками / лютеранами являются в основном поляки и латыши, значительно меньше – русские, белорусы и литовцы; 2) знаки вероисповедания (христианские символы); 3) специфика коллективных погребений, в том числе парных смешанного брака, где муж и жена принадлежат к разным конфессиям; 4) особенности мест захоронения, отображающие межэтническое взаимовлияние и специфику приграничного расположения города (металлические ограды, искусственные цветы, указание отчества).

Ключевые слова: кладбище, католический / лютеранский сегмент, приграничье, межэтническое взаимовлияние.

Даугавпилс – город Латвии, общество которого составляют представители многих этносов, образуя богатый «букет» разных национальных культур. Выявляя особенности развития региона и, в частности, Даугавпилса в историческом аспекте, Ф. Федоров пишет:

На всех этапах город являлся окраинным пограничным пространством, не только с точки зрения государственного образования, но и с точки зрения социо- и этнокультурной. Латгалия и во время Первой республики и сейчас в глазах метрополии является дальневосточной латвийской провинцией с совершенно очевидными чертами чужого пространства. Но во время катастрофических катаклизмов по причине приграничного статуса город оказался в центре глобальных событий, что играло роковую роль в его судьбе. С другой же стороны, окраинность определяла его мультинациональные и мультикультурные ориентиры. 1

Исторические и географические факторы являются основными детерминантами того, что Даугавпилс формировался как пространство неоднородное, ориентированное на полилогическое сосуществавание разных этносов, конфессий, культурных традиций. Это многообразие в едином пространстве присутствует как в современном Даугавпилсе, так и в городе вечности.

Краевед Елена Бугрый отмечает:

Кладбища— неотъемлемая часть любого общества. Города мертвых— некрополи— всегда соседствовали с городами живых. И во все времена между ними существовала невидимая связь. Кладбища представляют собой своеобразную летопись истории населенного пункта, с которым они связаны. Следовательно, информация, «законсервированная» в таких местах, может служить основой для многих исследователей.²

Даугавпилсское коммунальное кладбище как город мертвых нам дает представление об обществе Даугавпилса XX-XXI в.: об этноконфессиональной структуре, социальной стратификации, а так же влиянии политических событий и пограничного месторасположения. Подобно тому, как при жизни все даугавпилчане уживаются бок о бок, как добрые соседи, так и в городе вечности все рядом: католики и православные, лютеране и мусульмане, баптисты и иудаисты, староверы и неверующие.

Католики являются самой многочисленной конфессией в Даугавпилсе — 44% верующих, в свою очередь лютеране — только 2 %. На данный момент в городе функционируют четыре католических прихода: приход св. Петра (Sv. Pētera Romas katoļu draudze), приход св. Девы Марии (Jaunavas Marijas Romas katoļu draudze), Гривский приход (Grīvas Romas katoļu draudze) и приход Сердца Иисуса (Jēzus Sirds Romas katoļu draudze), а так же один лютеранский приход. В католических костелах города богослужения проводятся на латышском, латгальском, польском и русском языках. Функционирует католическое (100 тысяч кв. метров) и лютеранское кладбище (64 тысячи кв. метров).

Даугавпилсское коммунальное кладбище для исследователя интересно тем, что в этом пространстве соседствуют и переплетаются обычаи почти всех этносов, представители которых проживают в Даугавпилсе [кроме цыган, которых хоронят в основном на Гривском кладбище, так как большинство цыган живет по другую сторону реки Даугавы на Гриве (часть Даугавпилса)].

В исследовании захоронения католиков и лютеран на коммунальном кладбище рассматриваются как единый сегмент, потому что по внешним признакам места погребения невозможно дифференцировать, кто есть кто. Можно конечно предположить, что, если надгробная надпись на польском языке и на памятнике фиксированы сакральные символы, то, скорее всего, усопший - католик. Но все же это остается предположением.

Рассматривая технические данные памятников (материал, форма), можно констатировать, что в середине XX в. до 70-х г. преобладают памятники из бетона или мраморной крошки, реже – из серого или красного гранита. Отделка лаконичная. На рубеже 60-х -70-х гг. появляются памятника из черного мрамора, что свидетельствует о росте материального благосостояния. Вторая «волна» памятников из мраморной крошки наблюдается в начале 90-х, когда рушится старый мир и создается новый. В ситуации перемен, нестабильности, нарушения установленных экономических связей со стороны изготовителя и финансовых трудностей со стороны заказчика преобладает наиболее дешевый материал, который изготавливается на месте. Как информируют представители фирм, обеспечивающих услуги по доставке и установлению памятников, сейчас в основном закупается Карельский гранит из России, черный и красный гранит из Швеции, а также из Финляндии гранит «Аврора». Заказы проводятся через посредника – Литву (где находятся большие пилы, посредством которых делают заготовки памятников). Представители фирм также отмечали, что присутствует так называемый «Китайский камень» (камень в «глазури») - это памятники не очень высокого качества. При неблагоприятных условиях погоды тускнеет надпись на памятнике и образовываются микротрещины.

Анализируя католический/лютеранский сегмент даугавпилсского коммунального кладбища, можно выделить несколько главных пластов:

- 1) **Этинолингвистический аспект** католиками/лютеранами являются в основном поляки, латыши, процентуально меньше русские, белорусы и литовцы. Таким образом, религия функционирует как объединяющий фактор.
- Надписи на памятниках фиксированы по этнолингвистическому принципу, в основном на польском, латышском и русском языках. Довольно часто наблюдается взаимовлияние языков. В надписи могут присутствовать элементы двух языков, например, надпись на латышском языке, но имя или фамилия фиксировано без окончания (Edgar, Aleksandr, Tomaševič, Puzan, Jazep Žukovski), гласные без долготы (Helena, Natalija, Jazep), согласные без знака смягчения (Bronislavs, Boleslavs, Silini, Plotnikova); присутствует влияние польского языка, имя написано на латышском языке, но используются буквы польского языка: (Woldemar, Wanda, Wanag); литовское имя, фамилия написаны на латышском или русском языках, но сохранено окончание литовского языка (Vitautas Leitanas, Константинас Раукенас).
- 2) Знаки вероисповедания. На интенсивность присутствия знаков веры на памятниках влияет конкретный исторический период. Например, в советское время особенно не афишировали веру в Бога. Предположительно, не всегда близкие верующего усопшего, выбирая мотивы для надгробия, решались использовать религиозную атрибутику. С другой стороны, использование знаков веры могли выполнять функцию противостояния советской власти с ее атеистической идеологией.

Знаками веры являются христианские символы, изображенные на памятнике:

- ▶ самый распространенный это крест (как лаконичные кресты, так же усложненные варианты - с изображением распятья, высеченные в памятнике, как компонент, соединяющий две части памятника в единое целое и т.п.);
  - > изображение Христа встречается редко;
- ▶ более характерным для католиков является культ Девы Марии и соответственно ее изображений. Довольно часто она

изображается во весь рост в лучах света, расположена как на лицевой, так и на обратной стороне памятника;

▶ часто встречается мотив розы — предположительно связанный с Девой Марией, которая и сама почитается, как роза или имеет розу своим атрибутом. Легенда рассказывает, что архангел Гавриил взял белые, желтые и красные розы и сделал из них три венка для Пресвятой Богородицы. Венок из белых роз означал ее радость, из красных — ее страдания, из желтых — ее славу. Деву Марию в молитвах называют Волшебной Розой, Розой Небес, Розой Без Шипов, поскольку шип розы символизирует страдание, смерть, это христианский символ греха. Согласно ранней христианской традиции, роза не имела шипов, пока не было совершенно грехопадение. Интересно, что нередко розы размещены там, где должна была бы находится фотография усопшего.

➤ ангелы — изображение на памятнике реже, чаще присутствуют в виде маленьких скульптур возле памятника.

 $\blacktriangleright$ вера в Бога актуализируется в эпитафиях. Более распространенные формулы: $M\bar{u}z\bar{i}go$ mieru dod viņiem, Kungs; weczny pokoi; pokoj ich duszhom; spozywaj v Bogu.

Иногда религиозная атрибутика представлена очень интенсивно, воплощая глубину скорби и веру.

3) Часто религиозная атрибутика сопрягается со светской (мирской):

➤ характеризуя личность усопшего, на памятнике фиксируется знак веры (определяющий его как христианина), а также атрибуты, связанные с его профессией или хобби. Более часто указывается профессия врача (в основном на памятнике изображен символ медицины — чаша с обвившейся вокруг неё змеёй; встречается портрет покойного на памятнике, где он изображен в белом халате). Вторая по частотности — профессия учителя (обычно присутствует надпись на памятнике (педагог, skolotāja) помимо имени и фамилии). Указывается и профессия железнодорожника (отображен паровоз или умерший в форме). Среди хобби и интересов в основном преобладает музыка (изображен нотный ключ, фрагмент мелодии, музыкальный инструмент).

▶ помимо креста представлены элементы природы, которые могут быть растолкованы как в религиозном контексте, так и просто как компоненты латвийского пейзажа (на рубеже 80-90)

- гг. оказывается популярен пейзаж с лосем; редкий случай лебедь (лебединая песня, распятый Христос), чаще ветки дуба, березы, колосья);
- ➤ как редкий случай можно упомянуть акцентирование связи с государством (например, на памятнике поляка изображен герб Польши белый орел с короной).
- 4) Специфика коллективных погребений, в том числе парных смешанного брака, в котором муж и жена представители разных конфессий:
- В случае разноконфессиональной семьи можно выявить две модели захоронения:
- ➤ подчеркивается семья как единое целое, то есть поставлен один памятник, но на нем указываются отличия в вероисповедании, обычно соответствующий крест (конечно, тут возможно усмотреть и экономический критерий);
- ▶ акцентированы различия религиозных взглядов (у каждого свой памятник, скамья и столик расположены в стороне православного).
- Если это коллективное захоронение (3 и больше могил в огражденной территории), различия в вероисповедании и погребальных традициях проявляются в расположении усопших:
- ➤ один вариант противоположное размещение, в зависимости от религиозных традиций (например, в огражденной территории, в которой похоронены родственники, представляющие разные конфессии, католики Смильгины расположены напротив православных Балицких);
- ▶ расположение по поколениям: в одном ряду старшее поколение, во втором - младшее.
- 5) Особенности захоронений, отображающие межэтническое взаимовлияние и специфику приграничного месторасположения города:
- ▶ металлические ограды (с одной стороны это можно объяснить желанием оградить территорию покойных родных, так как на городском кладбище могилы расположены очень близко друг к другу). С другой стороны, возможно, усмотреть влияние соседей, конкретно белорусов. Если ограда отсутствует, то чаще всего у латышей и поляков. В виде ограды используются декоративные кусты.

▶ искусственные цветы (католики и лютеране к искусственным цветам относятся настороженно, особенно, если речь идет о похоронах). В основном на похороны приходят с живыми цветами и с венками, в которых присутствуют живые цветы. Только зимой живые цветы заменяются искусственными. Но в нашем регионе искусственные цветы на могилах стали общепринятой традицией. Это и функционально – если близкие не могут часто посещать могилу, искусственные цветы не требуют особого ухода. Иногда могилы даже перенасыщены ими.

ightharpoonup латыши обычно не указывают свое <u>отчество</u>, но на коммунальном кладбище можно констатировать довольно много захоронений, где на памятнике фиксировано имя отца (особенно на памятниках советского периода) (*Ruža Voiceks Ādama d.*, *Ruža Monika Pētera m.*, *Dārznieks Boleslavs Antona d.*).

На кладбище возможно увидеть и своеобразные, немного странные элементы, например:

- 1) установлен памятник, но не понятно, где именно в огражденном месте захоронения находится покойный (нет надгробия);
  - 2) подсолнух как элемент зеленой зоны захоронения;
- 3) ограда без захоронений, но с мелодией Битлз «Yesterdey».
- С. Шокарев пишет: «Социокультурная значимость некрополя определяется его непосредственной связью с вечной проблемой жизни и смерти. В основе существования этого явления лежит представление о сохранении памяти об умерших, памяти о предыдущих поколениях и сохранения представлений о прошлом вообще. Некрополь и его восприятие в различные эпохи является показателем существовавшего или существующего в обществе исторического самосознания».³
- заключении надо отметить, что даугавпилсское коммунальное кладбище является важным историческим и культурно-историческим источником новейшего времени. Места захоронений хранят информацию о переменах в политической и социально-экономической ситуации, свидетельствует о влиянии существующей власти на сознание людей (навязывание атеистического мировоззрения в советский период и т.п.). Важно этноконсолидирующее значение кладбища. В данном аспекте именно религия функционирует как объединяющий фактор. Приграничье в свою очередь определяет межкультурное

взаимовлияние, которое прослеживается в языке и погребальных традициях.

1 а ап

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Barkovska G., Šteimans J. *Daugavpils vēstures lappuses*. Rēzekne: Latgales Kultūras centra izdevniecība, 2005.
- 2. Cakuls J. *Latvijas Romas katoļu draudzes: kūrijas arhīva materiālu apkopojums.* Rīga: Rīgas Metropolijas kūrija, 1997.
- 3. *Latgale kā kultūras pierobeža*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2008.
- 4. Бугрый Е. *Кладбища как объект краеведческих исследований//* http://www.library.vn.ua/Konf2010/texts/1_5.htm (25.10.2013.)
- 5. Шокарев С. *Некрополь как исторический источник//* http://iai.rsuh.ru/binary/1870554_11.1324599851.29957.pdf (25.10.2013.)

¹ Федоров Ф. Духовное пространство Латгалии. *Latgale kā kultūras pierobeža*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds "Saule", 2008.- С. 15.

² Бугрый Е. *Кладбища как объект краеведческих исследований//* http://www.library.vn.ua/Konf2010/texts/1 5.htm (25.10.2013.)

³ Шокарев С. *Некрополь как исторический источник//* http://iai.rsuh.ru/binary/1870554_11.1324599851.29957.pdf (25.10.2013.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстрация 1. Даугавпилсское Коммунальное кладбище. Взаимовлияние языков. Фото И. Купшане

Иллюстрация 2. Даугавпилсское Коммунальное кладбище. Знаки веры – изображение Девы Марии. Фото И. Купшане

Иллюстрация 3. Даугавпилсское Коммунальное кладбище. На памятнике фиксируется знак веры, а также атрибуты, связанные с его профессией или хобби. Фото И. Купшане

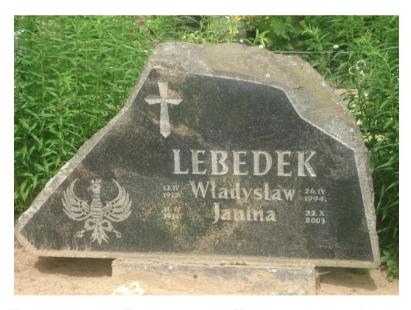

Иллюстрация 4. Даугавпилсское Коммунальное кладбище. На памятнике фиксируется знак веры, а также связь с государством (изображен герб Польши). Фото И. Купшане

Иллюстрация 5. Даугавпилсское Коммунальное кладбище. Коллективное захоронение смешанного брака - расположение по поколениям: в одном ряду старшее поколение, во втором — младшее. Фото И. Купшане

Иллюстрация 6. Даугавпилсское Коммунальное кладбище. Искусственные цветы. Фото И. Купшане

Иллюстрация 7. Даугавпилсское Коммунальное кладбище. Семейное захоронение; на памятнике фиксируется не только имя, фамилия, но и отчество. Фото И. Купшане

Иллюстрация 8. Даугавпилсское коммунальное кладбище. Странные элементы, например - ограда без захоронений, но с мелодий Битлз "Yesterdey". Фото И. Купшане

Элина Васильева

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ ДАУГАВПИЛСА: ДИНАМИКА ТРАДИЦИИ

Резюме

статье рассматривается история и специфика История современного еврейского Даугавпилса. кладбиша кладбища рассматривается в контексте социокультурных 70-xгг. XXв. Особое внимание *уделяется* трансформации еврейской традиции, связанной с культурой кладбиша: спеиифика памятника. структура эпитафии. традиции оформления.

Ключевые слова: еврейская традиция, эпитафия, памятник, захоронение, память

Изучение культуры кладбищ занимает особое место современной иудаике. Кладбище становится особым знаком еврейской традиции, актуализирующим категорию памяти. В течение последних лет Центром научных работников преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» был проведен целый ряд полевых исследований, связанных с изучением старинных еврейских кладбищ. В 2013 г. по материалам очередной полевой школы издается сборник Желудок: память еврейском местечке¹. Традиция, связанная c культурой кладбищ, формировалась на протяжении всей истории еврейского народа и претерпевала разного рода трансформации под воздействием политических факторов И влиянием культур-соседей. Формируется определенная лексика, связанная с обозначением реалий смерти, похорон, захоронений. Эта лексика тоже меняется и приспосабливается к условиям конкретной языковой среды. В библейской и раввинистической лексике место захоронений носит различные названия: בֵּית עוֹלַם, бет-'олам (`дом вечности`, Эккл. 12:5; на арамейском אַבית עלמָ, бет-'алма — ТИ.,

MK. 1:2, 806 или בֵית עַלְמִין, бет-'алмин — Плач Р. 1:4), בֵּית קבַרוֹת, бет-кварот (буквально `дом [место] могил`, ср. Нех. 2:3; Санх. 6:5); эвфемистически — בית מוֹעֵד לְכַל חַי , бет-мо'эд ле-хол хай (`дом собрания всех живущих`, Иов 30:23), בית החיים, бет-ха-хаим $(`дом жизни`)^2$. Несмотря на разночтения, во всех указанных вариантах доминантная коннотация связана с символикой дома, таким образом, место захоронения воспринимается как другой дом, который оформляется с учетом определенных параметров.

В еврейском жизненном цикле момент ухода из жизни наделен особой знаковостью. Более того еврейский закон особое внимание уделяет поведению и действию тех, кто провожает последний путь. Заповеди предписывают ушедшего уважительное отношение к умершим, что проявляется и в самом ритуале подготовки тела к погребению, и в ритуале погребения, и в традиции хранения памяти об умершем. Таким образом, все, что связано с уходом, наделяется особой семантикой, и свое семантическое поле появляется у пространства кладбища. Кладбище является замкнутым пространством, особым миром, в котором действия живых подчиняются определенным законам. Большая часть предписаний, связанных с поведением на кладбище, представлены в виде запретов (особый тип заповеди строящейся по формуле «не»). Таким логичным оказывается тот факт, что одна из обязательных традиций ограничивает посещение кладбищ, поскольку частые посещения могут тревожить мир мертвых. Если же кладбище посещается, то единственная цель – это почитание памяти об умершем, что воплощается, прежде всего, в молитве и уходе за Следовательно, могилой. остальные В быту все распространенные действия оказываются запрещенными: на кладбище нельзя есть, спать, громко разговаривать. Пространство кладбища нельзя использовать не по назначению – например, традиция запрещает перемещение по кладбищу с целью сократить путь.

В корпусе стереотипов о евреях в культуре других достаточно встречаются рассказы народов часто традициях.² Из специфических похоронных достоверной информации о специфике еврейских похорон следует указать информацию о том, что евреям нельзя приносит на похороны цветы. Собственно ортодоксальная традиция действительно запрещает соседство цветов, которые символизируют радость и жизнь, рядом с местом поминовения. Но, начиная с XIX в., под воздействием других культур у евреев появляется обычай сажать цветы на могилах. Тем не менее, особая стилистика в оформлении могил на еврейском кладбище задается.

специфики Существуют многие аспекты изучения кладбища. Кладбище – прежде всего – особый тип пространства со свойственной ему архитектоникой. В этой связи в последнее время актуализировался историко-культурный аспект изучения кладбиша: описание организации пространства, традиции оформления могил, памятники. В 2006 г. центром «Шамир» выпускается репрезентационное издание Еврейские кладбища π Латыш на трех языках (латышский, английский, русский)³. На данный момент в Латвии разработан сайт, задачей которого является обобщение информации, касающейся мест захоронения (www.nekroppole.lv).

Кладбище является составляющей частью религиозной жизни, это место, маркированное ритуальными действиями и предметами. Для культуры XX в. знаковым становится противопоставление религиозной и светской традиции кладбища. В сфере культурного туризма кладбище стало популярным и посещаемым объектом.

В еврейской традиции складывается особое отношение к кладбищу: кладбище - пространство, особо маркированное ритуальностью. В понимании сущности еврейской общины кладбищу и похоронному обряду отводится особое место. Собственно традиционной считается модель общины, обязательными составляющими которой являются: синагога (молитвенный дом), наличие миквы (бассейна для ритуальных омовений), начальной школы (хедера) и погребального общества (Хевра Кадиш). Принимая во внимание специфику еврейского общинного существования в современном мире, вне ситуации Израиля, вполне понятными становятся разного отступления от ортодоксальной традиции по целому ряду объективных и субъективных причин (проблемы доступности элементов традиции в нееврейском мире, проблема личного

самосознания и идентификации в рамках иудаизма). В этой связи трансформация традиции является более чем распространённой. Ho ЭТОМ наблюдается одна последовательная закономерность, на которую указывает в своих наблюдениях Семен Чарный: даже в случае полного отпадения от еврейской традиции (не соблюдения целого ряда основных мицвот заповедей) единственной актуальной составляющей принадлежности еврейству – становится стремление/желание быть похороненным по еврейскому ритуалу и обязательно (!) похороненным на еврейском кладбище⁴.

История еврейского кладбища Даугавпилса, с одной стороны, отражает типичность проблемы, с другой стороны – демонстрирует самобытную модель. История евреев Динабурга – Двинска – Даугавпилса восходит к XVII в. Знаковым периодом становится первая половина XX в., когда еврейское население города составляло около 50% (49,3% на 1913 г.)⁵, что позволяет говорить об особом русско-еврейском периоде в истории города⁶. С религиозной точки зрения еврейская община Двинска-Даугавпилса первой половины XX в. не была однородной: в равной мере были представлены и хасидская, и миснагедская традиции. В городе насчитывалось большое количество синагог. соответственно, была представлена деятельность традиционного похоронного братства «Хевра Кадиш». Так называемое старое еврейское кладбище находилось в нынешнем районе города – Химия. Собственно до 70-х гг ХХ в. территория еврейского кладбища существует как двучастное образование старое и новое еврейское кладбище⁷. Тем не менее, в 70-х гг. история этого еврейского кладбища заканчивается: в 1971 г. закрытии-ликвидации постановление 0 еврейского кладбища⁸, а несколько позднее закрывается, а затем и уничтожается так называемое новое еврейское кладбище. Закрытие и ликвидация еврейских кладбищ на территории послевоенного Советского Союза становится елва ЛИ общепринятым фактом.

Разрушение еврейского кладбища Даугавпилсе приобретает свою мифологию. Собственно месторасположениее кладбища делает его распознаваемым среди разных возрастных групп населения города: кладбище находилось в окружении целого ряда общественных топосов – дворец культуры (ранее Дворец культуры химиков, в настоящем – Дворец культуры и спорта), средние школы, филиал Рижского технического университета. В 70-ые гг. одновременно с решением о ликвидации кладбища предпринимается попытка создания на его месте небольшого парка. Ввиду того, что место оказывается в центре внимания школьников и молодежи, в 70-х-нач. 80-х формируется небольшой. но фиксированный повествований – рассказов, связанных с еврейским кладбищем (рассказ об особых ритуальных действиях евреев, связанный с омовением умершего, производимый в специальном месте на кладбище, и представляющий угрозу санитарному состоянию одного из городских водоемов в районе кладбища; рассказ о регулярно наблюдаемом свечении фосфора, исходящего из могил).

Уничтожение кладбища было драматически воспринято города. Большинство оказалось двойственной ситуации в связи с вопросом возможного перезахоронения. С одной стороны, еврейская традиция запрещает повторное перезахоронение – умерших нельзя тревожить. стороны, неприемлемым был и вариант оставить останки близких на территории запланированного парка. Один из примеров такой дилеммы демонстрирует история моей семьи Штейман-Гольдин. Моя бабушка Дебора Гольдина (1909 г.р., девичья фамилия Штейман) настаивала на перезахоронении своего брата Анатолия Штеймана. Процедура перезахоронения была произведена. Но многие захоронения остались на территории бывшего кладбища.

После ликвидации старого еврейского кладбища городские власти (исполнительный комитет) предоставляют новый участок для еврейского кладбища на территории общегородских коммунальных кладбищ. Собственно участок для еврейских захоронений на данном кладбище существовал изначально. Это небольшой сектор в правой части кладбища, расположенный недалеко от каплицы, видимый с центральной аллеи. Этот участок имеет удобное месторасположение и на современном этапе считается престижной территорией кладбищ, на которой производятся захоронения. 10

Тем не менее, городскими властями выделяется новый участок, который в документации жилищно-коммунального отдела города определен как еврейское кладбище. Собственно само месторасположение этого сектора демонстрирует особую идеологическую позицию. Прежде социальную еврейский сектор удален от центральной аллеи. Одной из причин выбора удаленного участка, скорее всего, стала необходимость переноса могил двух знаменитых раввинов Иосифа Розина Мейера Симхи Кац-Кагана¹². (Рогачевера $)^{11}$ И концепции коммунальных кладбищ подчеркивал не только мультикультурный, но и светский, внеконфессиональный аспект. Размещение могил раввинов рядом с центральной аллеей нарушило бы общую идеологическую концепцию.

Месторасположение еврейского кладбища во многих отношениях невыгодно и непрестижно. На общем плане это юго-западной части коммунальных кладбищ, восточной части он расположен рядом с общекоммунальной территорией (между секторами довольно обширная свободная территория, выполняющая функцию границы), в южной части фактически прилегает к железнодорожному полотну (расстояния приблизительно 20 м), западным краем граничит с участком кладбищ для безродных и клиентов пансионата для одиноких и престарелых (последние захоронения безродных находятся на противоположной стороне неширокой тропинки); южная часть сектора открыта (это место для современных захоронений). Общая площадь еврейского кладбища – 1200 кв. м. Большинство захоронений расположены рядами по линии «юг-север», но имеется несколько рядов поперечного расположения (линия Наиболее «восток-запад»). распространенным принципом семейной захоронений является принцип принадлежности (рядом захоронены члены одной семьи). На современном еврейском кладбище о отличие от старого не сохраняется ортодоксальный принцип раздельного захоронения мужчин и женщин. Общекультурной традицией вт. пол. XX-нач. XXI вв. стала традиция установления семейного памятника - один памятник устанавливается на могиле двух, в отдельных случаях трех родственников, чаще всего это супруги, реже другие родственники. Ha еврейском кладбище встречается

распространенный на кладбищах Даугавпилса вариант: когда по смерти одного из супругов устанавливается один общий памятник, часто с двойным или двумя отдельными портретами, выгравированными именами и датами, за исключением даты смерти второго супруга. Имея в виду мультикультурную Даугавпилса ситуацию целом распространенность смешанных браков. закономерным является наличие мультиконфессиональных захоронений, еврейском **КТОХ** кладбище таковые достаточно редки. Мультиконфессиональность на памятниках постсоветского периода подчеркивается знаками принадлежности определенной религиозной культуре (Маген Довид – иудаизм, крест – христианство), рамках христианской культуры конфессиональные Собственно варианты креста. рассматриваемой территории еврейского кладбища обнаружены памятника, имеющие мультикультурный два Большинство захоронений мультиконфессионального характера находятся на территории общих коммунальных кладбищ.

К социальным характеристикам захоронений следует отнести и факт резервации мест на кладбище. С одной стороны, существующей традиции исследований некрополей, резервация трактуется факт, свидетельствующий как общества 13 стратификации что связано понимаем престижности связанной дороговизной места И ЭТИМ резервации. Ситуация на кладбищах Даугавпилса несколько отличается именно в социальном и экономическом плане: места Кладбишах выделаются бесплатно В соответствии стандартного установленными нормативами (площадь захоронения). За резервацию места установлена определенная сумма. Факт резервации не столь частотен. На еврейском кладбище зарезервирован единственный участок, что врядли может быть расценено, как факт стратификации, поскольку места на данном участке доступны и по статусу не относятся к престижным, отличие территории В OTрасположенной к каплице и центральной аллее. Таким образом, более престижным является отдельный еврейский сектор в правой части коммунального кладбища. Следует также отметить, что сама по себе резервация места является принятой в традиции иудаизма.

Смысловой и архитектурной доминантой еврейского кладбища являются могилы раввинов, именно они образуют своеобразную восточную границу кладбища, определенную смысловую нагрузку. Памятники на захоронениях раввинов обращены на восток, перед могилами раввинов нет других еврейских захоронений, таким образом. памятники раввинов становятся религиозными указателями направления Иерусалимского храма. Одновременно захоронения образуют своеобразную вертикаль памятники сооружены как своего рода мавзолей, это самые массивные сооружения, видимые издалека служащие своего рода ориентиром сектора. Рядом с могилами раввинов находятся перезахоронения со старого еврейского кладбища.

Более чем 40 лет существования еврейского кладбища наложили свой стилистический отпечаток на обустройство мест захоронения, выбор памятника (маццевы), использование разного рода приемов декорирования.

Маццева или еврейский могильный памятник теснейшим образом связан с традицией погребения, оформление маццевы подчинено определенному канону. При этом следует отметить, что галахическая традиция не определяет никаких канонов в оформлении надгробия. Более того исторически пышные памятники среди евреев воспринимались как склонность к идолопоклонству, особенно если иметь в виду эллинистический характер традиции установления памятного знака на месте погребения. 14 Современное еврейское кладбище Даугавпилса демонстрирует модель отступления от канона. Собственно сам захоронения (a также И часть светских перезахоронений) осуществлялись в советское и постсоветское время, накладывает своеобразный социальный отпечаток - в оформлении захоронений минимально отражается иудейский канон и превалирует светскость, что обусловлено идеологией времени, ритуальными возможностями еврейской общины и конъюнктурой рынка ритуальных услуг.

Наиболее четко временная смена стилистики наблюдается в семейных захоронениях. Памятники изготовлены из разного материала, имеют разную форму, по-разному оформлены Оригинальность оформления налписи. захоронений еврейском кладбище соотносима с общей городской традицией. Не смотря на развернутый, на данный момент, рынок ритуальных **УСЛУГ.** возможности заказа оригинальных памятников ограничены. В пределах города действующие бюро и мастерские предлагают обработку шаблонных (производство Китая) заготовок памятников, таким ограничивая возможности выбора. Собственно на территории кладбища два памятника могут быть отнесены к артефактным. Памятники начала XIX в. в основном выполнены из черного камня с высеченным портретом (компьютерная графика).

В плане изучения еврейских кладбищ особый интерес представляют надписи на могильных памятниках или эпитафии. В связи с этим возможно выделить следующие аспекты: язык надписи, характер информации об умершем, развернутые цитатные тексты или тексты-посвящения и рисунки. Традиция иудаизма однозначно не приемлет изображение человека (следование заповеди «не сотвори себе кумира»), следовательно. на памятнике не должно быть изображено лицо похороненного. Но эта правило претерпевает изменения под воздействием существующих европейских традиций. Начиная с 80-х гг. ХХ в., изображение человека на еврейских памятниках становится регулярным. Особенно это актуализируется в начале XXI в., что связанно со стандартными предложениями на рынке ритуальных услуг. На коммунальных кладбищах Даугавпилса это явление показательно на местах захоронений последних пятнадцати лет наиболее частотный тип памятника - это разной вариативности (чаще горизонтального расположения) черный полированный камень. на котором изображен портрет (поплечное изображение), реже встречаются изображения в полный рост. Среди памятников, установленных в нач. XXI в., достаточно редко встречаются памятники без изображений, перестали использоваться фотографии, при этом новая техника портретов на памятниках связана с использованием фотографического изображения.

сложившейся научной традиции исследования еврейских кладбищ под эпитафией понимается не только поэтический текст – посвящение, но и вся надпись, выполненная Традиция эпитафий является памятнике. олной древнейших. Исторически формируется языковой канон и оформляется четкая структура. Михаил Носоновский датирует первые эпитафии на иврите III-VIII вв. (еврейские надгробия на территории Италии). 15 Приблизительно с XVI в. начинает формироваться структура эпитафии еврейского памятника. В данной структуре выделяются четыре обязательных элемента: вступительная формула, имя погребенного, дата, благословение. В этой заданной формуле могут быть и дополнительные элементы: разного рода тексты восхваления умершего или тексты, в которых подчеркивается скорбь по поводу утраты. 16

еврейских кладбишах Латгалии традиционным является разновариативное использование языков. Еспи традиционным языком намогильной надписи в еврейской традиции является древнееврейский или иврит, то в Латгалии уже с XIX в. использовались надписи на идиш, а в XX веке частотными становятся надписи на русском и латышском языках. Еврейское кладбище Даугавпилса в полной мере демонстрирует эту традицию. Имея ввиду языковую ситуацию. исторически сложившуюся в Даугавпилсе, латышский язык в еврейской среде является исключением: на кладбище находится единственный памятник с надписью на латышском.

Показательным для традиции данного региона является наличие надписей на идиш. Причем это, как правило, идиш в советской орфографии. Собственно в целом ряде надписей, как на идиш, так и на иврите встречается вариант, восходящий к русской анкетной традиции - указывается фамилия, имя, отчество. 17

Хронология захоронений демонстрирует и своеобразную языковую эволюцию надписей. На памятниках 70-80 гг. чаще появляются надписи на иврите. В 80-ые гг. возникает традиция исполнения надписей на двух языках – иврите и русском. При этом оба варианта написания могут полностью совпадать. Но встречаются и варианты разночтения: в русском тексте дается русифицированный светский вариант имени, например, Максим, в еврейском тексте сохраняется еврейский вариант, соответственно – $Mop \partial yx$.

Разновариативны и написания отчества. Собственно еврейская традиция предполагает написание «дочь того-то/сын того-то». В целом ряде случаев на памятниках употребляется советизированный вариант написания, когда в русском варианте обязательно появляется отчество, которое в случае наличия текста на еврейском просто транслитерируется. На всех памятниках в соответствии с традицией XX–XXI вв. указана фамилия, которая в соответствии с традицией не появляется на традиционных еврейских захоронениях XIX в.

В оформлении надписи на мацеве большое внимание уделяется дате смерти, которая является обязательной и должна быть указанной в соответствии с еврейским календарем, что связано с традицией поминовения умерших, которое должно проходить в годовщину смерти, при этом годовщина даты считается по еврейскому календарю. В традиционной формуле рождения вообще отсутствует. дата даугавпилсском кладбище большая часть дат традиционному григорианскому календарю, и на большинстве памятников (особенно последних десятилетий) присутствует и дата рождения, и дата смерти, что указывает на более светскую ориентацию общины.

обязательного Помимо указания даты смерти оформлении мацевы существует определенный набор формул, которые даются в сокращенном варианте. Из основных формул в качестве знаковых, а в ортодоксальной традиции обязательных, можно упомянуть вступительную формулу и благословение. Вступительная формула, предваряющая всю надпись, поясняет общее назначение памятника – по нитман, что переводится, как покоится, обозначается буквами. она ДВУМЯ двухбуквенная формула может быть размещена самостоятельно в верхней части памятника или помещена в какой-либо графический символ, чаще всего таковым является Маген Довид или раскрытая книга. Это формула представлена в основном на захоронениях 70-80-х гг. Благословение – это завершающая фраза, которая тоже пишется в сокращенном аббревиатурном варианте ТНЦБА – Пусть душа его/ее будет завязана в узле жизни. В XIX в. эта формула является обязательной и на старых сохранившихся еврейских кладбишах. это встречается фактически на всех памятниках. На современном же еврейском кладбище Даугавпилса эта формула встречается крайне редко.

Более частотны на памятниках разного рода посвящения, чаще всего выполненные на русском языке, и являющиеся универсальной, а не национальной традицией. Эти посвящения могут быть условно разделены на две группы: обозначение, кому (степень родства) посвящен памятник (Дорогому мужу, отиу, дедушке), обозначение тех (степень родства), кто поставил этот памятник (от любящих жены, детей, внуков или в форме именительного падежа). В целом ряде исследований эпиграфике еврейских кладбищ в качестве частотного элемента указывается формула, в которой выказывается уверенность в воскрешении мертвых. Некий аналог данной формулы встречается на одном из памятников. Это дополнение к поэтическому тексту эпитафии в виде своеобразного резюме – ∂o встречи.

Поэтические эпитафии на еврейском кладбище крайне редки, и судя по датировке памятников, они могут быть охарактеризованы как современный элемент. Большинство эпитафий носят универсальный характер и встречаются на конфессиональных национальных и захоронениях. Наиболее частотным является двустишие Забыть Собственно фактически все тексты Вернуть невозможно. представляют собой широко распространенные эпитафии. которые качестве стандартных формул предлагаются Из изготовителями памятников. современных надписей аутентичной можно считать одну: Друзья мои, моя опора,/ Мой тыл, надежный капитал./ Я получил Талит и Тору, / Я в вас судьбу свою узнал. 18

Одной из особенностей современных захоронений является наличие не только памятника, но и так называемого надгробника или надгробной плиты. Всего на нескольких могилах плита заменяет собой памятник. Большая надгробников представляют собой закрытые плиты, на которых может быть минимальный декор (Маген Давид, цветы, свечи)

или написано имя погребенного. На территории Коммунального кладбища чаще встречаются открытые надгробники, внутренняя площадь которых предусмотрена для декорирования цветами и зеленью. В некотором отношении закрытый надгробник может быть соотнесен с еврейской традицией не высаживать живые цветы на месте захоронений. Тем не менее, декорирование могилы цветами распространено на еврейском кладбище. Это и посаженные растения, и срезные цветы в вазах, и использование искусственных цветов. качестве декора Ha многих захоронениях можно встретить сочетание традиции возложения цветов и возложения камней.

еврейское кладбише Современное Даугавпилс демонстрирует модель трансформации еврейской традиции в современных социокультурных условиях. С одной стороны, в жизни общины, кладбище выполняет знаковую функцию: для большинства представителей еврейской общины статус еврейского кладбища бесспорен, оно воспринимается обязательная составляющая еврейской традиции. С другой стороны, многие составляющие традиции захоронения, принятые в иудаизме, не берутся во внимание. Благодаря общим работам по благоустройству территории кладбищ, участок, выделенный под еврейское кладбище, стал более привлекательным в плане восприятия ландшафта. Более того, находящиеся на еврейском кладбище могилы раввинов постепенно становятся объектом туристических маршрутов.

¹ Желудок: память о еврейском местечке, отв. ред. И. Копченова, Москва, 2013.

² К примеру, в сборнике, основанном на материале полевой школы центра «Сэфэр» Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии данная проблематика рассматривается в статье М. Алексеевского Представления о еврейских похоронно-поминальных традициях в рассказах жителей Латгалии – отв. ред. С. Амосова, Москва, 2013.

³ Melers M. Ebreju kapsētas Latvijā, Rīga, "Šamir", 2006.

⁴ Чарный С. Три проблемы еврейских кладбищ. *Евроазиатский еврейский ежегодник*, 5768 (2007/2008). http://library.eajc.org/page70/news13516 (10.11.2013)

⁵ Волкович Б. Штрихи из жизни евреев Двинска в начале 20 века. *Евреи в* Лаугавпилсе. Даугавпилс. 2011. с. 13.

⁵ Федоров Ф. Этюд о Двинске. *Humanitāro zinātņu vēstnesis* N12, 2007. Daugavpils, c. 89.

⁷Факты из истории старого еврейского кладбища рассматриваются в статье Бориса Волковича «Иудейская община Даугавпилса после Второй мировой войны (1945-1973)» Евреи в Лаугавпилсе. Лаугавпилс. 2011. Б. Волкович много лет занимался историей еврейской общины Даугавпилса. В 2013 году, когда проводилось данное исследование, Б. Волкович скончался, похоронен на еврейском кладбище города.

⁸ ЗА, ф 202, оп.6, д. 59, л. 125-126.

9 На данный момент поана Коммунального кладбища не существует. Работниками кладбища принята условная сисема деления на определенные участки. Общим ориентиром служит центральная аллея, ведущая от входа к каплице, делящая территоррию кладбища на праву и левую часть по отношению к аллее.

В данном случае под престижностью подразумевается удобное месторасположение, а не социальная диференциация.

11 Иосиф Розин (Рогачевский Гаон) (1858-1936). Знаменитый раввин и талмудист. С 1889 года раввин хасидской общины Даугавпилса

¹²Мейер Симха Кац-Каган (1843-1926). Один из наиболее известных раввинов Латвии. С именем Меера Симхи связано несколко преданий, одним из наиболее распрастраненных является предание о том, как мудрец своей молитвой предотвратил наводнение 1922 года.

13 Филиппова С. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации. Журнал социологии и социальной антропологии. т. XII. № 42009.

¹⁴ Носоновский М. «Завязанные в узле жизни»: к поэтике еврейский эпитаеврейской истории, 5 сентября (№19). http://www.berkovich.zametki.com/Nomer19/MN18.htm (10.11.2013)

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Автор статьи выражает благодарность директору музея «Евреи в Латвии» Илье Ленскому за помощь в переводе надписей с идища и иврита.

¹⁸ В написании сохранена орфография исходного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Волкович, Б. Иудейская община Даугавпилса после Второй мировой войны (1945-1973), Евреи в Даугавпилсе, Даугавпилс, 2011.
- 2. Волкович, Б. Штрихи из жизни евреев Двинска в начале 20 века. Евреи в Даугавпилсе, Даугавпилс, 2011, с. 13.
- 3. Желудок: память о еврейском местечке, отв. ред. И. Копченова, Москва, 2013.

- 4. Melers, M. Ebreju kapsētas Latvijā, Rīga, "Šamir", 2006.
- 5. Носоновский, М. «Завязанные в узле жизни»: к поэтике еврейский эпитафий. Заметки по еврейской истории, 5 сентября (№19), 2002., http://www.berkovich.zametki.com/Nomer19/ MN18.htm (10.11.2013)
- 6. Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии, отв. ред. С. Амосова, Москва, 2013.
- 7. Федоров, Ф. Этюд о Двинске. *Humanitāro zinātņu vēstnesis* N12, 2007, Daugavpils, c. 89.
- 8. Филиппова, С. Кладбище как символическое пространство социальной стратификации. *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. XII, № 42009.
- 9. Чарный, С. Три проблемы еврейских кладбищ. *Евроазиатский еврейский ежегодник*, 5768 (2007/2008). http://library.eajc.org/page70/news13516 (10.11.2013)
- 10. ЗА, ф 202, оп.6, д. 59, л. 125-126.
- 11. http://www.eleven.co.il/article/12113 (12.11.2013)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстрация 1. Стилистический эклектизм в оформлении места захоронения. Коммунальное кладбище Даугавпилса. Фото Э. Васильева

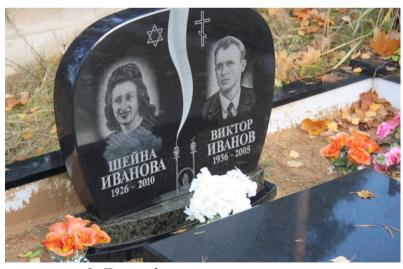

Иллюстрация 2. Двуконфессиональный семейный памятник: сочетание звезды Давида и православного креста. Фото Э. Васильева

Иллюстрация 3. Резервированное место для захоронения. Фото Э. Васильева

Иллюстрация 4. Могилы раввинов Меира Симхи и Иосифа Розина (Рогачевер). Захоронения, перенесенные со старого, уничтоженного в 70-е гг. XX в. еврейского кладбища Даугавпилса. Фото Э. Васильева

Иллюстрация 5. Стилистические особенности памятников разных периодов: начало ХХ в. и 80-е гг. ХХ в. Фото Э. Васильева

Иллюстрация 6. Единственный памятник на еврейском кладбище Даугавпилса с надписью на латышском языке. Фото Э. Васильева

Иллюстрация 7. Двуязычная надпись на памятнике. Фото Э. Васильева

Иллюстрация 8. Оформление памятника с соблюдением традиций оформления надписи на мацеве. Фото Э. Васильева

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЕЙ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

Альбина Семенчук

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Резюме

Из ближайших соседей белорусов наиболее богатый опыт исследования мест захоронений имеет польская наука, особенно такие ее разделы, как археология, антропология, этнология, социолингвистика и др. Каждая из дисциплин имеет огромную историю изучения литературу предмета. В польской историографии имеется специализированных изданий. проблематике смерти - танаталогии. Традиционно в Польше занимаются инвентаризацией некрополей не только в своей стране, но также в Украине, Литве, Беларуси, т.е. на землях бывшей Речи Посполитой. Белорусская наука делает первые шаги в изучении некрополей. Небольшие исследования посвящены кладбищам в г. Новогрудке, д. Плебань, а также гродненским католическому и православному некрополям.

Ключевые слова: кладбище, некрополь, танатология, культурная антропология

Согласно распространенному мнению, под кладбищем понимается место, В котором В индивидуальных или коллективных могилах похоронено тело умерших ИЛИ захоронены останки после кремации (это светская точка зрения). Первоначально кладбища появлялись в связи с культом памяти об умерших и верой в загробную жизнь. С доисторических кладбища имеют свои истоки религиозных В представлениях людей. Католический ксендз А.Калиновский главными функциями кладбищ считает: 1) создание достойного места для захоронения умерших, позволяющего в тишине и покое отправлять религиозные обряды в соответствии с

традициями исповедованной им религии, а также 2) охрану от профанации мест упокоения и 3) обеспечение санитарных норм¹.

В плане терминологическом «кладбище» — это институционально оформленный сегмент пространства погребального назначения, организованный по определенным правилам, которые связаны с ритуализированными формами погребения умерших и существующей культурной традицией способа фиксации памяти о них². Таким образом, кладбище — это и место sacrum, и семантическая система, «текст культуры».

В статье мы анализируем исследования христианских кладбищ в польской и белорусской гуманитарной науке. Еврейские или мусульманские кладбища не были специальным предметом наших историографических штудий. Они требует отдельного рассмотрения, поэтому информация о них появляется лишь по мере возникновения этой тематики в сборниках, посвященных погребальному обряду христиан.

Современная танаталогия (наука о смерти) в Польше состоит из нескольких разделов, каждый из которых имеет собственный предмет и источники изучения. Нас среди всевозможных ее проявлений интересуют места погребений. Но существенном сужении проблематики лаже при столь исследовательское поле остается исключительно широким. Отметим, что польская гуманистика занимается изучением мест погребения очень давно накопила большой И ОПЫТ исследования.

Огромный спектр погребальных практик в масштабах различных шивилизаций человечества И рассматривается в ежегодно издаваемом сборнике материалов конференций под названием Tanatos - «Problemy współczesniej tanatologii. Medycyna-Antropologia Kulturowa-Humanistyka». 1997 г. вышли материалы первой конференции, а в 2012 г. издан шестнадцатый том. Идейным вдохновителем и организатором этих научных мероприятий является профессор Вроцлавского университета Яцек Кольбушевский. Он же редактор всех томов указанного издания и главный исследователь некрополей как семантических систем, культурологических объектов. мест исторической И национальной памяти, литературных текстов³.

Польские исследователи проблем смерти пионерами в этой области культурной антропологии, они основываются на работах прежде всего французских ученых. Сама проблематика стала популярной после выхода в свет в 1977 г. книги знаменитого французского историка «Школы Анналов» Филиппа Ариеса "Человек перед лицом смерть" (Philippe Aries, L'homme devant la mort; польский перевод – 1989 г.; русский перевод – 1992 г.); а также после польского издания французского ученого Луи-Винсента V.Thomas) "Труп. От биологии до антропологии" (1991) и его же "Антропологии смерти" (1993). Поэтому не случайно возникла идея проведения циклических конференций под названием Tanatos, которые, кстати, начинались после дня Всех Святых (1 ноября) в городке Карпач в Польских Карконошах.

В польской культуре (а также культуре Речи Посполитой в целом до конца ее существования) тема смерти имеет огромное разнообразных И оригинальных воплошений. множество например, portret trumienny (портрет на гробу), ars bene moriendi, эпитафии, наконец, произведения современного киноискусства (к вопросам танатологии обращается в одном из своих фильмов известный польский кинорежиссёр Кшиштоф Занусси - "Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путем"). В материалах конференций Проблемы современной танатологии рассматриваются также вопросы отношения к смерти первобытных обществах; в древней Индии и современном индуизме; верования и обряды в Новой Гвинее; Гане и Республике Конго. Некоторые статьи посвящены погребальным обрядам караибских индейцев северной Амазонии. Рассматриваются и более изученные проблемы смерти и похорон у кельтов либо древних римлян. Но все же наибольшее количество материалов шестнадцати сборников **Tanatos** посвящено территориям Польши и соседних стран.

Кроме проблем культурной антропологии как таковой в сборниках *Tanatos* рассматриваются и вопросы широко понимаемой гуманистики, начиная с философии и заканчивая правом. На страницах *Tanatos* представлены проблемы смерти и эсхатологии у А.Шопенгауэра, З.Фрейда, М.Шелера, Т. Котарбиньского и др. Проблемы умирания и смерти затронуты в

различных произведениях литературы, особенно в пословицах, сказках, песнях (народных и духовных), похоронных речах, воспоминаниях узников Гулага, предсмертных романах. Исключительным танатологическим повестях событием 2005 г. было умирание папы римского Яна Павла II на глазах всего мира и его последующие похороны. Такого еще не видела история человечества. Этот факт был представлен в материалах IX Танатологической конференции этого же года. В сборниках Tanatos нашли отражение и анализы произведений искусства, связанных с так называемой порнографией смерти, т.е. ее экспонированием. Речь идет об эпатировании зрителей жестокими сценами смерти, которые льются на нас с экранов кино, телевидения и иных средств массовой информации.

Еще одним польским мультидисциплинарным проектом, направленным на исследование танатологической проблематики, являются конференции-семинары из цикла Funeralia Lednickie, проводимые регулярно познаньским отделом Научного общества результатам археологов, ПО которых соответствующие тома материалов. В них рассматриваются как проблемы исследований, проблемы методы так интерпретаций полученного материала. Тематика очередных номеров говорит сама за себя: Spotkanie 2. Czarownice; Spotkanie 4. Popół i kość; Spotkanie 5. Kobieta, śmerć, meszczyzna; Spotkanie 6. Dusza maluczka, a strata ogromna; Spotkanie 7. Do, ut des – dar, pochówek, tradycja; Spotkanie 8, Starość, wiek, spełnienie; Spotkanie 9. Srodowisko pośmiertne człowieka; Spotkanie 10, Epidemie, kleski, wojny; Spotkanie 11. Metody, zródła, dokumentacja; Spotkanie 12. Tak wiec po owocach poznacie ich; Spotkanie 13. Kim jesteś człowieku?; Spotkanie 14. Obcy; Spotkanie 15. Migracje.

Для тематики нашего текста наиболее интересным является проблематика 9-го тома под названием «Посмертное $(2007)^4$. человека» Авторы организаторы окружение конференции задавались вопросами: как реконструировать культурную некроструктуру (кладбища, могилы, погребения, сопровождающие объекты (места кремации, тризны и т.п)? Чем были (могли быть) могильники для современников и какую роль они играют сегодня, каковы их исследовательские перспективы и возможности? Чем является могильник – только ли местом,

где хоронили умерших, которых мы сегодня стараемся «откопать исследований использовать» ДЛЯ нужд человеческих поселений, или чем-то большим? Может быть, это место, где в прошлом встречались два мира – метафизический и реальный? Сегодня, изучая кладбища и могильники, узнаем ли мы о метафизических представлениях предков? Можем было». мыслить или только интерпретируем обнаруженные нами явления? Каково направление наших интерпретаций? Допускает ли современная научная рефлексия возможность изучения чего-то большего, чем материальные остатки? Можем ЛИ МЫ интерпретировать необъяснимые явления? Наконец, какие методы исследования применимы для изучения межличностных, популяционных, межкультурных коммуникаций, нашедших отражение танатологии. Это только некоторые из вопросов, которые возникают при изучении древних некрополей. На самом деле современная культурная антропология предполагает гораздо более широкий круг исследовательских задач, направленных как вширь, так и вглубь объекта исследований, каковыми являются погребальный обряд и погребальные памятники.

Стоявший у истоков польской танатологии профессор Вроцлавского университета Яцек Кольбушевский, до сих пор является главным исследователем некрополей. К его работам так или иначе обращаются все более молодые исследователи нашей проблематики. Классической стала его монография "Кладбища", в которой польский ученый занимается всесторонним изучением погребальных мест, и в первую очередь как мест исторической и национальной памяти⁵. Название первого раздела указанной groby» монографии «Ojczyzna to ziemia i приписываемые французскому маршалу Фердинанду Фошу: «Родина – это земля и могилы. Народ, утративший память, утратит жизнь». Неслучайно поэтому книга начинается с характеристики кладбищ, имеющих не только общепольское, но и общеевропейское значение. Польские кладбища свидетельства драматического переплетения коллективной судьбы поляков и истории человечества. На польской земле находятся могилы тысяч и тысяч жертв преступлений против человечности. Самым жутким образом они свидетельствуют о драматизме истории. Это Освенцим, Майданек, Белжец.

В связи с массовыми захоронениями на территории Беларуси можно привести пример урочища «Курапаты» на северо-восточной границе Минска. Здесь с 6 по 15 июля 1988 г. по инициативе Прокуратуры БССР специалистами Института истории НАН Беларуси во главе с Зеноном Пазняком проводились археологические исследования. В результате были выявлены массовые захоронения расстрелянных в кон. 1930 — нач. 1940-х г⁶. Количество жертв на сегодняшний день остается точно неизвестным и, в соответствии с разными оценками, может составлять от 7 тысяч до 250 тысяч человек.

Как уже было сказано, наиболее продуктивным подходом к изучению мест погребения является **культурно-антропологический подход.** Его теории и методологии посвящены несколько статей в научном сборнике *Miasto i sacrum* под редакцией М. Ковальского и А.М. Круликовской⁷.

Статья Барбары Левицкий из Института социологии Шлёнского университета⁸ показывает, что городские некрополи жизни современного города исполняют определенные функции, имеют свою инфраструктуру и связанное с ними социокультурное значение. В неоднородном пространстве города разные его части играют конкретные роли, приобретают различную символику. В сложной городской жизни люди определенными пользуются мысленными схемами, упорядочивать позволяющими множество побудительных моментов, генерируемых данным местом. Так, для человека верующего есть пространства освященные и неосвященные. Вслед за Я. Кольбушевским Б. Левицка выделяет 3 фазы функционирования пространства умерших как в польской культуре, так и европейской в целом:

- 1) архетипический, чрезвычайно длительный период формирования и созревания дохристианской культуры. Могилы в то время могли размещаться случайно и хаотично.
- 2) с X в. н.э. следующие восемь веков продолжался период "триумфующей смерти" либо "смерти ожидаемой". Типичным для этого периода было размещение кладбища

поблизости от храма либо внутри его. Могилы были чаще всего братскими.

3) в XVIII–XIX вв. начался этап, длящийся и сегодня. Это фаза возвышения процесса умирания, воспринимаемого в романтических категориях «смерти другого», смерти, отбирающей близких и тем самым приносящей боль, которую помогает успокоить надгробный памятник как память об ушедшем. Некрополи стали зеркалом, отражающим социальную реальность периода завоевания прав и свобод граждан, периодом демократии и триумфа личности, а на кладбище — право иметь отдельное надгробие, приватную могилу с индивидуальной эпитафией.

Исследовательницу из Щецина Александру Пилярчик заинтересовала близкая проблематика – "выветривание sacrum", процесс перехода пространства старинных некрополей из сферы sacrum в сферу profanum. 9 Исследования проводились на основе кладбищ в Щецине, Вроцлаве, Кракове, Гамбурге и др. Исследовательница приходит к выводу, что старинные кладбища являются свидетельством жизни многих поколений, документом истории, поэтому кроме сакрального значения они имеют характерное для них историческое и культурное значение, благодаря чему их можно считать памятниками культуры, ценными, охраняемыми государством объектами. Эти черты приводят к тому, что кладбища могут быть привлекательными туристическими объектами, которые можно посещать с целями эстетическими и познавательными. Однако в результате этой своей функции кладбища также утрачивают сакральное значение становятся местами profanum. "Выветривание происходит также и в результате натуральных процессов старения и распада материальных объектов на кладбище. Со временем общественные, исторические, культурные изменения приводят к тому, что нам становится все трудней понять значение и символику вещей, близких и понятных нашим предкам.

Подобным проблемам посвятила свою статью в сборнике «Город и *sacrum»* и социолог Щецинского университета А.М. Круликовска¹⁰. По ее мнению, кладбище – это образ нашего отношения к умершим, отношения к предкам. Поэтому

кладбище воспринимается как пространство, предназначенное для встречи живых и мертвых. На первый взгляд, социологу нечего там. гле нет живых людей, лелать взаимоотношениями и проблемами. Однако оказывается, что люди переносят на пространство, посвященное умершим, свои проблемы. Например, кажется, что кладбище – это место, где время остановилось. Однако в разделе «Кладбище и время» А.М. Круликовска показывает, что «вечное существование» кладбищ деле должно обеспечиваться заинтересованным отношением живущих к памяти умерших и смерти как таковой. Однако все чаще наблюдается меркантильное отношение к местам захоронения, торговля ими, уничтожение могил, за сохранение которых родственниками специально не заплачено В очередной раз автор статьи подчеркивает, кладбища – это «тексты культуры», по ним можно прочитать их социологический смысл. Сколько в нем sacrum, а сколько profanum? Ровно столько, насколько способен отнестись с уважением и знанием религиозной догматики тот или иной человек, каких традициях ОН воспитан. Условием существования мест памяти и их культивирования является семьи. наличие потомков, Олнако ключевым вопросом антропологии является следующий: культурной насколько умершие нужны живущим? Секуляризация жизни, убеждение, что смерть - это только биологическое явление, однозначный жизни. ослабляет тенденцию К ответственному конец предков, отношению 3a места упокоения ослабляя «социальную роль».

Методологический характер имеет текст Яна Ягельского *источник*". ¹¹ падгробия как исторический "Кладбиша Кладбища являются аутентичными и хорошо сохранившимися памятниками народов и этно-религиозных групп. На примере еврейских кладбищ варминско-мазурского региона и Подляшья автор показывает пути их исследования: сначала необходимо изучить демографию и статистику региона, далее через историю населенных пунктов и религиозных общин переходить к топографии и урбанистическим изменениям того или иного населенного пункта. Приступая непосредственно к изучению самих кладбиш. автор предлагает следующую

исследований: 1) определить современную локализацию кладбища и соотнести ее с исторической урбанистикой; 2) изучение кладбищ связано с религиозными ритуалами, что надгробиях, отображается эпитафиях, самой системе размещения могил (более важные покойники хоронились в более местах); 3) непосредственное материальных объектов, размещенных на данном пространстве. Если придерживаться названных принципов, исследователь может получить очень важную информацию по хронологии и социо-этнокультурных процессах в том или ином регионе.

На связь между локальными общностями, возводят надгробия членам своих сообществ на конкретном кладбище и тем самым демонстрируют свою этническую, национальную и культурную принадлежность, обратил внимание Игорь Борковски¹². В статье отмечается, что с XVIII в., когда кладбища перестали располагать вблизи храмов на территории города, изменилась сама парадигма их существования. Это уже не были сакральные места – костел и ближайшее окружение, – а огороженная территория, отдаленная от человеческого жилья, где хоронили умерших и по возможности увековечивали их память. Причем рядом могли оказаться богатые и бедные, аристократы и безродные плебеи. Элитаризм кладбища в храме него сменился элитаризмом индивидуальных надгробий умерших из определенного локального сообщества. Сначала этот принцип реализовался у членов евангелических общин, затем католических и православных. Эти изменения, которые отделили пространственно мертвых от живых, должны были привести к соединению кладбища и его пространства с определенными общностями, связующими в одно целое их членов. Везде, где какие-то элементы культуры выделяют данную общность из однородного семиотического окружения, такое пространство, где встречаются только свои, становится котором теологических, местом, кроме моральных, эсхатологических представлений присутствуют также представления патриотические, национальные, этнические. И. Борковский в своей статье представил связи между языком, который мы обнаруживаем в эпитафиях, И национальной принадлежностью на примерах кладбищ И сообществ

территории однонациональной и территории полиэтнических групп, проживающих в данном месте на протяжении веков, а также внедренных в моноэтническую среду иноэтнических групп. Автором статьи сопоставлялись варшавские Повонзки (относительно моноэтническая территория), а также полиэтнические гродненское Фарное кладбище, виленские Россы и львовское Лычаковское кладбище.

От себя заметим, что сопоставление именно этих четырех кладбищ показывает значение гродненского католического некрополя в истории культуры не только Беларуси, но и всей Европы. Признаваемое Восточной специалистами типологическое подобие с самыми известными некрополями позволяет говорить о мемориальном характере и огромной культурной важности данного объекта. Ему посвящена и отдельная монография краковских исследователей Е. Розмуса и "Фарное кладбище в Гродно 1792–1939"¹³. Гордеева гродненской ситуации Уникальность заключается топографической близости c католическим кладбищем одновременного православного. В свою очередь последнему В. Черепицы «Гродненский посвящена книга Православный некрополь (с древнейших времен до начала 20 века)» ^{14} .

В польской культурно-антропологической и этнологической науке на рубеже XX–XXI вв. были проведены исследования некоторых кладбищ непосредственно с территории Беларуси. Результатами данных исследований являются раздел в монографии Юстыны Страчук «Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi» 15 и статья Дагнослава Дэмского «"Najważniejsze, żeby pamiętać...". Стептат jako źródło do badań tożsamosci zbiorowej mieszkańców wsi na Białorusi i ich wyobrażeń na temat śmierci» 16.

В первую очередь Ю. Страчук анализирует пространство кладбиш. которые показывают определенные деревенских элементы пограничной реальности, а также характерные черты крестьянской памяти и произошедшие в ней перемены за последние сто лет. Пространство кладбищ, ПО исследовательницы, также является местом, которое очень хорошо отображает социальную структуру деревни: организованная в семейные группы, с одной стороны, указывает

(разделение на существование религиозных границ католические и православные кладбища), так и их нарушение (похороны иноверцев по нерелигиозным причинам – семейные, локальные). Исследование инфраструктуры кладбищ – характер перемешивание памятников инскрипций, алфавитов, двухъязычные версии имён и фамилий – позволило Ю. Страчук убедиться в культурной амбивалентности, взаимопроникновении и нераздельности пограничной реальности и феномена культуры пограничья¹⁷.

Объектом исследования Д. Дэмского явилось деревенское приходское католическое кладбище в Налибоках (Столбцовский район, Минская область). Своё внимание польский этнолог главным образом на изменения (национальной, религиозной, локальной) сельского населения на протяжении 166 лет, которые удалось проследить на основании надгробных надписей с местного кладбища. Дополнительным источником информации были опросы местного населения и некоторые метрические книги XIX в. Главный вывод, к которому пришел автор, заключается в том, что на культурную и национальную идентичность католического населения прихода Налибоки наибольшее влияние имели конкретные политические перемены, особенно в ХХ в.

Последнее время культурно-антропологический подход изучения кладбищ наблюдается и в белорусской этнологии. Владимир Лобач посвятил одну из своих статей символическому ритуальным функциям сельских кладбищ современной народной белорусской культуре в верховьях рек Вилия¹⁸. Березина Семантический И подход как методологическую основу своих исследований погребальных традиций и обрядности белорусов с конца XIX в. до современности использует Сергей Грунтов 19. В 2011 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Семантыка мемарыяльных помнікаў беларусаў канца XVIII - пачатку XXI cmcm. ^{20} .

Анализируя богатую литературу по танатологическим исследованиям в польской и белорусской гуманитарных науках, можно прийти к выводу, что в библиографии доминируют работы по истории конкретных кладбищ – хорошо известных и

примечательных, городских, местечковых, сельских, христианских. еврейских И мусульманских. География типология изученных кладбищ настолько широки, специальном полношенный анализ возможен только В В монографическом исследовании. своей статье ограничимся книгами и статьями, посвященными некрополям с пограничных польско-белорусских территорий.

Збигнев Романюк в своей статье "Кладбище как источник исследования городских элит (на примере Бельска Подлясского) $''^{21}$ подчеркивает, что городские некрополи остаются мало изученным источником по истории отдельных местностей. Одним из самых интересных городских некрополей Подляшья является кладбище в Бельске Подлясском, поскольку оно имеет поликультурный и поликонфессиональный характер. Автор статьи собрал самые старые эпитафии, начиная с 40-х гг. XIX в. до 1939 г. Из числа 15 тысяч могил, сохранившихся до лней наших только несколько процентов составляют 3. захоронения второй мировой войны. Романюк ДО проанализировал 100 надгробий, среди которых около 50 римско-католических, более 40 православных (униатские не 4 протестантские. В процессе сохранились) обращалось внимание на исторические данные, сохранившиеся на памятниках, их художественные достоинства и эпитафии, бы свидетельствовать принадлежности которые могли 0 умершего к элитам города. Отмечается, что в надписях редко указания должности либо исполняемые встречаются на обязанности. Поэтому историк предпринял исследования в архивах, чтобы на основе списков чиновников, записей из церковных книг умерших и других актов установить занятия или профессию покойных. 3. Романюк подчеркивает, что кладбище в Бельске – это типичный поликонфессиональный некрополь и называет это кладбище "экуменичным некрополем".

В книге из той же серии "Малые города" опубликована статья ксендза Адама Шота "Кладбище св. Роха в Заблудове"²². Данная местность очень значительная для истории и культуры Великого Княжества Литовского. Когда-то она принадлежала аристократическому роду Ходкевичей, которые известны как основатели монастыря в Супрасле и меценаты. Автор

показывает, что кладбище расположено вокруг костела и возникло с момента основания прихода в XVI в., в конце XVIII в. хоронили также в костеле. В начале XIX в. службы стали проводить в бывшем протестантском сборе, который перестроили в костел, поэтому вокруг него возникло новое кладбище. Новое кладбище уничтожило протестантское, существующее еще с середины XVI в. и тем самым сократилась источниковедческая база для исследования этнокультурной и религиозной специфики местечка Заблудов, а также Подляшья.

Книга Е. Розмуса и Ю. Гордеева "Фарное кладбище в 1792-1939" Гродно представляет собой историкокультурологическое исследование старейшего католического кладбища в Гродно²³. Авторы ставили перед собой цель комплексно исследовать этот некрополь. Первоначально была представлена краткая история возникновения и формирования кладбища с конца XVIII в. до закрытия городскими властями в середине 70-х гг. ХХ в. На этом фоне рассматривается прошлое кладбищенской каплицы и наиболее выразительных надгробий. Материалы, собранные краковскими исследователями на фарном кладбище позволяют реконструировать национальный состав 1792-1939 населения Гродно католического В похоронены поляки, белорусы, литовцы, французы, немцы, австрийцы, итальянцы и даже чехи.

Если культурно-антропологическом И методологическом отношении изучение кладбищ в Беларуси пока имеет скромные результаты, то несколько лучше обстоят дела с качеством исторических исследований. Николай Гайба в историографической статье представил основные исследования по исторической некрополистике Беларуси в XX в., при этом были учтены как отечественные, так и зарубежные (польские и российские) работы. В поле зрения автора преимущественно исследования, посвященные католическим, православным, еврейским и татарским городским и местечковым кладбишам²⁴.

Среди немногих книг по истории кладбищ выделяется монография В.Н. Черепицы «Гродненский Православный некрополь (с древнейших времен до начала XX века)» ^{25} . В ней впервые комплексно исследуется история всех православных

кладбищ Гродно. По структуре и изложению материала данная книга во многом повторяет монографию Е. Розмуса и Ю. Гордеева, посвященную гродненскому католическому кладбищу. Заметим, что оба кладбища находятся напротив друг друга, создавая единое мемориальное пространство.

Брошюра Н. Гайбы посвящена истории некрополей в одном из древнейших городов Беларуси — Новогрудке²⁶. Исследование делится на две части: первая — это краткий исторический очерк новогрудских кладбищ; вторая посвящена старому христианскому некрополю города. Автор рассматривает расположение и планировку кладбищ, архитектуру каплиц и надгробных памятников, характеризует кресты и ограды, анализирует эпитафии.

Наиболее полное комплексное исследование на сельском католическом кладбище было проведено в 2007 г. в деревне Плебань Молодеченского района Минской области²⁷. Небольшая по размерам книга состоит из двух частей: аналитической (краткая история местности, костела и кладбища) и каталога захоронений. В каталог включено несколько сотен надгробных надписей из 600 сохранившихся.

Из всего многообразия тем в сборниках исследователей белорусских и польских надгробных надписей особенно ΜΟΓΥΤ заинтересовать статьи литовского социолингвиста польского происхождения Кристины Сырницкой²⁸. Автор исследовала польскоязычные надписи на крестах и надгробиях на этнических белорусских и литовских землях. Она утверждает, что польский язык на наших территориях выступает в двух видах – регионально-диалектном и литературном, а также отмечает лингвистические особенности "польшчызны крэсовэй", которые можно так называемой обнаружить на различных кладбищах польско-белоруссколитовского пограничья.

Последний аспект, на который хочется обратить внимание, — это инвентаризация и каталогизация кладбищ на территории Беларуси. С 1989 по 2000 гг. названные мероприятия проводила экспедиция под руководством Д. Слядецкого из Люблина²⁹. В результате её деятельности наилучшим образом изучены католические и смешанные православно-католические

кладбища в Новогрудке, Беняконях (Вороновский район), Мире, Воронче (Кореличский район), Пинске, Лагишине (Пинский район). Всего инвентаризировано около 50 христианских и 29 еврейских кладбищ. Еврейские кладбища исследовала группа под руководством Павла Сыговского³⁰. Инвентаризация еще одного еврейского кладбища была проведена совместной московско-гродненской экспедицией в местечке Желудок (Щучинский район)³¹.

В 2007–2008 гг. в Польше были опубликованы три посвященные историческим кладбишам. Беларуси: A.Lewkowska. сохранившимся в западных регионах J.Lewkowski. W. Walczak. Zabytkowe cmentarze Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej. Wschodnie powiaty dawnego województwa baiłostockiego (obecnie na terenie Białorusi). Warszawa 2007; A.Lewkowska, J.Lewkowski, W.Walczak. Zabytkowe cmentarze na Kresach Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej. Województwo wilieńskie na obszarze Republiki Białoruś, Warszawa 2007; A.Lewkowska, J.Lewkowski, W.Walczak. Zabytkowe cmentarze na Kresach Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej. Województwo Nowogródskie, Warszawa 2008. Составители обратили своё католические внимание в первую очередь на кладбища, расположенные отдельно или при костелах, и на захоронений участников восстания 1863–1864 гг., Первой мировой войны, советско-польской войны 1920 г., партизан Армии Краёвай с 1940–1945 гг. Материал представлен следующим образом: коротко описана история каждого населенного пункта, в котором расположено кладбище или место захоронения, представлены карта местности и план кладбища, избранные надмогильные надписи И большое количество фотографий надгробий. Также частично нашлось место на страницах данных изданий татарским и еврейским кладбищам. Относительно православных некрополей, то, как мы понимаем, составители оставили их каталогизацию белорусским исследователям.

_

¹ Kalinowski A., ks. *Cmentarze: ewolucia przepisów w kościelnym ustawodawstwie kodeksowym XX wieku.* Pelpin, 2001. – s. 16.

² Kolbuszewski J. *Cmentarze*. Wrocław, 1996. – s. 33.

- ³ Kolbuszewski J. Wiersze z cmentarza. O współczesnej epigrafice wierszowanej. Wrocław, 1985; его же. Cmentarze. Wrocław, 1996.
- ⁴ Środowisko pośmiertne człowieka. Funeralia Lednickie. Spotkanie 9. Red. W.Dzieduszycki, J.Wrzesiński. Poznań, 2007.
- ⁵ Kolbuszewski J. *Cmentarze*. Wydwnictwo Dolnoślazkie. Wrocław, 1996.
- ⁶ Пазьняк З., Шмыгалёў Я., Крывальцэвіч М., Іоў А. *Курапаты*. Мінск, 1994; Тарнавский Г., Соболев В., Горелик Е. *Куропаты: следствие продолжается*. Москва, 1990.
- ⁷ Miasto i sacrum, red. M.Kowalskiego i A.M. Królikowskiej. Kraków, 2011.
- ⁸ Barbara Lewicka. *Cmentarze mejskie enklawy Sacrum*, in: Miasto i sacrum, red. M.Kowalskiego i A.M. Królikowskiej. Kraków, 2011. ss. 183–195.
- ⁹ Aleksandra Pilarczyk. "Wietrzenie Sacrum". Process przechodzenia przestrzeni dawnych cmentarzy od sfery Sacrum do sfery Profanum, in: Miasto i sacrum, red. M.Kowalskiego i A.M. Królikowskiej. Kraków, 2011. ss. 196–211.
- Anna Małgorzata Królikowska. Cmentarz obraz stosunku do zamarłych, stosunku do przodków, in: Miasto i sacrum, red. M.Kowalskiego i A.M. Królikowskiej. Kraków, 2011. s. 211–222.
- ¹¹ Jagielski J. *Cmentarze i nagrobki jako żródło historyczne*, in: Tematy żydowskie, red. E. Traby i R. Traby. Olsztyn 1999. ss. 286–300.
- ¹² Borkowski I. *Przestrzeń cmentarza wybór języka manifestacja kultury. Język inskrypji nagrobnych jako dowód przynależności narodowej i kulturowej lokalnej wspólnoty*, in: Problemy współczesniej tanatologii. Tom V. Wrocław, 2001. ss. 389–398.
- 13 Rozmus J., Gordziejew J. Cmentarz farny w Grodnie 1792–1939. Krakow, 1999.
- ^{14} Черепица В.Н. Гродненский Православный некрополь (с древнейших времен до начала 20 века). Гродно, 2001.
- ¹⁵Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław, 2006; eë же. Śmierć-pamięć-wspólnota. O wiejskich cmentarzach na pograniczu kulturowym, in: Oblicza lokalności. Tradycja i współczesność, red. J.Kurczewska, Warszawa, 2004. s. 228–266.
- ¹⁶ Demski D. "Najważniejsze, żeby pamiętać...". Cmentarz jako źródło do badań tożsamosci zbiorowej mieszkańców wsi na Białorusi i ich wyobrażeń na temat śmierci, in: Etnografia Polska. T.XLIV. Z.1-2. ss.79–98.
- ¹⁷ Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław, 2006. ss. 9–10, 143–144.
- ^{18} Лобач У.А. Сімвалічны статус і рытуальныя функцыі могілак у беларускай народнай культуры вярхоўяў Бярэзіны і Віліі XX пачатку XXI стагоддзя, іп: Вестник Полоцкого государственного университета. 2008. №1. Серия А. Гуманитарные науки. сс. 71–82.
- 19 Грунтов С.В. Память и забвение в пространственной перспективе: к функциональному анализу семантики белорусских традиционных кладбищ, in: Проблемы методологии социогуманитарного познания: диалектика и герменевтика: материалы Международного коллоквиума, 14 мая 2009 г. Минск, 2009. сс. 186–188; он же. Могілкі як горад: культуралагічны аналіз метафары на прыкладзе гарадоў і могілак заходняй Беларусі (канец XVIII—XX

стст.), іп: Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры: зборнік навуковых артыкулаў. Гродна, 2007. – сс. 196–204.

- ²⁰ Грунтоў С.У. Семантыка мемарыяльных помнікаў беларусаў канца XVIII пачатку XXI стагоддзя: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : (07.00.07); Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск, 2011.
- ²¹ Romaniuk Z. Cmentarz jako źródło do badań nad elitami miast, na przykładzie Bielska Podliaskiego, in: Małe miasta: Elity, red. M.Zemło. Acta Collegii Suprasliensis. Tom VI. Supraśl, 2005. – ss. 433–447.
- ²² Szot A., ks. *Cmentarz św. Rocha w Zabłudowie*, in: Małe miasta: Zabytki, red. M. Zemło i R. Dobrowolski. Acta Collegii Suprasliensis. Tom XII. Lublin-Supraśl,
- 2009. ss.169–185. Rozmus J., Gordziejew J. *Cmentarz farny w Grodnie 1792-1939*. Krakow, 1999.
- 24 Гайба, М. П. Гістарычныя могілкі Беларусі: гістарыяграфія і вопыт даследавання тэмы, іп: Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працэсаў урбанізацыі ў Беларусі: зборнік навуковых артыкулаў. Гродна, 2009. - cc. 367–373.
- ²⁵ Черепица В.Н. Гродненский Православный некрополь (с древнейших времен до начала 20 века). Гродно, 2001.
- ²⁶ Гайба М. *Могілкі і пахаванні ў Навагрудку*. Мінск: Пейто, 2000.
- ²⁷ На "панскіх" могілках Плябані. Мінск, 2013.
- ²⁸ Syrnicka K. Z problematyki jezykowej polskich inskrypcji nagrobnych na Litwie, Problemy współczesnej tanatologii. Medycyna-antropologia humanistyka. Wrocław, 1997. – ss. 375–387; она же. Polsko-litewskie konwergencje komparatystyczne w współczesnej epigrafice nagrobnej na Litwie, in: Problemy współczesnej tanatologii. Т.И. Wrocław 1998. – ss. 223–243; она же. Koncepcja "śmierci opłakiwanej" w świetle epigrafiki XIX wieku, in: Problemy współczesnej tanatologii. T.III. Wrocław, 1999. – ss. 359–366; она же. Najstarsza wileńska epigrafika nagrobna w jezyku polskim, in: Problemy współczesnej tanatologii. T.IV. Wrocław, 2000. – ss. 293–302.
- ²⁹ Śladecki, D. Zagadnienie inwentaryzacji cmentarzy jednowyznaniowych i wielowyznaniowych na Białorusi i Ukrainie, in: Sztuka ziem wschodnich Rzeczypospolitej XVI-XVIII w., red. J.Lileyko. Lublin, 2000. – ss. 701–709.
- ³⁰ Sygowski P. Prace badawcze na cmentarzach żydowskich Zachodniej Białorusi (1992–2000), in: Sztuka cmentarzy w XIX-XX wieku, red. A.S.Czyż i B. Gutowski. Warszawa, 2010. – ss. 283–306.
- 31 Каталог еврейского кладбища м. Желудок (северная часть), in: Желудок. Память о еврейском местечке. Москва, 2013. – сс. 88–266.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Гайба М. Могілкі і пахаванні ў Навагрудку. Мінск: Пейто, 2000.
- 2. Гайба М. П. Гістарычныя могілкі Беларусі: гістарыяграфія і вопыт даследавання тэмы, іп: Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і

- працэсаў урбанізацыі ў Беларусі: зборнік навуковых артыкулаў. Гродна: ГрГУ, 2009.
- 3. Грунтоў С.У. *Могілкі як горад: культуралагічны аналіз метафары на прыкладзе гарадоў і могілак заходняй Беларусі (канец XVIII XX стст.),* іп: Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры: зборнік навуковых артыкулаў. Гродна: ГрДУ, 2007.
- 4. Грунтов С.В. *Память и забвение в пространственной перспективе: к функциональному анализу семантики белорусских традиционных кладбищ*, in: Проблемы методологии социогуманитарного познания: диалектика и герменевтика: материалы Международного коллоквиума, 14 мая 2009 г. Ред.колл.: М. Е. Кобринский (гл. ред.) и др. Минск, 2009.
- 5. Грунтоў С. У. *Семантыка мемарыяльных помнікаў беларусаў канца XVIII пачатку XXI стагоддзя [тэкст]* : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : (07.00.07). Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы Нац. акад. навук Беларусі, Мінск, 2011.
- 6. Даль. В. Толковый словарь великорусского живого языка. Т.И. Москва: Из-во энциклопедической литературы, 1975.
- 7. Лобач У.А. *Сімвалічны статус і рытуальныя функцыі могілак у беларускай народнай культуры вярхоўяў Бярэзіны і Віліі XX пачатку XXI стагоддзя*, іп: Вестник Полоцкого государственного университета. 2008. №1. Серия А. Гуманитарные науки.
- 8. На "панскіх" могілках Плябані / укладальнік В. Сямашка; аўтар прадмовы В.Сямашка. Мінск: Медысонт, 2013.
- 9. Пазьняк 3., Шмыгалёў Я., Крывальцэвіч М., Іоў А. *Курапаты*. Мінск: Тэхналёгія, 1994.
- 10. Тарнавский Г., Соболев В., Горелик Е. *Куропаты: следствие продолжается.* Москва: Юридическая литература, 1990.
- 11. Черепица В.Н. Гродненский Православный некрополь (с древнейших времен до начала 20 века). Гродно: ГрГУ, 2001.
- 12. Igor Borkowski. *Przestrzeń cmentarza wybór języka manifestacja kultury. Język inskrypji nagrobnych jako dowód przynależności narodowej i kulturowej lokalnej wspólnoty*, in: Problemy współczesniej tanatologii. Medycyna antropologia kultury humanistyka. Tom V. Wrocław, 2001.
- 13. Demski D. "Najważniejsze, żeby pamiętać...". Cmentarz jako źródło do badań tożsamosci zbiorowej mieszkańców wsi na Białorusi i ich wyobrażeń na temat śmierci, in: Etnografia Polska. T.XLIV. Z.1-2.
- 14. Jagielski J. *Cmentarze i nagrobki jako żródło historyczne*, in: Tematy żydowskie. Pod red.E.Traby i R.Traby. Olsztyn 1999.
- 15. Kalinowski A., ks. *Cmentarze: ewolucia przepisów w kościelnym ustawodawstwie kodeksowym XX wieku*. Pelpin: Benedyctynum, 2001.
- 16. Kolbuszewski J. *Wiersze z cmentarza. O współczesnej epigrafice wierszowanej.* Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1985.
- 17. Kolbuszewski J. Cmentarze. Wrocław: Wydawnictwo Dolnoszliendzkie, 1996.

- 18. Kolbuszewski J. Nowe materiały do dziejów polskiej wierszowanej epigrafiki nagrobnej, in: Problemy współczesnej tanatologii. Medycyna - antropologia kultury - humanistyka. T.III. Wrocław 1999.
- 19. Kolbuszewski J. Dalsze materiały do dziejów polskiej wierszowanej epigrafiki nagrobnej, in: Problemy współczesnej tanatologii. Medycyna - antropologia kultury - humanistyka. T.IV. Wrocław, 2000.
- 20. Kowalski A.P. Królewstwo Tanatosa. Z genealogii wyobrazeń związanych z miejscami chowania zmarłych, in: Środowisko pośmiertne człowieka. Funeralia Lednickie. Spotkanie 9. Red. W.Dzieduszycki, J.Wrzesiński. Poznań, 2007.
- 21. Królikowska A. M. Cmentarz obraz stosunku do zamarłych, stosunku do przodków, in: Miasto i sacrum, red. M.Kowalskiego i A.M. Królikowskiej. Kraków, 2011.
- 22. Lewicka B. Cmentarze mejskie enklawy Sacrum, in: Miasto i sacrum, red. M.Kowalskiego i A.M. Królikowskiej. Kraków, 2011.
- 23. Miasto i sacrum, red. M.Kowalskiego i A.M. Królikowskiej. Kraków, 2011.
- 24. Pilarczyk A. "Wietrzenie Sacrum". Process przechodzenia przestrzeni dawnych cmentarzy od sfery Sacrum do sfery Profanum, in: Miasto i sacrum, red. M.Kowalskiego i A.M. Królikowskiej. Kraków, 2011.
- 25. Romaniuk Z. Cmentarz jako źródło do badań nad elitami miast, na przykładzie Bielska Podliaskiego, in: Małe miasta: Elity, red. M.Zemł / Acta Collegii Suprasliensis. Tom VI. Supraśl, 2005.
- 26. Rozmus J., Gordziejew J. Cmentarz farny w Grodnie 1792–1939. Krakow, 1999.
- 27. Straczuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław: Wydawnistwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2006.
- 28. Straczuk J. Śmierć-pamięć-wspólnota. O wiejskich cmentarzach na pograniczu kulturowym, in: Oblicza lokalności. Tradycja i współczesność, red. J.Kurczewska. Warszawa, 2004.
- 29. Śladecki D. Zagadnienie inwentaryzacji cmentarzy jednowyznaniowych i wielowyznaniowych na Białorusi i Ukrainie, in: Sztuka ziem wschodnich Rzeczypospolitej XVI–XVIII w., red. J.Lileyko. Lublin, 2000.
- 30. Środowisko pośmiertne człowieka. Funeralia Lednickie. Spotkanie 9. Red. W. Dzieduszycki, J. Wrzesiński. Poznań, 2007.
- 31. Sygowski P. Prace badawcze na cmentarzach żydowskich Zachjdniej Białorusi (1992–2000), in: Sztuka cmentarzy w XIX-XX wieku, red. A.S.Czyż i B. Gutowski. Warszawa, 2010.
- 32. Syrnicka K. Z problematyki jezykowej polskich inskrypcji nagrobnych na Litwie, in: Problemy współczesnej tanatologii. Medycyna – antropologia kultury – humanistyka. Wrocław, 1997.
- 33. Syrnicka K. Polsko-litewskie konwergencje komparatystyczne w współczesnej epigrafice nagrobnej na Litwie, in: Problemy współczesnej tanatologii. Medycyna – antropologia kultury – humanistyka. T.II. Wrocław, 1998.
- 34. Syrnicka K. Koncepcja "śmierci opłakiwanej" w świetle epigrafiki XIX wieku, in: Problemy współczesnej tanatologii. Medycyna – antropologia kultury – humanistyka. T. III. Wrocław, 1999.

35. Syrnicka K. Najstarsza wileńska epigrafika nagrobna w języku polskim, in: Problemy współczesnej tanatologii. Medycyna – antropologia kultury – humanistyka. T.IV. Wrocław, 2000.

36. Adam Szot A., ks. Cmentarz św. Rocha w Zabłudowie, in: Małe miasta: Zabytki, red. M.Zemło i R.Dobrowolski / Acta Collegii Suprasliensis. Tom XII. Lublin-Suprasl, 2009.

Сергей Омелько, Евгений Махнач

МЕТОДЫ И ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ГРОДНО)

Резюме

Исследования no истории развития некрополей показывают, что данные понятия тесным образом связаны с религиозными представлениями людей. Вера в Бога, Христа веру в воскрешение. Похороны становятся отличающим человека от животного мира. В символом, настояшее время перед представителями различных религиозных конфессий стоит решение сложного вопроса – какой вид захоронения избрать (кремация или традиционное погребение). В советский период была постепенно утрачена сложившаяся традиция проведения захоронений (обрядов), появились особенности, связанные с увековечиванием памяти на кладбищах. И возникла она под воздействием не только культурно-религиозных, но и социально-политических факторов.

Ключевые слова: некрополь, кладбище, захоронение, часовня, саркофаг

Городские некрополи являются неотъемлемой частью историко-культурного ландшафта города и тесно связаны с материальной культурой и духовной жизнью его жителей. Для реконструкции эволюции погребального обряда и традиций, этапов формирования сакрального пространства в современной гуманитарной науке используется комплексный метод анализа археологических, документальных, нарративных, картографических источников, позволяющий наиболее полно изучить историю микрорегиона в широком хронологическом диапазоне.

Средневековые городские могильники до нашего времени практически не сохранились, так как города всё время росли. О городских захоронениях в основном известно по случайным

время строительных работ и при изучении находкам BO археологами культурных пластов города. Больше информации о захоронениях при храмах, но и они в основном разрушены во время перестроек и ремонта. На территории г. Гродно первые захоронения возникают вокруг храмов и в их подземельях. Среди них следует отметить захоронение в алтарной части Борисо-Глебского храма в 1513 г. Троцкого городничего Богуша Богувициновича, который пожертвовал церкви деревню Чещевляны. Это была большая кирпичная крипта-часовня, использованная позднее для погребения княгини Анны Головиной-Голициной, умершей в 1784 г. (надгробная плита), в главной апсиде, в среднем нефе и в центральной части подземелья. По словам епископа Иосифа (Соколова), в 1864 г. в подземельях виднелись останки множества человеческих костей. Им предшествовали захоронения в Нижней и Верхней церквях, найденные во время археологических раскопок, проводившихся в 1930-х гг ¹

Согласно существовавшим средневековье В представлениями напрасности земной жизни предпринималось никаких шагов к тому, чтобы как можно дольше сохранить память об умершем (впрочем, в среде шляхты, состоятельных горожан была распространена пожертвования денежных сумм для проведения богослужения в память об умерших). Римский собор 1059 г. предписывал размещение кладбища вокруг храма на расстояние в 60 шагов. Тела умерших хоронились достаточно плотно и неглубоко. Их плотность могла достигать нескольких лесятков Средневековые гробы не содержали инскрипций, которые в исключительных случаях размещали на стенах костелов. Не на каждом захоронении ставился крест. 2 Подобная ситуация будет и гродненских приходских кладбищах, когда скученность, запущенное состояние, использование земли под городскую застройку, увеличение захоронений за счет жертв эпидемий и войн привели к тому, что встал вопрос о закрытии кладбищ и выносу их за пределы городской черты. В 1782 г. гродненский фарный костел пострадал в результате пожара, да и техническое состояние храма было не наилучшим. В 1783 г. принимается решение 0 переносе фарного костела

освободившееся здание поиезуитского костела. Старое кладбище просуществовало до $1804~\mathrm{r.}^3$

В послевоенные годы большинство храмов было закрыто, а здания использовались различного рода учреждениями. 4 Так, Гродненский Бригитский монастырь решением горисполкома был закрыт в 1950 г. Останки захороненных в склепах бывшего Благовешенского костела были вывезены направлении. Основанный в 1634 г., он стал местом упокоения членов семей фундаторов, состоятельных горожан. Судя по костным останкам, здесь были и детские захоронения. Это могли быть останки девочек-сирот, находившихся на воспитании у монахинь. Подвальная часть здания костела разделена на четыре части, первая из которых находится под главным входом в костел. Высота потолков составляет 2,5-3 м. Три других помещения имеют сводчатые потолки в виде цилиндров. В ходе проведения восьмой экспедиции Государственного художественного музея БССР в 1966 г. они были вскрыты. По воспоминаниям руководителя экспедиции Е.Аладовой вход в склеп плотно забит мусором: «...там, за рядом развороченных гробов, у черной сырой стены виднелось что-то похожее на картины...». В настоящее время в подземельях размещается музейная экспозиция.

Среди сохранившихся в храмах памятников сакрального искусства находятся достаточно ценные памятники древней искусства, которые одновременно важными источниками по геральдике, генеалогии и эпиграфике. К сожалению, достаточно долгое время, им не уделялось должного внимания. А в некоторых случаях мы наблюдаем факты их откровенного уничтожения. Это происходило без исключения во всех приходских храмах города. В Гродненском Фарном (поиезуитском) костеле к настоящему времени в боковой наве сохранилась погребальная плита Франтишка Дорошкевича Боуфала с латинской надписью "FRANCISKO DOROSZKIEWICZ BOUFFAŁŁ // **VENATORI** M.D.LITH. 1773 – 1790 PRAE // FECTO WIERZBOVIENSI MARSCHALCO SOCOLS//CENSI COMMISSIONIS BONI OR-DINIS GROD//NENSIS BENE MERITO PRAESIDI VIRO // CLA-

RISSIMO HUMANISSIMO GRATA POSUIT **PROLES** A.D.MCMXIII"

В переводе на русский язык это значит: «Франтишек Дорошкевич Боуфал, ловчий надворный В [няжества] Лит [овского] 1773–1790, староста Вержбовский, предводитель дворянства Сокольский, комиссар комиссии по упорядочению Гродненского veзда, найзаслуженный славный и образованный, похоронен [здесь] благодарными потомками, год 1913». Кроме надписи обращает на себя внимание портрет погребенного, написанный в так называемом «сарматском» стиле: погрудное изображение Франтишка Дорошкевича Боуфала в латах, с лентой ордена Святого. А. Бонецкий писал о нем: «Франтишек, стражник и писарь гродский гродненский 1766 г., подстолий 1770 г., стольник 1773 г. и староста Вербовский, ловчий надворный литовский 1774 г. и кавалер ордена Св. Станислава 1777 г. В 1776 и 1778 гг. избирался послом на сейм. В 1786 г. претендовал на должность гродненского старосты, а в 1793 г. – гродненского каштеляна (после создания Гродненского воеводства). Принадлежал к политической партии литовского надворного подскарбия Антония Тызенгауза, а затем Коссаковских. В 1913 г. его внук Бронислав получил разрешение на размещение памятной плиты, однако только в 1924 г. таблица, хранившаяся в подвалах костела, был вмурована в стену».⁷

ЭТОТ же период наследники графа Тызенгауза Пшездецкие получают разрешение на размещение мраморного памятника, посвященного знаменитому предку, в стенах костела (авторства львовского скульптора Томаша Дыкаса). В средней части памятника находится бронзовый медальон с изображением Тызенгауза и размещенной ниже таблицей с надписью: «ANTO-NI HR. TYZENHAUZ., STAROSTA GRODZIENSKI, PODSKARBI W. KS. L., UR. 1733 – 1785. MARJA Z TYZENHAUZOW ALEKSANDROWA HR. PRZEZDZIECKA, SPELNIAJAC WOLE OJCA I BRATA, **POMNIK** WZNIOSLA». У подножья памятника бронзовая позолоченная фигура женщины.

Из надгробий, представляющих интерес, следует отметить Казимиру памятник гродненскому подкоморию Мишуте.

участнику Северной войны, в 1733 г. принимавшего участие в выборах короля.: "VRGITE ADIUDICI MORTUI ...UM DE DOM WIECZNOŚCI POZNYM WIEKOM GROB OTWORZI GRODZIENSKI **PODKOMORZY** KAZIMIERZ NA WAHANOWIE MICUTA PO **ZMARŁEY GŁOWIE** NAZNACZYL PLAC POKOIU ZAWSZE W RADACH MEŻNY W BOIU SWIADCZA DZIEŁA DZIAŁA GROTY IAKIEY WOYSKU MAŻ OCHOTY ZA DWÓCH KRÓLÓW CNY WOIOWNIK DZIELNY ŻOŁNIERZ Y **PUŁKOWNIK** ZBROYNYCH HUFCOW WRAZ Z ORĘŻEM WRAZ PRZY WIERZE SŁAWNYM MEŻEM NA SEYM POSŁEM Z WOLNYM GŁOSEM W TRYBUNAŁACH PRAWDY LOSEM ZAMKNAŁ WIEK ZRENICA Z KOŁŁATAIOW ŻYŁ KOTWICA IMIĘ SAMEY EUFROZYNA SŁAWA Y CNOTĄ HEROINA LEŻA W PARZE KTO IE MIJA PROSIM O ZDROWAŚ MARIA HOC CI US OBIIT MEN AO DIE... 17... ... ... AM SSS TRIGA... UM... UPPEDITATUR HONORE".8 В подземелье алтарной части храма, в отдельном помещении находится гроб Мицуты. В гробу он лежит облаченным в плаще, под головой находится березовое полено. Надгробная плита, расположенная рядом с алтарем Св. Казимира, украшена гербами и разделена на 2 части (в левой части герб «Гоздава», в правой герб затерт), надпись, исполненная бронзовыми буквами, сильно повреждена.

Инициатором открытия кладбища за городом выступил первоначально ксендз Ю. Мучинский, смоленский каноник. Для чего был выставлен первоначальный крест. Здесь будут хоронить и православных. Православная часть кладбища, разделенная улицей Кладбищенской, появится в начале XIX в. 9

Начало возникновения приходского кладбища занеманском предместье города связано с сооружением здесь франтишканского монастыря и храма на пожертвования Евстафия Курча и его жены Сузанны, упитского старосты урожденной Тышкевич в 1635 г. В 1697 г. вновь возведенный новый храм стал приходским. На протяжении ближайших ста лет территория вокруг него стала приходским кладбищем. Во второй половине 1790-х годов захоронения стали производиться за Впервые на Тридентском соборе было пределами города. откницп решение ведении В католических приходах

метрических книг (браков и крещений). И только почти через 50 лет в странах Западной Европы (в 1614 г.) и в Речи Посполитой – обряда крещения (в 1631 г.). Последние начинают регулярно появляться только со второй половины XVIII в. В первую очередь это был финансовый интерес в целях получения как можно более высокого дохода. Несомненно, что до самого конца XVIII в. был распространён обычай хоронить наиболее состоятельных умерших В подземельях храмов. состоятельных - вокруг них, на прилегающей территории. В случае возникновения эпидемий, умерших больных (да и вследствие скученности населения в городах) хоронили за пределами городской черты. Необходимость подобного рода захоронений была вызвана и эпидемическими заболеваниями. Чума, постигшая Речь Посполитую в 1708-1710 гг., эпидемии 1850-x и начала 1860-х гг. на Гродненщине вызвали значительное сокращение количества прихожан 70%. Несомненно, что это нашло свое отражение в метрических Гродненском ведущихся В приходах. В франтишканском приходе, который охватывал и прилегающие к 1880-х годах приходский городу деревни, В священник вынужден был обратиться с прошением к властям с просьбой открытия отдельного кладбища в урочище Пышки захоронения умерших от заразных болезней. Впрочем, на этот получил категорический отказ. Самое старое запрос он сохранившиеся захоронение на франтишканском приходском кладбище относится к 1842 г. Это могила Леокадии Коллонтай. 7 лет, с надгробной надписью от родителей.

В 1854 г. здесь на средства Якова Руммеля была возведена каплица-усыпальница. В 1881 г. городская дума приняла решение о расширении территории кладбища. Настоятель Гродненского франтишканского монастыря П.Стецкевич отмечал: «Кладбище по давности существования и тесноте наполнено телами покойников так, что приходится раскапывать почти свежие могилы, что не соответствует ни христианскому уважению к умершим, ни санитарным правилам».

Следует отметить, что в урочище Пышки находилось второе воинское кладбище, прилегающее к городской черте. Здесь хоронили воинов русского гарнизона католического

вероисповедания. В период с 7 января по 18 декабря 1881 г. здесь было захоронено около 30 новобранцев, солдат и унтерофицеров 101-го Пермского полка, 102-го Вятского полка, 103-го Петрозаводского пехотных полков и других частей гродненского гарнизона, прихожан Бернардинского костела. Среди основных заболеваний, приведших к смерти, воспаление легких, брюшной тиф, оспа, рожа, водянка, гнойные заражения. 11

На современном военном кладбище по ул. Белуша среди наиболее старых захоронений находятся могилы православного вероисповедания. Однако хоронили TVT представителей других конфессий – сохранилась генерал-майора Александра Александровича vсыпальница Руссау (1843–1896 гг.), лютеранского вероисповедания. 12 Первые захоронения, предположительно, появились с начала 80-х годов XIX в. (в то время улица Форштадтская).

Долговременность ментального наследия оказало трансграничных территориях достаточно сильное влияние на формирование отдельных категорий, характеризующих семейственность, коллективизм, прагматизм и общественную активность. Впрочем, первая дефиниция вполне точно отражает (идентифицирует) связь c семьей. Разграничение общественного/государственного частного/семейного И наступает отчетливо во вт. пол. XIX в, когда последствия восстания 1863-1864 гг. приводят к почти полному исходу из публичной жизни. Именно семья, жизненная биография ее отдельных членов становятся примером для компенсации в развитии предпринимательства, экономической сфере. Вместе с тем, это концентрирует на попытках понять историю, культуру, свое место в сложных общественно-политических процессах. Находит это свое отражение и в сакральных комплексах, приходских кладбищах. Председатель появляющихся на Гродненской палаты гражданского суда Никодем Керсновский умер в Друскениках в 1881 г. и был захоронен в общем склепе со своим 3-летним внуком Георгием, умершим здесь же (могила безымянна, на ней размещена надпись «Grob rodziny Kiersnowskich»). «1881 года 17 января скончался в местечке Друскениках дворянин Никодим Иванович Керсновский от воспаления во внутрь, был причащен Святых таинств. Бывший председатель Гродненской гражданской палаты, вдов после умершей жены Алоизы, урожденной Пилецкой. Оставил после себя сыновей Ивана Казимира и Генрика, и дочерей Ирену и Елену, лет 87. Тело его похоронил капелан Друскеникской р.к. каплицы кс. Иосиф Маевский на Друскеникских р.к. кладбищах 20 января 1881 года». Прах их покоится рядом с другими представителями данного рода. И здесь будет сохранена та семейственность, которую особо ценили люди, прошедшие ссылку за сопричастность к восстанию.

Друскенинкай, основанный как государственный курорт (в 1862 г. решался вопрос о переходе в частные руки), был «колонизирован» гродненцами на протяжении 1830-40-х гг. размешались лома И виллы ДЛЯ отдыхаюших представителей разных сословий. Однако, смерть и курорт не могли сопутствовать друг другу. Поэтому могила знаменитого поэта Яна Чечота, умершего здесь в 1847 г., расположена была в деревне Ротница (сейчас пригород). И только позднее, во вт. пол. XIX в., здесь появляются усыпальницы представителей местной аристократии (О'Бриен де Ласси, Бутовт-Андржейковичей, Де Массальской, Эрбштейнов, Крузенштерн, княгини Керсновских, Пилецких, Грудзинских и др.).

Существующие правила проведения захоронений эксгумации тел при проведении судебно-медицинской эксперизы требовали разрешения (присутствия) приходского духовенства. Согласно циркуляра Виленской р.к. духовной консистории от 3 мая 1903 г. Гродненскому декану Эллерту предписывалось: «Широкое распространение случаев погребения катакомбах и склепах представляется опасным в санитарном отношении и что согласно 712 ст. Устава врач. Т. XIII Св. зак. изд. 1892 г., тела умерших должны быть погребены на отведенном для того кладбищах, чтобы священнослужители, предварительно разрешения похорон в отступление от прописанных законом правил, испрашивали на то согласие губернского начальства.

Ввиду того постановления о вышеизложенном консистория предлагает сделать зависящее распоряжение по епархии, дабы духовенство на погребение умерших тех в катакомбах на кладбищах и склепах под костелами испрашивало на то каждый раз разрешение губернского начальства». 15

Изменение общественно-политической обстановки в Российской империи предопределило и характер проведения церемонии захоронения на приходских кладбищах. Виленский епископ барон Ропп сделал предписание Гродненскому декану 13 марта 1905 г. Оно касалось захоронения на католических кладбищах Виленской епархии ЛИЦ православного вероисповедания. Вследствие чего нередко возникают разногласия и столкновения между римско-католическим и православным духовенством. консистории Ввиду было предложено распоряжение, чтобы на всех приходских р.-к. кладбищах были отведены соответствующие места для захоронения на них лиц, которых по уставу церкви запрещено хоронить на общем кладбище. Для чего для них данные места были отделены рвом или оградой и имели отдельный вход. 16

Сама процедура проведения регистрации акта о смерти имела четко определенную структуру и подлежала безусловному исполнению (в отличие от периода Речи Посполитой, когда нередко священники не вносили записи о смерти в погребальные книги, руководствуясь желанием сокрытия части получаемых доходов). 17 Пересмотр актов погребальных метрик требовал проведение опроса без присяги, согласно обстоятельств дела, близких, родных умершего, занимавшихся похоронами о том, когда и где, от какой болезни скончался, когда, на каком кладбище, каким ксендзом похоронены, кто он по сословию, имени, отчеству и фамилии, холост, женат или вдов, сколько ему лет было от роду, какого костела считался прихожанином, кого оставил после себя из своей семьи, т.е. жену и детей и почему погребальная метрика не внесена своевременно в книгу. Был определен порядок проведения следствия и список необходимых документов. 18

В настоящеее время подымается вопрос о придании старинным кладбищам статуса объектов, имеющим историко-культурное наследие и находящимися под защитой государства. С возможностью дальнейшего использования их в качестве экскурсионных объектов, выполняющих при этом духовнонравственные функции, выступая связующим звеном между поколениями. Мы можем отметить и их художественную ценность. 19 Однако, при этом не следует забывать, что

некрополи – это не статичные объекты, а «живой» организм, который существует самостоятельно и может уйти в прошлое.

¹ Черепица В.Н. Гродненский православный некрополь (с древнейших времен *до начала XX века*). Гродно: ГрГУ, 2001. – сс. 23, 27-28.

² Skrok Z. Wykopaliska na pograniczu swiatow. Warszawa: Nasza Ksiegarnia, 1988.- ss. 89-90.

³ Гардзееў Ю. *Магдэбургская Гародня*. Гародня-Вроцлаў, 2008.— сс. 101-104.

⁴ Решением Гродненского городского исполнительного комитта от 26.04.1990 г. здание Бригтдского костела было передано верующим. В подземельях костела 13.09.2008 г. была открыта постоянно действующая выставка, посвященная истории костела, были представлены сохранившиеся реликвии.

⁵ Gremza A. Ekspozycja w kryptach kosciola Pobrygidzkiego w Grodnie, in: Rocznik Grodzienski № 2. 2008.– cc. 135-142.

⁶ Здесь были обнаружены полотна первой половины XVII в. Находки оказались частью интерьера костела, спрятанные в годы Второй мировой Оставшиеся картины и предметы были перенесены Побернардинский костел монахинями до 25.03.1950 г.

⁷ Гардзееў Ю. Матэрыялы да генеалогіі і эпіграфікі ў гарадзенскім Фарным *касиеле*. in: Герольд Litherland. № 1-2.— cc. 27-29.

⁸ Jodkowski J. *Grodno*. Wilno, 1923. – ss. 104-105.

⁹ Rozmus J., Gordziejew J. Cmentarz Farny w Grodnie. 1792-1939. Krakow: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1999. -ss. 9-15.

¹⁰ Гардзееў Ю. З гісторыі помнікаў францішканскай парафіі г. Гродна, іп: Краязнаўчыя запіскі. № 4. 1997. - сс. 66-78.

¹¹ Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 259. Оп. 3. Д. 1. Метрические книги о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1881 г. Л. 126-143.

¹² Черепица В.Н. Гродненский православный некрополь (с древнейших времен *до начала XX века).* Гродно: ГрГУ, 2001. – сс. 68-70.

¹³ Szlachcicowa I. Swoi i obcy. Orientacje mentalne a obraz kulturowo Innych na pograniczu, in: Pogranicza i multikulturalizm w warunkach Unii Europejskiej. Implikacje dla wschodniego pogranicza Polski. T. 1. / pod red. K.Krysztofika, A.Sadowskiego. Bialystok, 2004.- cc. 279-300.

¹⁴ Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 259. Оп. 3. Д. 1. Выписи метрической книги Римско-католической (приходской церкви) Друскеникской каплицы. Часть третья. Об умерших с 1 января по 31 декабря 1881 г. Л. 577-578.

¹⁵ Ibid. Ф. 886. Оп. 3. Д. 1. Циркуляры Виленской р.к. консистории. Л. 5.

¹⁶ Ibid.Ф. 886. Оп. 1. Д. 5. О предоставлении настоятелями костелов гродненскому декану ведомостей о родившихся, бракосочетавшихся, о порядке погребения умерших католического вероисповедания и по другим вопросам. Л. 60

¹⁷ Kuklo C. *Rodzina w osimnastowiecznej Warszawie*. Białystok, 1991.– s. 142-143.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- 1. Gremza A. Ekspozycja w kryptach kosciola Pobrygidzkiego w Grodnie, in: *Rocznik Grodzienski* № 2. 2008.– cc. 135-142.
- 2. Jodkowski J. Grodno. Wilno, 1923.
- 3. Pawlowicz E. *Wspomnienia. Nowogrodek. Wiezienie. Wygnanie.* Lwow: drukarnia Winiarza, 1881.
- 4. Rozmus J., Gordziejew J. *Cmentarz Farny w Grodnie. 1792-1939.* Krakow:Wydawnictwo Naukowe WSP, 1999. Skrok Z. *Wykopaliska na pograniczu swiatow.* Warszawa:Nasza Ksiegarnia, 1988.
- 5. Szlachcicowa I. Swoi i obcy. Orientacje mentalne a obraz kulturowo Innych na pograniczu, in: *Pogranicza i multikulturalizm w warunkach Unii Europejskiej. Implikacje dla wschodniego pogranicza Polski. T. 1. / pod red. K.Krysztofika, A.Sadowskiego.* Bialystok, 2004.
- 6. Гардзееў Ю. 3 гісторыі помнікаў францішканскай парафіі г. Гродна, in: *Краязнаўчыя запіскі* № 4. 1997.— cc. 66-78.
- 7. Гардзееў Ю. Магдэбургская Гародня. Гародня-Вроцлаў, 2008.
- 8. Гардзееў Ю. Матэрыялы да генеалогіі і эпіграфікі ў гарадзенскім Фарным касцеле, іп: *Герольд Litherland*. № 1-2.—cc. 27-29.
- 9. Kuklo C. Rodzina w osimnastowiecznej Warszawie. Bialystok, 1991.
- 10. Кулайчук С. Некрополь как экскурсионный объект, in: Наука-2008: сб. науч. ст. / ГрГУ им Я.Купалы; редкол.: А.И. Борко (отв. Ред.). Гродно: ГрГУ, 2008.—сс. 162-165.
- 11. Черепица В.Н. Гродненский православный некрополь (с древнейших времен до начала XX века). Гродно: ГрГУ, 2001.
- 12. Шаланда А., Амелька С. Геральдычныя, генеалагічныя і эпіграфічныя крыніцы Беларусі: Горадня, іп: Герольд Litherland № 1.–2001.– сс. 37-38.
- 13. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 2. Оп. 20. Д. 1192. Дело о постройке католической каплицы в им. Друскеники Гродненского уезда. 1840-41 гг.; Ф. 259. Оп. 3. Д. 1. Метрические книги о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1881 г.; Ф. 850. Оп. 1. Д. 1. Дело о ремонте костела, каплицы в местечке Друскеники Гродненского уезда. 1846-62 гг.; Ф. 886. Оп. 1. Д. 5. О предоставлении настоятелями костелов гродненскому декану ведомостей о родившихся, бракосочетавшихся, о порядке погребения умерших католического вероисповедания и по другим вопросам.; Ф. 886. Оп. 3. Д. 1. Циркуляры Виленской р.к. консистории.

¹⁸ Ibid. Ф. 886. Оп. 3. Д. 1. Циркуляры Виленской р.к. консистории. Л. 9.

¹⁹ Кулайчук С. *Некрополь как экскурсионный объект*, in: Наука-2008: сб. науч. ст. / ГрГУ им Я.Купалы; редкол.: А.И. Борко (отв. Ред.). Гродно: ГрГУ, 2008.— сс. 162-165.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстрация 1. Фарный костел в г. Гродно. Захоронения в крипте. Гроб Казимира Мицуты. XVIII век. Фото из архива С. Омелько.

Иллюстрация 2. Фарный костел в г. Гродно. Захоронения в крипте. Гроб неизвестного. XVIII век. Фото из архива С. Омелько.

Иллюстрация 3. Православное кладбище в г. Гродно. 03.10.2013. Фото И. Пивоварчик.

Иллюстрация 4. Католическое кладбище в г. Гродно. 15.10.2013. Фото И. Пивоварчик.

Ирина Пивоварчик, Наталья Филина

ЭПИГРАФИКА НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА

Резюме

В статье проводится анализ надгробных надписей, зафиксированных на погребальных памятниках гродненского региона. Исследуются обязательные компоненты в структуре эпитафии. отличия. обусловленные конфессиональной их принадлежностью погребенных, также пространство «сюжетной» части надгробных надписей. В работе рассмотрены орфографические, лексические и другие особенности эпитафий.

Ключевые слова: эпиграфия, жанр, надгробная надпись, некрополь, эпитафия

Места захоронений являются важной составляющей в культуре любого народа, так как они содержат интереснейшую информацию об историческом прошлом края. Надписи на надгробиях таят в себе большое количество информации не только об истории государства и народа, но и о его языке, формировавшемся не только под влиянием как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

В проанализированы надгробные статье надписи, помещенные на памятниках старейших некрополей Гродно католического (фарное кладбище) православного, а также кладбища по ул. Победы г. Гродно, основанного во вт. пол. 60 - нач.70-х гг. XIX в. Также к исследованию привлекаются надписи из кладбищ Гродненского района (всего около 1,5 тысяч надписей). В христианской традиции надгробия ставятся всем умершим, независимо от их имущественного положения, однако надгробные слова с изящно написанными текстами высекались на памятниках богатым и знатным гражданам. На старых гродненских некрополях имеется большое количество примитивных памятников, на которых отсутствуют указания на чины и звания, а текст эпитафий состоит из нескольких фраз: имярек погребенного, дата его кончины, от кого поставлен памятник. Стандартные короткие фразы, различающиеся только именами и датами, не представляют интереса для анализа.

эпитафии. Структура как кладбишенского жанра. сформировалась еше древней греческой культурах. В своем исследовании мы рассматриваем эпитафию как надгробную надпись. В ее структуре выделяем, вслед за исследователями русской эпитафии, формульную которая содержит фамилию, имя, даты рождения и смерти, некоторые факультативные элементы (например. деятельности, служебный «сюжетную», ЧИН др.), И включающую стихи, молитвы, цитаты из Библии и (или) религиозной литературы 1.

Любая эпитафия начинается со вступительной формулы, которая как бы уточняет назначение памятника. В православной традиции большинство могильных плит имеет надписи «Здесь покоится прах...», «Здесь погребен ...». На величественном памятнике статского советника И.И. Игнатова использована развернутая вступительная формула: «Под сенью креста Господня покоятся здесь: действительный Статский Советник Иван Илларионович Игнатовъ ум. 23 апреля 1907 г. на 88-м году жизни».

Поскольку эта часть эпитафий очень лаконична, то небогата и лексическая вариативность фразы: предпочтение отдается словам погребен, покоится, изредка встречается глагол умер (умерла), указывающий на более официальный, деловой язык эпитафии. Как видим, в заголовочном комплексе эпитафий присутствует лексема здесь, которая с точки зрения логики является абсолютно ненужной, однако в этом проявляется не только сила традиции, но и формульность жанра, лексическое наполнение формулы.

На католическом кладбище в начальных фразах эпитафии также содержится информация о принадлежности памятника имяреку, и состав формул практически не отличается: $Tu\ leży\ \dot{S}.P.$; $Tu\ spoczywaja\ zwłoki\ \dot{S}.P.$; $Tu\ Grob;\ Spoczywa\ w\ tym\ grobie$

ś.р. Обязательным элементом, зафиксированным нами на всех памятниках. является vстойчивое исключения словосочетание święty pokój, которое сводится к аббревиации Ś.Р. (Ś.†Р; ś.р.), компоненты которой могут разделяться знаком † или стилизованными схематическими изображениями веток Место размещения аббревиатур определено: сверху посредине памятника или (реже) вверху справа или слева. Если в одной могиле захоронены два родственника, то на надгробной плите сверху справа и слева размещаются две аббревиатуры. Эта формула на польском языке в виде аббревиатуры сохраняется на более поздних надгробиях. даже если эпитафия написана на другом языке, обычно русском. Таким образом. она стала символом католического вероисповедования и выступает качестве декоративного элемента.

На православных захоронениях также отмечено наличие во вступительной формуле аббревиатур 3†П (здесь покоится) и покой): 3†∏ Рукша Мария (вечный Род. 27.IV. 1898г. Ум. 4.III. 1972г.; В†П Кейко Елена Михайловна *Род. 10. II. 1888г.* Ум. 12. II. 1967г. (православное кладбище, Гровступительных дно). Правда, такое стяжение формул аббревиатуре крайне редкое явление на православных кладбищах г.Гродно, и здесь нам видится влияние католической традиции.

В отличие от православных эпитафий, при всей устойчивости жанра посвятительный элемент эпитафии на католических надгробиях проявляет большую свободу. Так, грамматически варьируется форма слова zwłoki: на некоторых надгробиях слово употребляется в дательном падеже, и структурно надпись организована так, что вся информация как бы помещается внутри начальной формулы: Zwłokom Ś.P. Anny Ławickiej z Mikułowskich zmarłej dnia 17 listopada 1856 roku złożonym obok swej matki I trójca własnych niemowląt - żyła lat 30.

Поскольку основным персонажем памятника является погребенный, его антропонимы занимают центральное место на памятнике. Это соответствует христианской традиции, согласно которой человек после смерти предстает перед Богом без чинов и званий, а лишь с собственным именем. На мемориальной

надписи в соответствие с православной традицией указывается фамилия, имя, отчество усопшего, в католической — фамилия и имя или, как вариант, — имя и фамилия, затем — дата смерти. В надписях выражается стремление родственников покойного описать его общественное положение, профессиональную сферу деятельности, чины и звания, заслуги перед отечеством: Здесь покоится прах Председателя Гродненской палаты уголовного суда, статского советника и кавалера Максима Анисимова, прослужившего в государственной службе 58 лет;губернский секретарь Александр Литвиненко, коллежский советник Петр Андреевич Дмитриев, управляющий контрольною палатой Петр Иванович Волков. На захоронениях военнослужащих указанный элемент поминальной записи носит обязательный характер.

На кладбищах встречаются могилы с несколькими захоронениями, как правило, представителей одного рода.В таких случаях в надгробных надписях акцентируется семейная приналежность умерших, которая находит свое выражение в языковой форме: фамилия употребляется в собирательной форме, потом следует перечисление имен: tu spoczywaja CHALECKIE JÓZER żyl lat 50 zm 1961r / MARJA żyla lat 53 zm.1975r/ CZESLAW żyl lat 14 zm 1961r/JAN żyl lat 12 zm 1961r / LEOKADJA żyl alat 4 zm 1961r/ POKÓJ JIH DUSZOM / PAMIANTKA OD RODZINY; SZULEWSCY Józef 1893-1970 / Józefa 1898-1997/ Melania 1929-1956.

Следующий формульный элемент кладбишенской надписи – дата рождения и смерти. В православной и католической традициях день и год пишутся римскими цифрами, а месяц может выражаться как римскими, так и арабскими цифрами: ЛИСОВСКИЙ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ род. 5.VIII.1908 г. ум. 17.X.1972 г.; KUSMIERCZYK JULJ Aur. 1903r. *zm.* 12.XII.1966 г. На надгробиях могут фиксироваться только годы рождения и смерти. На сельских кладбищах на памятниках можно увидеть информацию с указанием названия деревни, в которой жил умерший :S'†P ZIEMIANCZYK PETRUNELA zm.1944 r. Ze wsi Wasilewiczy; SZYMCZYK ZOFJA żyla lat 78 ZM. 1960 r. Pokoj jej duszy z Sopockin. Видимо, указание на место жительства является единственным способом идентификации умершего среди большого количества однофамильцев.

На памятниках есть указания на обстоятельства смерти. причем не на любые, а указания на преждевременную смерть или гибель на государственной службе. Включение этой формулы состав мемориальных записей на могилах военнослужащих, погибших во время войн или восстания, было обязательным, причем обстоятельства смерти могли описываться достаточно подробно. В качестве примера приведем надпись на Отечественной войны 1812г могиле генерала Николаевича Ланского, которая характеризуется почти уставной четкостью и сдержанностью в характеристике адресата: Здесь тело генерал лейтенанта Сергея Николаевича погребено Ланскова, с честию и славой служившего на полях брани от полученной раны под селением Краоном февраля 23-го дня к подчиненных сожалению своих товарищей и преставился в городе Намюре от рождения на 35-м году сего 1814 г марта 18-го дня по полуночи в два ч. На католическом кладбище наиболее распространенной фразой, подчеркивающей гибель солдата на войне, была «ofiara woinv»: Boleslaw Kaczan źył 27 lat zm.1945 r. ofiara wojny.

Вступительная формула на женских надгробиях на католическом кладбище имеет свои особенности, обусловленные польской традицией – указание на родословную первого колена, закрепляя тем самым навечно сведения о родственных связях и «по мечу», и «по кудели»: Józefie z Łaniewiczów Sakowiczowej Dobrej matce I żonie Ten pomnik żalu w pamięć Jej ót domowych. Женские надгробные надписи редко содержат указания на сферу деятельности женшины. Нами зафиксированы единичные надписи на плитах: Кветковская Вера Федоровна из Сулковских Учительница. Относительной устойчивостью характеризуется формула «жена того-то»: Елена Михайловна Павлюковская, жена подполковника 171 п. Кобринского полка Сконч. 8 января 1910 г. 45 лет; Tu spoczywa obok matki męża Ś.Р. Maria z Sumowskich Suszyńska żona inżyniera 22 roku życia.

Значимой смысловой частью эпитафии, сохраненной по сей день, являются многочисленные эвлогии – благопожелания погребенному. В православной традиции это стандартное выражение «Мир праху твоему (его, ее, их)», восходящее к стихам Библии и по этой причине часто дублирующееся по-

церковнославянски. На католическом кладбище формульность также владеет над традицией: благопожелания состоят из готовых стандартных формул: Pokój jej duszy; Pokój jej cieniom; Pokój jego popiołom; Niech odpoczywają w pokoju. Лексическое компонентов не дает ничего варьирование информативно всех вариантах разрабатывается тема «покоя» **умершего**. которую онжом трактовать зашиту святотатства, недопустимость осквернения могилы. В польских эпитафиях к этому сюжету подключается еще тема славы и вечной памяти потомков: Cześć twej pamięci; Pokój twej duszy.

Устойчивое и фиксированное место на надгробных сведения о поставивших (поставившем) плитах занимают памятник. Чаще всего это родные или близкие родственники, на что имеются прямые указания. От простых указаний типа от и т.п. посвятители памятника мужа, родителей трансформируют их до развернутых фраз, которые выработались в традиционных для таких случаях: Незабвенному мужу и другу. Злосчастная жена; От горячо любящей жены; Незабвенной жене от любящего мужа; Fundatorka Teofila Radziewiczowa. Вербальное выражение идентичной ситуации на католических памятниках более экспрессивно: введение в заключительное звено надписи устойчивой метафоры *памятник* – *smutny* upominek, smutna pamiątka, pomnik wiecznego smutku – усиливает чувство глубокой скорби и печали, а всему тексту придает высокую стилистическую окраску: Ten smutny upominek Najdroższej Matce poświecajła dzieci; Kamień ten kładziew dowód pamięcii żalu pozostały syn i brat Tadeusz.

Тексты надгробных надписей представляют собой конфессиональной важный источник 0 нашиональной И Явление наложения принадлежности умершего. языка сакрально-конфессионального и языка каждодневного общения онжом **VВИДЕТЬ** И на православных. И на католических кладбищах. Например, на православном кладбище г.Гродно на новом памятнике запись произведена на двух алфавитах кирилицей и латинкой: S†P Эдвард Стефанович 19.10.1962-19.05.1994. По свидетельству польской исследовательницы Юстыны Страчук, соседство на одном памятнике текстов,

написаных на двух алфавитах, – явление не столь редкое для некрополей Гродненского региона².

Польско-белорусское взаимолействие языковое неизбежно влечет за собой такое явление, как интерференция. устной формой польского языка население пользовалось в католических храмах, в бытовом общении, и он был в целом понятен жителям, то с письменной формой языка у них возникали определенные трудности. Поэтому надписи на языке содержат ряд орфографических ошибок. вызванных фонетическим отличием белорусского языка (аканье, цеканье, дзеканье, смякчение). К наиболее распространенным отнесем следующие:

- ошибки в употреблении носовых гласных: ten pamiatke, jej m**erz**a, **pamiatka** od curak;
- ошибки, вызваные смешением графических систем латинского кириличного алфавитов: Ugnatowicz, Vaclav, **Б**ronislaw, Filipczyk Геlena, **По**miatka, Петр жи**l** 60 **let**;
- написание слов по принципу транслитерации: Макsimczik, Martinowicz, Dietczyk, Tiszan, Awgustinowicz, Iwan Siwolowskij, Покуй его души;
- употребление слов с белорусскими флекийными формами: Kochanemu mężu i ojcu \ Śpi spokoino mama mo**ia** / wiecznaja pamic od syna Józefa', pokój twojej duszie; żyli po 6 miesjoncy; Żyła 41 rok;

Зафиксированы попытки образования отчества также и на католическом захоронении: Pawlowna, Feliksowna.

захоронениях Ha 60-x ГГ XXотмечаются орфографические, словообразовательные, пунктационные ошибки, обусловленные белоруско-русской интерференцией и низким уровнем грамотности населения. Ошибки, вызванные написанием слов в соответствии с морфологическими орфографическими правилами белорусского языка – явление не столь редкое: Боярын Феодора Станиславовна, Нарейко Павел Барысович, Радуха Антанина. Приведем еще примеры: Жыл 44 года; Тежолый слой земли сырой Вас от наших глас скривает Но светлый образ ваш живой В серцах не угасает (Гродно, кладбище на ул. Победы).

надгробных надписях православных захоронений можно обнаружить влияние церковнославянского языка, которое ярче всего проявляется в лексике, морфологии и графике. Вероятно, в использовании церковнославянизмов можно увидеть эпитафий авторов подчеркнуть собственную стремление религиозность и принадлежность к православной вере: Помяни **мя** Господи **егда** приидеши во царств**ии** твоем; свидан**і**я: окончаний: Заневск**аго**. vconwara, до скор**аго** звательная фома: Христе: графическое оформление фамилий: Кивер**ь**, Кашевник**ь**, Лехович**ь**и имен: Павел**ь**, Борис**ь**, Мар**і**я, Анис**і**я.

Словообразовательные средства в текстах эпитафий употребляются для выражения уменьшительно-ласкательного значения, поэтому чаще всего они встречаются на могилах детей: Дорогой сынок; Юленька, Олеженька. На кладбищенских надписях на могилах взрослых умерших они, вероянее всего, свидетельствуют об особенно теплом отношении: Ниночка не забудь нас.

В композиции эпитафий рассмотренные выше элементы можно считать обязательными, т.к. они носят биографический характер, имеют определенное место фиксации на памятнике, в то время как другая, «сюжетная», часть содержит тексты иного рода: литургические вставки, стихотворные и прозаические записи сакрального и бытового характера, развивающие целый спектр мотивов, а от основной части памятника отделяются выбитой чертой, ромбом или помещаются на боковой или обратной стороне памятника.

Жанр эпитафии затрагивает проблему смерти человека, поэтому эпитафия проявляет непосредственную связь с похоронным обрядом, с христианской философией жизни и смерти, проповедующей бессмертие души, жизнь вечную, воскресение души и тела. Хотя кладбищенская эпитафия не дает оснований для глубоких выводов о восприятии смерти в народном сознании, тем не менее, является важным источником для раскрытия ментальности и народной философии смерти. Содержание кладбищенских эпитафий проникнуто христианским мировоззрением, выражает в своем большинстве сакрально-христианские мотивы: смерти нет, есть бессмертная

душа и жизнь вечная в загробном мире. Эпитафия не раскрывает ужасов смерти. Это эпически спокойное восприятие ее как неизбежности, как всеобщей судьбы: Полны веры святой Светлых грез и надежды на счастье; Блажен, кто к вечному покою, не попытав житейских волн. Если ничего нельзя изменить – покорись, прими то, как есть: Taka była wola boża bycię zabrać spośród dzieci Teraz niechaj boża łaska Nad twa dusza wiecznie świeci. Żona z dziećmi. Смерть табуируется, поэтому в эпитафийных текстах она имплицируется постоянной метафорой смерть – сон. «Мотив вечного сна, пожелания спокойного сна константен для жанра как никакой другой»³ Эта метафора несет глубокую психологическую поддержку, поскольку «переключает» внимание со сферы смерти в мир живых. На уровне текста этот поэтический образ формирует целое концептуальное поле, актуализирует целый комплекс предикатов и признаков, характеризующих состояние сна: устойчивое эпитафийное обращения к умершему спи, покойся, spoczywa, а сон сопровождают постоянные в этом жанре эпитеты вечный, спокойный.

 $\mathbf{C}$ мотивом сна закономерно связана ситуация пробуждения, опирающаяся на христианский догмат о телесном воскрешении, возникающая, однако, не на нарративном уровне, а на уровне обозначения. В эпитафийных текстах тема встречи любящих душ приобретает самые общие черты: Спи спокойно, ангелочек, Мой настанет час благословенный Мы встретимся с тобой; Спи дорогое дитя До красного утра; Bóg nas rozłączył Bóg nas połączy. Такая обобщенность и неконкретность выражения этого мотива представляется как встреча «на том свете», новом, лучшем И объясняется, вероятно, не разработанностью мотива в христианстве.

Обращение к Богу заложено и предусмотрено всей похоронной обрядностью, поэтому большинство эпитафий молитвенны. Это непосредственные молитвенные обращения к Господу, которые «должны были служить непрекращающимся напоминанием, овеществленной вечной молитвой, в случае записи о смерти – молитвой поминальной» Таких эпитафий на надгробиях — безмерное количество. Приведем примеры просительных обращений: Со святыми упокой, Господи, Душу

раба Твоего; Боже, во имя Твое спаси мя И в силе Твоей суди мя!; Воżе miłosierdzia wielkiego! Racz przyjać dusze jego do królestwa swego. Особенно чувственны эпитафии-молитвы, написанные родителями безвременно почивших детей. В центре трагического восприятия оказывается не ушедший, а оставшиеся в живых родители, переживающие горе. Вероятно, это самодеятельные стихи, искать в них большой литературы не стоит – это «вопль растерзанной души». Эпитафия на памятнике Лещинского А.Ф. (†1911г.), умершего в 24 года в г. Кременчуг, почти сродни каноничной молитве:

O милостивый Боже, царство небесное у Господа просим.

Ты прими нашего сына дорогого в стенах обители святой,

Но на земле ты душу бедную оставил, Оставил во мраке скорби тишины, Ты жизнею отцов всех правил. Направь же и мою к себе.

Мать

Особую группу на гродненских некрополях составляют многократно повторяющиеся, так называемые «говорящие» надписи, речь которых исходит из уст самого покойного, уже после смерти. Эти надписи восходят к латинским эпитафиям, которые оказали влияние на Европу и Россию. В латинских эпитафиях постоянно применялись готовые формулы, например, погребен', viator! 'здесь Sta. 'стой, sistegradum остановись, которые сделались знаком этого жанра принадлежат мировой культуре в целом. Безымянные эпитафии на некрополях на разные лады варьируют образ "я дома, а ты еще в гостях": Не гордись прохожий Посети мой прах Ведь я уже дома (А) Ты еще в гостях.

Более частотен и актуализирован жанр "говорящих" эпитафий на католическом кладбище, но носит совершенно иной, в соответствии со своей культурой, характер. Здесь тоже фигурирует формульное обращение *прохожий, путник, свидетель* — сущностные слова-концепты для христианской культуры. «Человек, проходящий мимо могилы, в то же время совершает и свой земной путь. А после — «за могилой» — начнет

путь небесный; путник. Прохожий идет не только по дороге, но и «земных cvet». В христианской странничество, скитальчество зачастую служат метафорами жизненного/земного пути»⁵. Этот тип эпитафий представлен несколькими вариантами, однако все содержат просительные обращения к прохожему о молитве: Proszę o Zdrowaś Maryja; Prosi o pozdrowienie anielskie. В «более полной версии» текста привлекает внимание сентенция, отчасти объясняющая просьбу: ты тоже смертен, сегодня помолись за меня, завтра – за тебя: Przechodniu! Niech żaden z was grób mój nie minie bez Anioł Pański i Zdrowaś Maryja I Wieczny pokój zmów przy mym grobie. Gdy życie skończysz, zmówię i po tobie. Как видим, этот тип эпитафий на католическом кладбище носит религиозный характер, отражает которые были характерны в среде населения католического вероисповедования.

Таким образом, язык эпитафийных текстов гродненских некрополях – русский и польский, на фарном кладбище изредка встречаются надписи на немецком. Чтобы ответить на вопрос «Почему ни на одном кладбище нет эпитафий на белорусском языке», следует в нескольких словах указать на языковую ситуацию в Беларуси в XIX-нач. XX вв. Постоянно меняющееся политическое положение Беларуси сформировало ее культурное пространство и языковой облик. В Западной Беларуси встретились два типа культуры – римскокатолическая и византийско-православная, которые носили конфессиональный характер и которые условно можно назвать функционировали «религиозными». Ha этой земле церковнославянский и латынь как языки сакральные. Русский язык на протяжении длительного времени выполнял функцию делового языка, был языком документов, науки и литературы. Официальным языком, который выполнял функцию литературного языка, был польский, без которого невозможно было представить культуру того времени. Польский язык был сакральным, предназначенным для литургии проповедей. Белорусский язык был языком народным совершенно исключался из общественной жизни. Эти языки закрепились определенными социальными группами за населения и выполняли только им присущие функции.

Особенность языковой ситуации четко прослеживается в жанре эпитафий – надгробных надписей на памятниках «старого» православного католического некрополей. Эпиграфические тексты на католическом и православном некрополях, следуя и сохраняя византийский канон, тем не имеют отличия. В православной традиции часть надмогильных надписей имеет светский характер. Главное различие – в отношении к церковной вере. Эпитафии этих кладбищ не отличаются большой оригинальностью, поскольку сами по себе представляют весьма консервативный жанр и сохраняют пристрастие к традиционным клише и поэтическим формулам.

Гродненская и Витебская области исторически являются полиэтническими и поликультурными регионами. С XIV-XV вв. на территории современной северо-западной и северо-восточной Беларуси поселились евреи и татары, исповедовавшие иудаизм и Специфика социально-экономической евреев наложила отпечаток на облик поселений Беларуси, где во многих случаях евреи составляли преобладающее население. В современном историко-культурном ландшафте сохранившиеся еврейского историко-культурного объекты представлены архитектурными памятниками и кладбищами. В контексте нашего исследования отметим специфику эпиграфики еврейских некрополей региона. Необходимо отметить, что в Беларуси именно в Гродненской области были проведены исследования эпиграфики еврейских некрополей – в Гродно и г.п. Желудок Щучинского района⁶.

По мнению исследователей еврейской эпиграфики, регламентируется требованиями содержание эпитафии не еврейской религии. Главное назначение традиционной еврейской мистическое. Она должна способствовать успокоению души умершего на небесах и присоединению его к совокупности душ еврейского народа. Одним из эвфемизмов слова «умер» является «присоединился [к своему народу]», а непременным атрибутом эпитафии стало благопожелание «Да будет его/ее душа завязана в Узле Жизни [вместе с душами праотцов и праведников]». Еврейская эпитафия ставит умершего контекст истории, сравнивает И сопоставляет

библейскими героями и патриархами. В то же время она перечисляет его добродетели для того, чтобы те были зачтены Небесным Судом. В этом радикальное отличие еврейской эпитафии от античной или христианской, которая часто обращена к прохожему или случайному читателю и призвана напомнить ему о бренности существования и подтолкнуть к раскаянию. Еврейская эпитафия если и обращена к читателючеловеку, то обычно не содержит дидактических мотивов, а предполагает, что прохожий, прочитав ее, тем самым прочитает поминальную молитву об усопшем. Этими особенностями еврейской эпитафии и определяется ее содержание и структура. состоящая из четырех непременных элементов: начальная формула, официальная форма, дата смерти по еврейскому календарю, заключительная формула-эвлогия .

Эпитафия соединяет душу усопшего с душами еврейского народа, ставит его в контекст еврейской истории. Для этого обыгрывается имя, дата, приводится библейская аналогия, подчеркивается схожесть ситуации со смертью конкретных людей с библейскими персонажами. Единство места, даты и обеспечивает соединение трех систем координат: имени пространства, времени и индивидуальности. Еврейские эпитафии почти всегда безличны, написаны в третьем лице и не обращены к читателю.

¹ Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX-XX веков. Санкт-Петербург, 1999. – с. 7.

² Strazcuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prowosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław, 2006. – ss. 129–143.

³ Царькова Т.С. Русская стихотворная эпитафия XIX-XX веков. Санкт-Петербург, 1999. – с. 167.

⁴ Беляев Л.А. *Русское средневековое надгробие*. Москва, 1996. – с. 259.

⁵ Веселова В. Эпитафия – формульный жанр, in: Вопросы литературы. 2006 № 2. - c. 139.

⁶ Желудок: память о еврейском местечке. Москва, 2013. - с. 88-266.

⁷ Носоновский М. Старинные еврейские кладбища Украины: история, памятники, эпитафии, in: Ангел смерти. Символика еврейского похоронного обряда. Москва: проект «Эшколот». www.eshkolot.ru - cc.10-11.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Москва, 1996.
- Веселова В. Эпитафия формульный жанр / Вопросы литературы № 2, 2006.
- 3. Желудок: память о еврейском местечке. Москва, 2013.
- 4. Лазарук М. Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў. Мінск: Народная асвета, 1996.
- 5. Носоновский М. *Старинные еврейские кладбища Украины: история, памятники, эпитафии*, in: Ангел смерти. Символика еврейского похоронного обряда. Москва: проект «Эшколот». www.eshkolot.ru. (accessed 2014)
- 6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Т.5. Мінск: БелСЭ, 1977-1984. Т. 1-5.
- 7. Царькова Т.С. *Русская стихотворная эпитафия XIX-XX веков.* Санкт-Петербург, 1999.
- 8. Strazcuk J. Cmentarz i stół. Pogranicze prowosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław, 2006.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстрация 1. Православное кладбище в г. Гродно. Эпитафия на могиле генерала Ланского. 03.10.2013. Фото И. Пивоварчик.

Иллюстрация 2. Православное кладбище в г. Гродно. Эпитафия на могиле младенцев Мухиных. 03.10.2013. Фото И. Пивоварчик.

Иллюстрация 3. Православное кладбище в г. Гродно. Эпитафия на могиле Нины Батюшевой. 03.10.2013. Фото И. Пивоварчик.

Иллюстрация 4. Католическое кладбище в г. Гродно. Эпитафия на могиле Юзефы Сакович. 15.10.2013. Фото И. Пивоварчик.

Иллюстрация 5. Православное кладбище в г. Гродно. Эпитафия с цитатой из Евангелия. 03.10.2013. Фото И. Пивоварчик.

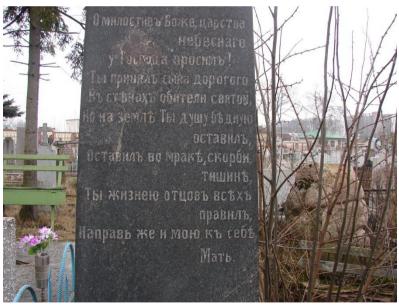

Иллюстрация 6. Православное кладбище в г. Гродно. Эпитафия в форме молитвы. 03.10.2013. Фото И. Пивоварчик.

Иллюстрация 7. Кладбище в г.п. Сопоцкин. Эпитафия на могиле участника боевых действий в Афганистане. 08.03.2014. Фото И. Пивоварчик.

Иллюстрация 8. Еврейское кладбище г. Гродно. Мацева на иврите и русском языках. 27.11.2013. Фото И. Пивоварчик.

Светлана Сельверстова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

Резюме

В статье рассматриваются проблемы изучения сельских кладбищ на территории северо-западной Беларуси. Автор отмечает, что изучение некрополей основывается на общей парадигме изучения кладбищ как социокультурного явления. Такие исследования предусматривают интердисциплинарный подход с привлечением методов исторической науки, антропологии, этнологии, культурологии, искусствоведения. Это позволяет выявить особенности не только самого некрополя, но и дает возможность получить материалы для изучения микрорегиона. Интердисциплинарный подход важен не только в целях привлечения инструментария различных отраслей знания, но и для интерпретации полученных данных.

Ключевые слова: некрополь, кладбище, памятник, традиция, микрорегион

В первую очередь следует оговориться, что речь пойдет о христианских некрополях. Достаточно часто встречающиеся на северо-западе Беларуси иудейские кладбища и мусульманские мизары требуют иных подходов и исследовательских методик. 1

Методологические основы изучения сельских кладбищ на северо-западе Беларуси, на наш взгляд, должны базироваться на общей парадигме с подходами к изучению некрополей как социокультурного явления. В частности, такое исследование предусматривает интердисциплинарный, комплексный подход, привлечение методов и инструментария исторической науки, этнологии, культурологии, антропологии, искусствоведения и других гуманитарных наук. Подобный подход позволяет не только выявить особенности самого некрополя, но, прежде всего, дает ценный материал для изучения разнообразных аспектов функ-

ционирования человеческого общества на микро- и макро- уровнях. Подобный подход, в частности, использован польским антропологом Славомиром Сикорой при изучении польских некрополей. Антропологическое в своих основных чертах исследование дополняется здесь экскурсами в историю региона, этнографию, психологию и другие отрасли знаний. Описание некрополя не может быть самоцелью. Оно лишь промежуточный этап для других научных изысканий. Предпринимая труд по описанию кладбища, выявляя его особенности, описывая памятники и надписи на них, исследователь обязательно должен принять во внимание, для решения какого рода научных задач будет полезной его работа. Ввиду этого интердисциплинарный подход важен не только в целях привлечения инструментария различных отраслей знания, но и для интерпретации полученных данных.

При изучении некрополя необходимо досконально знать регион, в котором он находится. Это, на первый взгляд, очевидное положение является вместе с тем необычайно важным, поскольку, только опираясь на знание истории, традиций, языка, социальных отношений и этнического состояния региона, можно интерпретировать полученные в результате описания данные.

В качестве одного из основополагающих при описании кладбищ можно использовать типологический подход. Погребение относится к числу наиболее древних обрядов, за тысячелетия своего существования это явление сформировало устойчивые традиции, соответствующие религиозным и иным воззрениям общества. Безусловно, каждая эпоха, каждый регион, народ либо религиозная общность вырабатывает собственные традиции погребения умерших, нередко радикально отличающиеся друг от друга. Вместе с тем, в европейской христианской традиции сложился ряд правил, которые можно считать универсальными, общепринятыми. Таковыми, например, являются ориентация погребения, установка памятного знака (креста, камня с именем и др.), обнесение оградой места, отведенного для погребения, отдельное погребение "маргиналов" (умерших, отличавшихся от похороненных в данном месте конфессиональной принадлежностью, причиной смерти и т.д.) и другие. Описывая кладбище, необходимо принимать во внимание наличие таких традиций и отмечать все отклонения от них. Это позволит увидеть специфику данного захоронения, выявить обстоятельства, приведшие к возникновению таких отличий, и далее - восстановить примечательные факты из истории, увидеть особенности традиций, верований, обрядности и других важных для исследователя черт региона либо населенного пункта.

Типологический подход продуктивен и при анализе региональных особенностей погребального обряда, поминовения усопших. Каждый регион вырабатывает собственные правила погребения, основывающиеся на универсальных традициях, но имеющие частные модификации. Эти отличия могут быть вызваны особенностями рельефа и растительности региона, его поликонфессиональностью и полиэтничностью, степенью христианизации, религиозности населения и т.д. Отличия могут проявляться в украшении и обозначении погребений, планировке кладбища, языке надписей, высоте и материале ограды, размещении некрополя и т.д. Выявить региональные особенности можно лишь в том случае, если имеется достаточно репрезентативный материал о захоронениях не только в данном регионе, но и в других, причём не только соседних.

Типологический подход предполагает определение уникальности того или иного некрополя, традиции, обряда. Только выяснив типичные (региональные, микрорегиональные) черты кладбища можно выявить единичные, уникальные его характеристики, приметы, особенности.

Процесс разрушения традиционной культуры, связанный с индустриализацией экономики, отразился и на сельских некрополях. Похоронный обряд и поминовение умерших всё больше стандартизируются, происходит нивелировка давних обычаев оформления захоронений, меняется внешний вид кладбищ, в том числе и в сельской местности. Вместе с тем даже новые некрополи зачастую сохраняют элементы региональной погребальной культуры либо трансформируют их, поэтому могут быть интересны для этнографа и антрополога.

Состояние кладбища чаще всего свидетельствует, насколько полно сохранились в данной местности элементы традиционной культуры. Погребальная обрядность не существует обособлено, а является одним из звеньев в цепи обрядов, сопровождающих человека от рождения до смерти. Поэтому, как правило, по степени сохранности в данной местности традиций почитания умерших можно судить и о бытовании других элементов традиционной культуры.

Методологические подходы, обозначенные выше, легли в основу описания характерных черт сельских некрополей северозападной части Беларуси. Типологические черты сельских некрополей в исследуемом регионе обусловлены несколькими факторами.

Северо-западный регион Беларуси поликонфессиональный и полиэтничный, что является одним из основополагающих факторов, обусловивших специфику захоронений, облик некрополей, особенности погребального обряда и традиций поминания умерших. Так, в Гродненской области в 2012 г. насчитывалось 499 религиозных организаций, 17 конфессий, действовала 471 религиозная община (194 православных, 1 древнеправославная, 176 католических, 2 греко-католических, 8 мусульманских, 4 иудейских, 85 протестантских, 1 Сознания Кришны). На территории Гродненской области проживает (данные переписи населения в 2009 году.) 1 млн. 72 тыс. человек, из них: 69% – в городах, 31% – на селе. По национальному составу белорусы составляют 66,7%, поляки -21,5%, русские -8,2%, украинцы -1,4%, литовцы -0.2%, татары -0.2%, евреи -0.1% и другие национальности³. Поликонфессиональный и полиэтнический состав населения отражается в планировке сельских кладбищ (отдельные участки для умерших разных конфессий), надписях на памятниках (на русском и белорусском языках у православных, польском и латыни – у католиков).

Не менее важными факторами, обусловившими характерные черты сельских кладбищ на данной территории, являются социальный состав населения в исторической ретроспективе, а также количество и статус населенных пунктов. Северозападный регион Беларуси отличался значительным числом мелких и средних шляхетских землевладений, достаточно большим числом местечек, занимавших промежуточное положение между деревней и городом. По данным белорусской исследовательницы И. Соркиной в 1848 г. в Гродненской губернии насчитывалось 84 местечка, в 1870 г. – 66, жители местечек составляли от 5 до 8% всего населения. 4 Гродненская губерния выделялась наличием

крупных местечек, являвшихся центрами микрорегионов и конкурировавших с уездными городами. Ряд местечек с течением времени развились в города, часть деградировала, и сегодня имеет статус села. Однако местечковое прошлое легко читается в планировке такой деревни, обуславливает оно и специфические черты бывшего местечкового, а теперь сельского кладбища. Наиболее характерным в данном случае является, на наш взгляд, кладбище д. Одельск Гродненского района. Кладбище сравнительно большое по размерам, занимает более двух гектаров, обнесено каменной оградой с каменными же воротами. Достаточно часто здесь встречаются богатые надгробья и памятники, относящиеся к XIX — пер. пол. XX вв., склепы. Кладбище имеет упорядоченную планировку аллейного типа, что более характерно для городских некрополей.

Отличительной чертой сельских кладбищ на северозападе Беларуси является довольно часто встречающиеся на них могилы местной шляхты. Зачастую сельское кладбище становилось местом погребения видных представителей культуры, национально-освободительного движения, политиков, известных меценатов и филантропов, чье имение находилось неподалеку. Такие захоронения зачастую делают эти некрополи значимым местом исторической памяти, они приобретают охранный статус, вносятся в списки историко-культурных ценностей, а также зачастую используются в туристической деятельности. Так, на кладбище в д. Нача Вороновского района Гродненской области находится фамильное захоронение рода Юндзилов, представители которого оставили заметный след в науке, политике, общественном движении Беларуси, Польши и Литвы, а также могила инженера, историка Т. Нарбута.

Почти на каждом сельском кладбище в описываемом регионе имеются военные захоронения. Следует отметить, что в послевоенное время существовала тенденция погибших в период Великой Отечественной войны хоронить или перезахоранивать не на сельских кладбищах, а в отдельных могилах на окраине деревни, или - если населённый пункт большой - на центральной площади. Так хоронили не только павших солдат, но и мирных жителей, погибших от рук оккупантов. Могилы времён последней войны большей частью находятся на кладбищах тех дере-

вень, где шли ожесточённые бои регулярных войск, либо было активным партизанское движение. Это необходимо учитывать при описании кладбищ. Особенностью сельских некрополей в северо-западном регионе Беларуси являются захоронения солдат, как российских, так и немецких, периода Первой мировой войны. В ряде случаев на кладбище устанавливался общий памятник либо знак с надписью о времени захоронения. Так, на сельском кладбище в д. Селивановцы Гродненского района немецкие военные захоронения составляют отдельный сектор справа от входа на кладбище. Могилы обозначены каменными плитами, в центре сектора поставлен памятный знак — пирамида из валунов с таблицей в виде щита с мальтийским крестом и датой.

Описание сельских некрополей, как, впрочем, и иных кладбищ, должно проводится согласно упорядоченному плану. В общих чертах его можно, вслед за А.С. Чиж и Б. Гутовским, определить следующим образом: исследователя интересует то, что "под землёй", "на земле" и "из земли". Другими словами, при описании кладбища необходимо обращать внимание на то, кто похоронен, как похоронен, и на растения, прежде всего кусты и деревья, произрастающие на кладбище.

Расположение некрополя

На северо-западе Беларуси сложились устойчивые традиции размещения сельских кладбищ. Выделим некоторые из них.

Кладбище, как правило, располагается на окраине деревни, фактически, граничит с ней. Отдаленность кладбища от населенного пункта редко составляет 0,5-1 км. В некоторых случаях кладбище может располагаться не на границе самой деревни, а возле выселок, т.н. "колоний" или хуторов, относящихся к деревне. Вероятно, такое расположение было обусловлено, кроме прочего, особенностями землепользования и землевладения. Кладбищенская земля принадлежала либо церкви (костелу), либо являлась сервитутом, входила в общее землепользование, выделялась на неудобьи. Кладбище устраивали на возвышенном месте. Характер рельефа на северо-западе Беларуси позволяет легко отыскать такое место поблизости от деревни. В редких случаях кладбище основывали на крутом берегу реки. Подобное кладбище, к примеру, зафиксировано нами в окрестностях д. Голубы

Мостовского района. Оно было заложено на крутом берегу р. Щара, но не на холме, а на равнине. Кладбище, которому, судя по сохранившимся памятникам и плитам, более ста лет, теперь заброшено. Ранее здесь была деревянная церковь, сожженная во время последней войны. Примечательно, что это кладбище находится достаточно далеко от деревни, однако поблизости имеется хутор и старая дегтярня.

В ряде случаев, если данный населенный пункт является центром прихода или парафии, сельское кладбище может быть расположено вблизи церкви или костела. Практика дарить землю под костёл и кладбище при нём была распространена в кругу шляхты и магнатов на землях ВКЛ. Традиция хоронить как можно ближе к храму, так, "чтобы вода с крыши святыни стекала на могилу", в деревенских приходах не была распространена. Как правило, возле стен самой церкви либо костёла хоронили весьма редко - либо из-за уважения к заслугам умершего, либо по иной, чаще исключительной причине. Так, во дворе костела св. Иосафата Кунцевича в Сопоцкине Гродненского района (Теолинская парафия) находится могила православной монахини. Появление этого захоронения за костельной оградой обусловлено историей храма. В 1875 г. он был отдан под православный монастырь, действовавший до 1915 г. В то время (как, впрочем, и сейчас) в данной местности отсутствовали православные кладбища. Видимо это послужило одной из причин захоронения, кроме положений монастырского устава.

При нанесении на карту местоположения кладбища необходимо фиксировать дороги, ведущие к нему, либо проходящие возле него. Как правило, к некрополю ведут несколько дорог, либо одна главная к центральному входу и несколько тропинок. Необходимо фиксировать все входы на кладбище, в том числе, через проломы в ограде. Это дает возможность определить, с каких направлений посещается некрополь, зафиксировать, откуда приходят жители проведать могилы.

Размеры некрополя

Размеры кладбищ, особенно старинных, изменялись с течением времени. По мере заполнения отведенной под захоронения земли кладбище могло расширяться, делится на сектора с

дополнительным ограждением. Характерный пример такой ситуации – кладбище в д. Одельск Гродненского района. В послевоенное время к старому местечковому кладбищу, которое в то время было заполненным, заросло деревьями и кустарником, прирезали участок земли для новых захоронений. Ограда этого нового кладбища примыкает к старой, между двумя частями кладбища сделан проход.

Ограда не является границей кладбища, поскольку маргиналов хоронили за ней. На границе кладбища хоронят тела тех, кто не имеет права на нормальное погребение; это люди, которые стали небезопасны в смысле магически-религиозном и в связи с этим должны быть удалены за границы поселения. Из воспоминаний жителей д. Путришки Гродненского района известен случай, когда на местном православном кладбище похоронили некрещеного цыгана. После этого местные верующие отказывались хоронить своих близких на этом некрополе, поскольку земля "была осквернена".

При определении границ кладбища документы землепользования, хранящиеся в соответствующих инстанциях (сельсовете, поселковом совете и т.п.) не всегда могут содержать точную информацию. Относительно больших кладбищ, находящихся в центрах парафии или прихода, в крупных деревнях и поселках, подобная документация может дать точные данные. Однако для сельских некрополей в небольших деревнях, деревнях вымирающих либо покинутых, отдаленных от центра сельского совета, документы либо отсутствуют, либо содержат весьма приблизительную информацию. Таким примером может служить старое кладбище в д. Москали Мостовского района. В деревне на сегодняшний день проживает не более 80 человек, в основном, пожилые люди. Кладбище площадью около 0,7 га находится на восточной окраине деревни, на высоком холме, имеется деревянная ограда. Судя по датам на памятниках, кладбищу 150–170 лет. Документы по землепользованию, которые имеются в сельсовете, показывают лишь приблизительные границы, неточно обозначают конфигурацию некрополя. Деревня Москали – одна из так называемых "пущанских" деревень, находится в глубине Липичанской пущи, на берегу р. Щара. Местоположение определило и необходимость собственного кладбища (отдаленность и труднодоступность в условиях пущи приходского кладбища), и его сравнительно небольшие размеры.

Планировка некрополя

При определении планировки кладбища необходимо брать во внимание несколько параметров: регулярная либо хаотическая планировка, наличие отдельных секторов, центр и периферия.

Планировка сельских кладбищ на северо-западе Беларуси неоднородна. Ее характер зависит от размеров кладбища и его истории. Так, бывшим местечковым кладбищам, а также возникшим сравнительно недавно (не раньше пер. пол. ХХ в.) свойственна аллейная планировка. Несколько главных аллей делят площадь кладбища на участки, внутри которых могилы располагаются в несколько рядов. Такая планировка, в частности, характерна для старого кладбища в д. Одельск, в г.п. Сопоцкин, в д. Поречье, в г. п. Рось и других. Как правило, среди прочих выделяются одна-две аллеи, прежде всего та, что идет от входа на кладбище и ведёт к часовне, если таковая имеется здесь. Подобная планировка, как уже отмечалось, характерна для городских некрополей, где земля стоила дорого, захоронения были частыми, а за состоянием кладбища следил храм. В небольших сельских кладбищах, находящихся на периферии парафии или прихода, захоронения расположены без чёткой планировки. Так выглядит, например, кладбище в д. Москали Мостовского района. Захоронения здесь сделаны без определенного плана, хоронили там, где была свободная земля. В ряде случаев могут быть выделены участки для семейных захоронений, но они не составляют отдельный элемент планировки, не отведены специально. На востоке Беларуси – в Витебской области (Сенненский район) нами зафиксирована другая планировка: на кладбище заранее отведены участки для семейных захоронений, они отделены от других широкими проходами, часто имеют форму квадрата с оставленной для последующих погребений землёй, а аллеи как таковые отсутствуют.

При составлении плана кладбища необходимо учитывать и помечать рельеф. Зачастую именно он определяет план кладбища, его специфические черты. Так, в д. Комотово Гродненско-

го района новое сельское кладбище находится на высокой террасе над Неманом, западный его край ограничен крутым склоном. Это определило планировку некрополя, поскольку первые захоронения, судя по датам на памятниках, были сделаны почти над самым обрывом, а затем кладбище расширялось в восточном направлении.

Поликонфессиональная структура населения северозападного региона Беларуси находит свое отражение в наличии особенных секторов на некоторых кладбищах. Отметим, что это характерно для местностей, где доминирует одна из конфессий и для сравнительно больших некрополей. Так, в г.п. Сопоцкин Гродненского района кладбище является «католическим» – большинство похороненных здесь относятся к этой конфессии. Специальный сектор для захоронения православных и представителей других конфессий, а также атеистов появился здесь в конце 1940-х гг. В то время здесь начали хоронить умерших пациентов дома-интерната для престарелых и инвалидов, находившегося в Святске Поддубном (сегодня – д. Радивилки Гродненского района). Под захоронения отвели участок слева от кладбищенских ворот. Захоронения некатоликов в этом секторе совершаются и сейчас. Наличие специального сектора на данном кладбище можно рассматривать в контексте религиозной ситуации в Сопоцкинском регионе. Позиции костела здесь очень сильны, много людей глубоко верующих. Исследования, проведенные здесь, выявили элементы ксенофобии по отношению к иноверцам. Эта ситуация, по нашему мнению, нашла отражение в структуре кладбища.

Как правило, в сельских некрополях на северо-западе Беларуси имеется одно или несколько «почётных» мест захоронения. Престижность такого места может определяться разными причинами. Я.С. Быстронь отмечал, что еще со времен раннего христианства появился обычай возводить святыню на месте могил выдающихся людей, прежде всего, святых. В том случае, если некрополь расположен у храма, либо на кладбище есть часовня, почетное место будет находится скорее всего у святыни. Почетным местом некрополя может быть и самая высокая точка рельефа. Чаще всего именно отсюда начинались захоронения. Это, кстати, нужно учитывать при определении времени заклад-

ки кладбища. Однако в дальнейшем на месте первых захоронений могли производиться более поздние, особенно в том случае, если умерший имел высокий общественный статус. Показательно в этом плане кладбище в г.п. Сопоцкин Гродненского района. В самой высокой точке некрополя, на холме, к которому ведет центральная аллея от входа, находятся часовни-усыпальницы рода Гурских-Дзяконских, возведенные в 1860–1870-х гг. Род Гурских в XIX—пер. пол. XX вв. был наиболее богатым и уважаемым в Сопоцкинском регионе, их имение Святск Поддубный являлось одним из самых передовых и богатых на Гродненщине. Это и определило выбор места захоронения. Вместе с тем, как можно предполагать, на этом месте были захоронения и раньше. Во всяком случае, ниже по склону холма имеются более ранние могилы, в том числе родовая усыпальница шляхетского рода Мучиньских (Мушинских).

При составлении плана кладбища необходимо помечать время появления отдельных его участков. Однако отметим, что не всегда это удается – на сельских кладбищах весьма часто проводились захоронения на уже использованном месте. Это было обусловлено не только недостатком земли, но и отсутствием капитальных памятников. Чаще всего на могиле ставился деревянный крест, сгнивавший через 20-30 лет. Новые кресты не ставили, поскольку согласно белорусскому поверью "нельга хрэст новы ставіць на магіле, калі стары згніў, бо сам памрэш" ("Нельзя крест новый ставить на могиле, когда старый сгнил, иначе сам умрешь"). ⁸ Если могила не досматривалась, то такое захоронение через несколько лет сравнивалось с землей. На городских и местечковых некрополях, особенно в XIX-XX вв. весьма часто устанавливались металлические или каменные кресты, что гарантировало сохранение могилы на более длительный срок. На план наносится расположение примечательных захоронений, в т.ч. наиболее старых, с оригинальными надгробьями и памятниками, братские могилы, захоронения известных людей и др.

Ограда некрополя

Ограждение кладбища является его обязательным атрибутом. Таким образом, мир живых отделяется от мира мертвых. Кроме того, как справедливо пишет С. Сикора, ограда показыва-

ет, где находится освященная земля, в которой человек может быть погребен. В сельских некрополях на северо-западе Беларуси ограды выполнены из камня или дерева, в редких случаях - из кирпича. Камень как строительный материал широко использовался на северо-западе Беларуси с древности. Почва здесь изобилует камнями, оставленными в свое время ледником. При культивации полей камни собирали, а затем использовали для строительства. Распространенными были хозяйственные постройки из дикого камня, ограды имений, зажиточных хозяйств. Особенно распространились постройки из камня со второй половины XIX в., когда доступным стал цемент и бетон. Большинство каменных оград некрополей возникли, по нашим наблюдениям, именно в это время. Каменные ограды чаще возводились на больших приходских или парафиальных кладбищах. Значительный интерес представляют входы на некрополи. Это всегда согласно традиции ворота (брама) и сделанная рядом с ней калитка. Распространенным в регионе элементом оформления ворот являются высокие четырехгранные столбы с навершием в виде пирамиды, либо капители. Они чаще возводились из кирпича, даже если сама ограда была сложена из дикого камня. Подобным образом оформлен вход на кладбища в д. Городники Ошмянского района и г.п. Сопоцкин Гродненской области.

Обозначение захоронений

В славянской традиции с древнейших времен сложилось особое понимание значения похоронного обряда. Он тесно связан с культом предков. Как пишет Б.А. Рыбаков, захоронение предков в земле могло означать, во-первых, то, что они как-бы охраняют земельные угодья племени, а во-вторых, что они, находящиеся в земле предки, способствуют рождающейся силе земли. Обозначение могилы, таким образом, напрямую было связано с памятью о предках, которые должны были охранять род. В белорусской традиционной культуре, сохранившей значительный пласт дохристианских верований и обычаев, культ предков являлся одним из ключевых, главных элементов. В связи с этим обозначение могилы, вид памятника, его форма, поверья связанные с этим элементом похоронного обряда весьма подробно разработаны и регламентированы.

Основным обозначением захоронения на сельских кладбищах на северо-западе Беларуси является крест. Согласно традиции, сразу после похорон устанавливали деревянный крест. В дальнейшем его могли заменить на каменный, железный, либо установить каменный памятник. Однако заменять сгнивший деревянный крест на такой же, как уже отмечалось, традиция запрещала. После установки памятника деревянный крест еще на год клали рядом с могилой, а потом выбрасывали, либо закапывали под могильную плиту, либо под цветник на могиле. ¹¹ Форма креста определялась конфессиональной принадлежностью.

Весьма распространены на сельских кладбищах памятники из камня. Их форма, размеры, материал разнообразны, однако в отличие от крестов, здесь уже прослеживается серийное производство. Так, однотипные каменные памятники в виде обелиска с крестом наверху характерны были для межвоенного двадцатилетия. Такие памятники массово встречаются в регионе, прежде всего, на католических кладбищах. Фактически каменные памятники и надгробья, которые устанавливали на сельских некрополях с XX в. и по сегодняшний день, не отличаются от памятников на городских кладбищах.

Захоронения обозначаются не только с помощью надмогильного памятника либо креста, но также с использованием ограждения, обозначения границ могилы невысоким каменным либо бетонным парапетом. Ограждение могилы в славянской традиции выполняло символическую роль — как аналогия с огороженным подворьем, на котором могила играла роль дома. Ограждения чаще встречаются на православных кладбищах, на католических кладбищах ограждение могилы практикуется достаточно редко.

Надписи на памятниках и крестах в северо-западном регионе Беларуси отражают не только конфессиональную, но и языковую ситуацию в регионе. На католических кладбищах для надписей чаще всего используют польский язык, иногда в виде местного диалекта, так называемой «польшчизны кресовой». Последняя активно развивалась в межвоенное двадцатилетие. Особенно часто она проявляется в написании фамилий и имен. На православных кладбищах надписи на могильных памятниках в подавляющем большинстве случаев делались на русском языке;

для молитв, эпитафий мог использоваться церковно-славянский язык. Надписи на белорусском языке на деревенских кладбищах встречаются в единичных случаях. Думается, это было обусловлено тем, что обряд погребения проводился в соответствии с требованиями костела либо церкви, а в них белорусский язык не считается каноническим и почти не употребляется.

Традиции поминовения умерших в северо-западном регионе Беларуси отличаются от того, что можно наблюдать в восточных и юго-восточных ее регионах. Так, на Гомельщине и Могилёвщине до сих пор существует традиция трапезничать на могилах во время поминальных дней. В Сенненском районе Витебской области нами был зафиксирован обряд трапезы на свежей могиле – поминки после захоронения. В связи с наличием такой традиции на кладбищах в этих регионах можно встретить оборудованное у могилы место для трапезы – стол и лавки вокруг него. В северо-западном регионе такой традиции нет, здесь поминальная трапеза проводится вне кладбища, а на могилу приносится ритуальная еда – яблоки, хлеб, яйца, иногда конфеты (характер приносимого зависит от того, кто похоронен). На православных деревенских кладбищах здесь распространен обычай устанавливать у могил небольшие лавочки, предназначенные для тех, кто пришел помянуть покойного. Они могут быть установлены как за оградой могилы, так и вне ее. На кладбищах достаточно часто встречаются объекты, не связанные напрямую с погребальным обрядом. Это, прежде всего, памятные кресты, кресты-обереги, статуи святых, Христа и Богоматери и др. История их появления на кладбище может дать дополнительный, иногда очень ценный материал для изучения традиций и истории региона.

Материал, накапливаемый исследователем в процессе изучения некрополей, зачастую дает весьма ценные сведения о регионе, которые невозможно, либо весьма трудно получить, обращаясь к письменным источникам. В случае реконструкции микроистории этот материал является одним из важнейших, поскольку дает сведения о проживавших в данном населенном пункте либо в приходе (парафии) людях, времени их жизни, родственных отношениях и др. С другой стороны, при исследовании некрополя весьма важную роль играет устная история. В связи

со скудностью письменных источников, либо вообще полным их отсутствием, а именно такая ситуация чаще всего характеризует источники по истории деревень, устная история дает возможность восстановить многие утраченные сведения о некрополе, о людях, которые там похоронены, а значит, реконструировать историю самого микрорегиона.

¹ Желудок: память о еврейском местечке. Москва, Центр" Сэфер", 2013.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Желудок: память о еврейском местечке: сб. статей / отв. ред. И. Копчёнова. Москва: Центр" Сэфер", 2013.
- 2. Жыцця адвечны лад: беларускія народныя прыкметы і павер'і. Кніга 2. Мінск: Беларусь, 2010.
- 3. Крук Я., Котович О. Колесо времени: традиции и современность. Минск: Беларусь, 2010.
- 4. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. Москва: Наука, 1987.
- 5. Соркіна І. Роля мястэчак у працэсах урбанізацыі ў Беларусі ў канцы XVIII-пачатку XX ст. (на прыкладзе Гродзенскай губерні), іп: Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX- пачатак XIX ст.: зборнік навуковых артыкулаў. Гродна, ГрДУ імя Я.Купалы, 2010.

² Sikora S. *Cmentarz. Antropologia pamięci,* in: Polska Sztuka Ludowa. t.40 z.1–2. Konteksty, 1986 – ss. 57–68.

³ http://www.region.grodno.by/ru/oblast/konfes (accessed 2013)

⁴ Соркіна І. *Роля мястэчак у працэсах урбанізацыі ў Беларусі ў канцы XVIII- пачатку XX ст. (на прыкладзе Гродзенскай губерні),* іп: Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX- пачатак XIX ст.: зборнік навуковых артыкулаў. Гродна, ГрДУ імя Я.Купалы, 2010. – сс. 26–27.

⁵ Czyż A., Gutowski B. *Prace inwentaryzacyjne na cmentarzach Kresów wschodnich: założenia metodologiczne*, in: Ochrona Zabytków, 56/1 (240), 2008. – ss. 21–30.

⁶ Bystroń J. *Tematy, które mi odradzano*, in: Pisma etnograficzne rozposzone. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. – s.220.

⁷ Сяльверстава С.Я., Словік С.В. *Свяцк Гурскіх (Радзівілкі)*, in: Сядзібы і паркі Гарадзеншчыны. Выпуск ІІ. Гродна, 2004. – cc. 20–39.

⁸ Жыцця адвечны лад: беларускія народныя прыкметы і павер'і. Мінск: Беларусь, 2010. Кніга 2. – с. 303.

⁹ Sikora, S. Op.cyt. – s. 58.

¹⁰ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. Москва: Наука, 1987. – с. 74.

¹¹ Крук Я., Котович О. *Колесо времени: традиции и современность*. Минск: Беларусь, 2010. – с. 217.

124 Методологические подходы и методы исследования сельских некрополей северо-западной Беларуси

- 6. Сяльверстава С.Я. Словік С.В. *Свяцк Гурскіх (Радзівілкі)*, in: Сядзібы і паркі Гарадзеншчыны. Выпуск ІІ. Гродна, 2004.
- 7. Bystroń J. *Tematy, które mi odradzano,* in: Pisma etnograficzne rozposzone. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980.
- 8. Czyż A., Gutowski B. *Prace inwentaryzacyjne na cmentarzach Kresów wschodnich: założenia metodologiczne,* in: Ochrona Zabytków, 56/1 (240), 2008.
- 9. http://www.region.grodno.by/ru/oblast/konfes
- 10. Sikora S. *Cmentarz. Antropologia pamięci*, in: Polska Sztuka Ludowa. t.40 z.1–
- 2. Konteksty, 1986.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстрация 1. Ворота на кладбище в г.п. Сопоцкин. 08.03.2014. Фото И. Пивоварчик.

Иллюстрация 2. Орнамент на могильных ручниках. Знак «дзяды». д.Москали. Мостовский район. Гродненская область. Фото из архива С. Сельверстовой.

Александр Добриян, Юлия Юрковец

ЭВОЛЮЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ПОНЕМАНЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕКРОПОЛЕЙ ДЕРЕВНИ КОМОТОВО ГРОДНЕНСКОГО РАЙОНА)

Резюме

статье изложены результаты комплексного исследования погребальных памятников, состоящих из древнего некрополя (археологического памятника), церковного некрополя, коммунального (приходского) сельского кладбища и неизвестных позволяют захоронений. которые проследить погребального обряда и надмогильных памятников начиная с XIV-XV в. и заканчивая XXI в. На основании этого можно сделать вывод, что на протяжении многих столетий жители д. Комотово и окрестных деревень хоронят своих умерших примерно в одном и том же месте. Определить религиозную принадлежность захоронений на памятнике Комотово-5 из-за идентифицирующих отсутствия артефактов не представляется возможным. В определенной относится и к ранним захоронениям на коммунальном кладбише. сопоставляя захоронения церковного некрополя приходского кладбища, можно утверждать, что оно являлось православным. Достаточно хорошо прослеживается эволюция надмогильных памятников на протяжении нескольких веков. погребального Большое влияние на изменение обряда надгробных памятников оказали экономические и технические возможности жителей деревни, их представления и забота о сохранении семейной памяти.

Ключевые слова: артефакты, некрополь, кладбище, эпитафия, церковь

В окрестностях деревни Комотово Обуховского сельсовета Гродненского района Гродненской области известны четыре места, где находятся захоронения различных исторических периодов:

- самым ранним из них является некрополь, известный в научной археологической литературе под названием Комотово-5. Это многокультурный и разновременной памятник, включающий стоянку каменного века, селище железного века и кладбище, датируемое XIV-XV XVII-XVIII вв.;
- небольшой некрополь находится на территории Спасо-Преображенской церкви;
- основным сельским некрополем д. Комотово является действующее коммунальное (в прошлом приходское) кладбище, которое по сохранившимся надписям на надмогильных камнях датируется серединой XIX в. Не исключено, что данное кладбище функционировало и в более раннее время, начиная с XVIII в.;
- в 2013 г. случайно были выявлены захоронения возле дороги, ведущей от д. Комотово к д. Огородники. Захоронения находятся практически напротив коммунального кладбища.

Значительный научный интерес представляет собой древнейший некрополь деревни — археологический памятник Коматово-5. Он известен давно, неоднократно обследовался и исследовался. Памятник обследовали в 1958 г. Ф. Д. Гуревич ^{1} , в 1973—1975 гг. — Я. Г. Зверуго ^{2} . В 1988—1989 гг. археологические исследования на памятнике проводила А.В. Квятковская, в результате чего были изучены 2 могилы ^{3} .

Археологический памятник Комотово-5 находится на правобережной надпойменной террасе р.Неман, в 150 м на юг от восточной окраины д.Коматово, в 100 м на юг от церкви, около устья безымянного ручья (на левом его берегу), в 850 м на северо-запад от устья Котры. Оно занимает мысообразное повышение надпойменной террассы, вытянутое с северо-запада на юго-восток на 150 м. Ширина памятника около 60 м. Западная часть памятника покрыта дерном, с восточной стороны с 90-х гг. XX в. находится лесопосадка, в результате чего культурный слой здесь поврежден на глубину 0,3 м⁴.

В северной и центральной части возвышения встречаются торчащие из земли камни, часть которых обработана. На одном из камней есть надпись с датой 1789 г. Часть надмогильных камней могла быть уничтожена во время лесопосадки в 90-е гг. XX в. и ранее. Исследовательница А. В. Квятковская упоминает также каменный крест высотой 1,28 м, стоявший в изголовье одного из погребений⁵, однако до нашего времени крест не сохранился. По её мнению, крест ранее мог быть каменным идолом, а позже ему придали форму креста.

Памятники такого типа широко распостранены на территории Беларуси, только в окрестностях г. Гродно известно еще несколько таких кладбищ (памятники возле деревень Коробчицы, Пушкари, Наумовичи), однако археологических исследований на них не проводилось.

Исследования некрополя были проведены в 2010г. в археологических рамках широкомасштабных исследований территорий. подлежащих затоплению строительстве при Гродненской гидроэлектростанции на р. Неман, проводимых экспедицией (НАН Беларуси, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина). В ходе исследований на памятнике было раскопано 448 м кв. (до материка исследовано 264 м кв.)6. Раскоп находился на склоне первой надпойменной террасы р. Неман, в северо-западной части возвышенности.

археологического изучения зафиксированы Bo время многочисленные человеческие останки (антропологическую экспертизу проводила О. Емельянчик). Было исследовано более 300 останков, установлено, что 48 из них принадлежали детям и более 250 – взрослым⁷. Сохранность человеческих останков крайне плохая из-за близости Немана и периодического подтопления склонов пригорка. К сожалению, подавляющая часть погребений была разрушена или сдвинута с места, большая сохранилась фрагментарно, часть скелетов OT некоторых остались только отдельные кости. Некоторые погребения представлены лишь обломками диафизов длинных трубчатых костей, остальные кости разрушены. Погребения находились на разной глубине, одни над другими. Так как, вероятнее всего, могильник действовал беспрерывно, количество ярусов захоронений установить нельзя.

В ходе исследований было выявлено множество камней и валунов. В центральной части раскопа были обнаружены остатки каменного фундамента, состоящего из необработанных валунов. Предположительно этим сооружением могла быть церковь или часовня. В центре сооружения была обнаружена полуистлевшая деревянная балка и каменная крипта, сделанная из плоских, обтёсанных валунов. Сверху, на камнях, находились кирпичи, дно крипты было выложено камнями. В крипте обнаружено более 5 захоронений, многие из которых были разрушены в результате совершения новых захоронений. Это дает основание что крипта использовалась для длительное время. Кроме крипты, многочисленные захоронения находились и внутри самого сооружения. Практически все они были повреждены. Внутри сооружения и за его пределами было обнаружено 5 камней с крестами. Часть камней, несомненно, относилась к надмогильным камням.

Во время раскопок было собрано большое количество предметов бытового и хозяйственного назначения (более 10000 экземпляров). Сюда относится мелко побитая гончарная посуда (вероятнее всего специально принесённая на кладбище), ножи, точильные бруски, иголка, монеты, украшения. Индивидуальные находки дают возможность датировать памятник. В первую очередь время возникновения первых погребений помогают определить монеты и украшения. Самая ранняя монета датируется концом XV в., а аналогичные украшения, найденные в Литве – XIII–XIVвв. Верхняя дата (XVII–XVIII вв.) известна благодаря монетам — баратинкам и камню с датой на поверхности памятника.

В апреле 2011г. состоялось торжественное перезахоронение останков в юго-восточном углу раскопа 2010 г. После засыпки погребений на этом месте были установлены камни с крестами и несколько валунов без крестов. Кресты ориентированы на юго-запад, т. е. по возможности была сохранена такая ориентировка надмогильных камней, которая существовала до раскопок. Место раскопа 2010 г. обозначено камнями. Впоследствии местные жители установили на этом

месте крест, взятый с действующего кладбища, а также принесли погребальные венки, искусственные цветы. Не обходится стороной это место и во время религиозных праздников, связанных с почитанием умерших. Сюда приносят венки, зажигают лампадки.

Небольшой некрополь находится на территории Спасо-Преображенской церкви, расположенной на юго-восточной окраине д. Комотово. Сама церковь была построена прихожанами в 1844–1846 гг. из дерева и является памятником народного зодчества с элементами классицизма⁹. Именно здесь в семье православного священника села Комотово в родился Антон Семёнович Будилович, филолог, славист и публицист. В 1890 г. был ректором 1892 г. – ректором Императорского Варшавского, a c Юрьевского университета¹⁰.

На тот момент церковный приход был большим. Так, в 1899 г. при церкви было 2938 прихожан из 13 окольных деревень: Комотово, Александрово, Витьки, Горны, Загорцы, Курники, Мигово, Новоселки, Огородники, Плавы, Пужичи, Селюки и Сивково¹¹.

При церкви действовало приходское кладбище. Кроме приходского кладбища для захоронений использовалась и непосредственно территория вокруг церкви. Внутри церковной ограды хоронили священнослужителей и членов их семей. Кроме того, здесь находится несколько светских захоронений. В пределах церковной ограды, с южной и юговосточной стороны от стен церкви насчитывается 11 погребений. На всех надмогильных памятниках захоронений имеются надписи, которые позволяют идентифицировать погребения.

Захоронения внутри церковной ограды священников и членов их семей свидетельствуют о том, что они имели непосредственное отношение К комотовскому приходу. Относительно светских захоронений утверждать что-либо конкретное не представляется возможным. Можно только предположить, что их захоронения в пределах церковной были сделаны исключительно благодаря ограды социальному статусу.

Коммунальное сельское (бывшее приходское православное) кладбище

Расположено Обуховского сельсовета территории Гродненского района. Кроме его, на территории сельсовета имеется католическое кладбище в деревне Житомля и три православных кладбища в деревнях Житомля, Саволевка и Кладбище в деревне Комотово является самым Селюки. большим по территории из всех рассматриваемых в данной статье некрополей. Оно расположено на второй надпойменной террасе примерно в двухстапятидесяти метрах на юго-восток от деревни, справа от дороги, ведущей из деревни Комотово в деревню Огородники. Кладбище имеет форму неправильного треугольника. C йонжо стороны ограничено надпойменной терассы, с северной стороны – дорогой, а с запада и востока – оврагами. Оно возникло, вероятно, в XVII–XVIII вв., подтоплений причине частых прекратились когда Комотово-5, на археологическом памятнике захоронения расположенном на первой надпойменной террасе берега р. Неман.

На сегодняшний день кладбище в деревне Комотово не является приходским. В 2010 г. оно было передано на баланс Гродненского районного унитарного предприятия "Скидельское жилищно-коммунальное хозяйство". Непосредственно обслуживанием кладбиша занимается участок этого предприятия, находящийся в деревне Обухово, который возглавляет Волков Игорь Валерьевич. Усилиями работников участка территория кладбища была очищена от дикорастущей растительности и осуществляется уборка и регулярный вывоз мусора. В штате участка имеется ставка смотрителя кладбища, который непосредственно занимается уборкой кладбища. По состоянию на 1 января 2014 г. смотрителем является жительница деревни Комотово Демьянова Елена Аркадьевна. Кроме того, надзор за состоянием кладбища осуществляет сельский староста деревни Комотово Кузмицкая Тамара Максимовна.

В 90-е годы прошлого века силами местного колхоза была заасфальтирована дорога, ведущая от деревни к кладбищу, и сооружена каменно-бетонная стена, отделяющая кладбище от

дороги. Высота стены составляет 1 м. В ней имеется 2 проезда. один шириной 5,6 м, другой -- 4,2 м. Кроме того, есть 2 прохода шириной 1 м. В процессе обследования кладбища с восточной его стороны в 50 м от крайних захоронений были выявлены 4 бетонных столба и фрагмент деревянного забора, которые являются частью некогда существовавшей кладбишенской ограды. Рядом с этим фрагментом забора. практически возле самой дороги, были обнаружены захоронения. Одно в виде железной оградки без надгробия. которое по особенностям исполнения можно датировать второй половиной XX в. Второе - с надгробием в виде деревянного креста и металлической шильдой с указанием фамилии и годов жизни. Среди местных жителей бытует мнение, что одно из этих захоронений принадлежит жителю деревни Огородники, который пожелал, что бы его похоронили поближе к дому. Не исключено, что данные захоронения являются могилами самоубийц. которых церковным кононам полагалось хоронить за пределами кладбища.

По словам местной жительницы Кузмицкой Т.М., еще в середине прошлого века практически в центре самого кладбища находилась небольшая деревянная часовня. По мнению местного краеведа В.В. Семко, кладбищенская церковь была построена в 1860 г. на средства прихожан Комотовской церкви. Она деревянное представляла собой сооружение, накрытое деревянными дощечками – гонтом. Внутренние стены и потолок, а также наружные стены обиты досками и окрашены масляной краской. В советское время часовня не действовала использовалась для хозяйственных нужд местным колхозом. В 80-е годы она сгорела, и на ее месте стали совершать захоронения. Определить точное местонахождение кладбищенской церкви на данный момент не представляется возможным.

Самые старые, хорошо сохранившиеся захоронения находятся в центральной части современного кладбища, в небольшой низине, лежащей на 1-1,5 м ниже уровня общей площадки кладбища. Наиболее древнее захоронение в этой части 1868 кладбиша датируется по надписи Γ. Современные захоронения здесь отсутствуют, в первую очередь

большого количества корней дикорастущих кустарников и которые затрудняли копание новых могил, что, деревьев. и объясняет хорошую сохранность захоронений. вероятно. Немаловажным фактором является и то, что низина никогда не считались хорошим местом для захоронений, поскольку она могла затапливаться в результате атмосферных осадков и таяния этого. логично предположить. Исходя ИЗ первоначально данное кладбище начало формироваться в другом месте и возможно на возвышенном краю надпойменной террасы. обращенной к Неману. Здесь, среди современных и более ранних встречаются надмогильные захоронений, памятники необработанных полевых камней. На некоторых из них имеются трудноразличимые знаки или нечитаемые надписи. Часть старых надгробных камней повалена или сдвинута с места в результате совершения новых захоронений.

Практически на всей территории кладбища древние могилы современными располагаются рядом c захоронениями. Наибольшая концентрация старых наблюдается могил центральной и южной частях кладбища. В западной части преобладают захоронения, которые были совершены начиная с 40-х гг XX в. и до наших дней. Несколько позже, в 50-е гг., начались захоронения и в северной части кладбища, а с 90-х гг. – в восточной. Современные захоронения концентрируются в восточной части некрополя и здесь нет более ранних погребений.

По словам смотрителя Демьяновой Е.А., поскольку площадка кладбища ограничена, а ограда имеется только с одной стороны и отделяет кладбище от дороги, на территории кладбища хоронили и самоубийц. Одно такое захоронение находится на юго-восточном краю кладбища, на отшибе от основных захоронений.

Поскольку данное кладбище является действующим, определить, как изменялся обряд захоронения на протяжении всего периода его функционирования не представляется возможным. Несомненно, что формой погребального обряда, т.е. сочетания его типа и вида, являлось ямное трупоположение (ингумация). В отличие от более ранних захоронений на археологическом памятнике Комотово-5, когда положение рук погребенных могло быть различным, сегодня умерших хоронят

со сложенными на животе руками. Судить об ориентировке погребенных по сторонам света можно только по положению надгробных памятников, если допустить, что они ставились исключительно у изголовья умерших. Какого-либо единообразия в ориентировке захоронений нет. Большинство могил ориентированы по отношению к тропинкам и расположены таким образом, чтобы, идя по ней, можно было видеть надпись на памятнике. Причем ряды могил могут быть ориентированы в разные стороны.

По словам местных жителей, раньше для копания могил привлекали односельчан, которые не являлись родственниками покойного. В настоящее время этим занимаются или коммунальные службы, или организации, оказывающие ритуальные услуги.

Несмотря на то, что до 2010 г. кладбище считалось приходским православным, здесь, начиная с 90-х гг., хоронили представителей других конфессий. В основном это католики. Всего на территории кладбища установлено около десяти захоронений, на надгробиях которых изображен католический крест. Интерес представляет семейное захоронение за одной оградкой, где похоронены отец и сын. На памятнике отца изображен католический крест, а на памятнике сына — православный. Можно предположить, что жена и мать умерших была православной, что повлияло на вероисповедание сына. Это свидетельствует о возрастании роли женщин в религиозном воспитании детей. Если раньше вероисповедание определялось по религии отца, то в последнее время определенное влияние на это оказывает и религиозная принадлежность женщин, которые больше склонны к религии.

кладбище семейное имеется ОДНО захоронение православных евреев. Оно находится обособленно в северовосточном VГЛV кладбиша. Кроме τογο, ПО словам Кузмицкой Т. М., в 80-е гг. прошлого века на кладбище похоронили масульманина – выходца из Средней Азии, который погиб во время службы в воинской части, дислоцированной неподалеку от Комотово в д. Александрово.

Поскольку всесторонне охарактеризовать погребальный обряд захоронений на коммунальном кладбище не

представляется возможным, отметим только внешние черты захоронений, которые наиболее ярко проявляются в формах погребальных сооружений и видах надгробий.

На коммунальном кладбище деревни Комотово два типа погребальных сооружений: одиночные и семейные. Оба типа сооружений представлены следующими видами: надгробные памятники без оград; надгробные памятники находятся внутри высокой ажурной металлической ограды; надгробные памятники расположены внутри низкой металлической ограды; надгробные памятники находятся внутри каменного (бетонного) ограждения; надгробные памятники, установленные массивные каменные (бетонные) плиты.

Для изготовления надгробий использовались различные материалы, которые в некоторой степени отражают, если так можно сказать, веяния моды и одновременно технические возможности мастеров по их изготовлению. Немаловажную роль в выборе материала надгробия и способов его оформления несомненно играли материальные возможности покойника. Надгробные памятники, установленные на Комотово, кладбише деревни коммунальном онжом следующим раскласифицировать образом: надгробия необработанных валунов удлиннённой формы; надгробия из валунов, обработанных c одной стороны; надгробия обработанного природного камня; бетонные надгробия; надгробия различной формы из бетона с добавлением мраморной кресты из железных труб или нержавеющей стали; надгробия из гранита.

Сравнительный анализ погребальных памятников на коммунальном кладбище д. Комотово позволяет определить некоторые характерные черты погребальных сооружений различных периодов существования некрополя.

С определенной уверенностью можно утверждать, что первые захоронения на данном некрополе относятся к началу XIX в. Для этого периода характерны одиночные захоронения с надгробиями в виде необработанных валунов. Такой тип мог существовать вплоть до середины XX в. К сожалению, выяснить, были ли в этот период семейные захоронения, не возможно, поскольку нельзя определить, кому принадлежат эти погребения.

Только во вт. пол. XIX в. на каменных надгробиях появляются редкие надписи с указанием имени и года смерти погребенного.

С середины XIX в. появляются надгробия из частично обработанных валунов. К ним можно отнести погребения в пределах церковной ограды, принадлежавшие членам семьи священников. На валунах указаны имена и год смерти усопших. На коммунальном кладбище таких надгробий не выявлено.

рубеже XIX-XX BB появляются надгробия обработанного природного камня. Они представлены как в виде простых каменных столбиков, увершенных литыми чугунными крестами, так И православными сложными композициями, в основе которых лежал православный крест. На таких надгробиях указывалось имя покойника, сколько прожил и когда умер, но не указывались даты рождения. Погребальные сооружения межвоенного периода на кладбище не выявлены. Возможно, экономическое положение жителей прихода не позволяло возводить монументальные памятники.

Не выявлены также и погребения военного времени. Единственное надгробие, на котором указан 1943 г. смерти погребенного, сделано из обработанного натурального камня в виде столбика. Эпитафия гласит:

"Мир прах Твоему

Дорогой Сын и Братец

Над твоим прахом стоим

В печали и жалобе

Мать Вера брат Павел и сестри"

Вероятно, что сам памятник был поставлен уже в послевоенные годы.

Послевоенные надгробия в 50-е–60-е гг. XX в. делались из бетона. Обязательным атрибутом надгробия был православный крест в виде навершия из литого чугуна. Впоследствии такие надгробия красились краской.

В 60-е – 70-е гг. XX в. появляются бетонные надгробия из мраморной крошки. С этого времени мраморная крошка используется в качестве элемента украшения надгробий до сегодняшних дней. За это время изменились только формы и качество исполнения. Дополнительным элементом погребений стали цветочницы, которые непосредственно примыкали к

надгробию и повторяли контур могильной ямы. В это же время погребения, семейные огражденные ажурной, чаще всего сваренной из железной арматуры, оградой. В 60-е – 80-е гг. прошлого века вместо деревянных крестов и надгробий традиционных стали устанавливать кресты металлических труб. Нередко трубы использовались из нержавеющей стали. которая использовалась только В производстве. Трубы из нержавеющей железа стали использовали также и для изготовления низких легких оград. Для этого периода характерны стихотворные эпитафии.

С 80-х гг. вместо оградок на захоронениях стали устанавливать массивные надмогильные плиты. Они характерны как для одиночных, так и для семейных захоронений. Нередко семейные надгробия делались «на перспективу», а на памятниках писали имена не только усопших, но и живых, без указания даты смерти. Изменился и характер эпитафий. Они становятся более лаконичными: «от жены, сына, родственников»; «память матери и сына»; «Помним, любим, скорбим»; «Мир праху твоему».

В конце XX – начале XXI в. появляются разнообразные по форме надгробия из черного гранита в виде массивных плит.

В 2013 г. возле деревни Комотово был котлован. В котором местные жители брали песок для хозяйственных нужд и строительных работ. Котлован находится на пригорке, справа от дороги, ведущей из деревни Комотово к коммунальному кладбищу и практически примыкает к нему. Сам пригорок сильно зарос деревьями и кустарниками, а его поверхность очень неровная. В верхней части котлована, в профиле, отчетливо прослеживаются следы двух могильных ям, ориентированных примерно по линии запад – восток. При проведении обследования были выявлены человеческие останки: череп, кости конечностей и др. По словам местных жителей, раньше костей здесь было больше, однако часть их они собрали и закопали на коммунальном кладбище. Следы надмогильных конструкций, как и погребальный инвентарь, не обнаружены. Особенности погребального обряда: наличие могильных ям, ориентированных согласно церковным канонам, близость этого места к бывшему православному приходскому

кладбищу, — позволяют высказать предположение, что на этом месте могло размещаться деревенское кладбище. Но отсутствие надмогильных камней и погребального инвентаря не дает возможности определить конфессиональную принадлежность и датировать захоронения. Возможно, данные захоронения были некогда частью общего приходского кладбища, причем самого раннего, а часть могил могла быть уничтожена во время строительства дороги. Не исключены также и другие версии появления захоронений. Местные жители считают, что здесь похоронены солдаты Красной армии, погибшие в 1944 г. освобождении деревни Но эта версия требует проведения дополнительных исследований. Co слов Кузмицкой Т.М.. действительно, немного лальше находилось военное захоронение, но в 70-х гг. прошлого века останки солдат были эксгумированы и перезахоронены в братской могиле в д. Обухово.

Таким образом. анализ комплекса погребальных состоящий памятников, ИЗ археологического памятника Комотово-5. церковного некрополя, коммунального (приходского) сельского кладбища и неизвестных захоронений, проследить ЭВОЛЮЦИЮ погребального обряда надмогильных памятников, начиная XIV-XV вв. и заканчивая XXI в. На основании этого можно сделать вывод, что на протяжении многих столетий жители д. Комотово и окрестных деревень хоронят своих умерших примерно в одном и том же месте. Определить религиозную принадлежность захоронений на памятнике Комотово-5 из-за отсутствия идентифицирующих артефактов не представляется возможным. В определенной мере это относится и к ранним захоронениям на коммунальном Только сопоставляя захоронения церковного некрополя и приходского кладбища, можно утверждать, что оно являлось православным.

Достаточно хорошо прослеживается эволюция надмогильных памятников на протяжении нескольких веков. Большое влияние на изменение погребального обряда и надгробных памятников оказали экономические и технические возможности жителей деревни, их представления и забота о сохранении семейной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Гуревич Ф.Д. Древности Белорусского Понеманья. Москва-Ленинград. 1962.
- 2. Гродненский православно-иерковный календарь или православие в брестско-гродненской земле в конце XIX в. Издание второе. Том 1. Воронеж, 1899.

¹ Гуревич Ф. Д. *Древности Белорусского Понеманья*. Москва-Ленинград, 1962. – c. 147

² Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларускай ССР. Гродзенская вобласць. Минск. 1986. – с.157.

³ Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси (к XI-XVII вв.). Вильнюс, 1998. - c. 21.

⁴ Лакіза В. Л., Юркавец Ю. В., Харытановіч З. А., Плавінскі М. А. Справаздача № 4 аб выкананні навуковых археалагічных даследаванняў на помніках археалогіі Мігова 1-ГЭС, Селюкі 1-ГЭС, Дарошавічы 1-ГЭС, Дарошавічы 3-ГЭС, Навасёлкі 1-ГЭС, Дарошавічы 2-ГЭС, Глядавічы 1-ГЭС, Коматава 5-ГЭС у зоне будаўніцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман у 2010 г. Мінск. 2011.

⁵ Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси (к XI-XVII вв.). Вильнюс. 1998. – с 35, рис. 2.2.

⁶ Лакіза В. Л., Юркавец Ю. В., Харытановіч З. А., Плавінскі М. А. Справаздача № 4 аб выкананні навуковых археалагічных даследаванняў на помніках археалогіі Мігова 1-ГЭС, Селюкі 1-ГЭС, Дарошавічы 1-ГЭС, Дарошавічы 3-ГЭС, Навасёлкі 1-ГЭС, Дарошавічы 2-ГЭС, Глядавічы 1-ГЭС, Коматава 5-ГЭС у зоне будаўніцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман у 2010 г. Мінск, 2011.

⁷ Юрковец Ю.В., Емельянчик В.А. *Вынікі археалагічнага і антрапалагічнага* вывучэння матэрыялаў пахаванняў з помніка Коматава-5-ГЭС, іп: Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Выпуск 23. Мінск, 2012. – с. 161.

⁸ Kernave – litewska Troja. Katalog wystawy ze zbioryw Państwowego Muzeum-Rezerwatu Archeologii i Historii w Kernave, Litwa. Warszawa, 2002 – c. 193 (puc. 520-521).

⁹ Коматава. Спаса – Праабражэнская царква, in: Праваслаўныя храмы на Беларусі. Минск, 2011. - с. 103.

¹⁰ Пяткевіч А. М. *Людзі культуры з Гродзеншчыны: Даведнік*. Гродна, 2000. – c. 36-37.

Гродненский православно-церковный календарь или православие в брестско-гродненской земле в конце XIX в. Издание второе. Том 1. Воронеж, 1899. - c. 139.

- 3. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларускай ССР. Гродзенская вобласць. Мінск, 1986.
- 4. Квятковская А. В. *Ятвяжские могильники Беларуси (к XI-XVII вв.)*. Вильнюс, 1998.
- 5. Коматава. Спаса Праабражэнская царква, in: Праваслаўныя храмы на Беларусі. Мінск, 2011. С. 103
- 6. Лакіза В. Л., Юркавец Ю. В., Харытановіч З.А., Плавінскі М.А. Справаздача № 4 аб выкананні навуковых археалагічных даследаванняў на помніках археалогіі Мігова 1-ГЭС, Селюкі 1-ГЭС, Дарошавічы 1-ГЭС, Дарошавічы 3-ГЭС, Навасёлкі 1-ГЭС, Дарошавічы 2-ГЭС, Глядавічы 1-ГЭС, Коматава 5-ГЭС у зоне будаўніцтва Гродзенскай ГЭС на р. Нёман у 2010 годзе. Мінск, 2011.
- 7. Пяткевіч А. М. Людзі культуры з Гродзеншчыны: Даведнік. Гродна, 2000.
- 8. Юрковец Ю.В., Емельянчик В.А. *Вынікі археалагічнага і антрапалагічнага вывучэння матэрыялаў пахаванняў з помніка Коматава-5-ГЭС*, іп: Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Выпуск 23. Мінск, 2012.
- 9. Kernave- litewska Troja. Katalog wystawy ze zbioryw Państwowego Muzeum-Rezerwatu Archeologii i Historii w Kernave, Litwa. Warszawa 2002.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иллюстрация 1. Некрополи д. Коматово, Гродненский район, Гродненская область. Вид со спутника.

Иллюстрация 2. Захоронение 218. д. Комотово, Гродненский район, Гродненская область. Фото из архива Ю. Юрковец.

Иллюстрация 3. Коммунальное кладбище. д. Комотово, Гродненский район, Гродненская область. 12.12. 2013. Фото А. Добриян.

Иллюстрация 4. Каменный могильник, рекультивированный после проведения археологических исследований. д. Комотово, Гродненский район, Гродненская область. 29.10.2013 г. Фото Ю. Юрковец

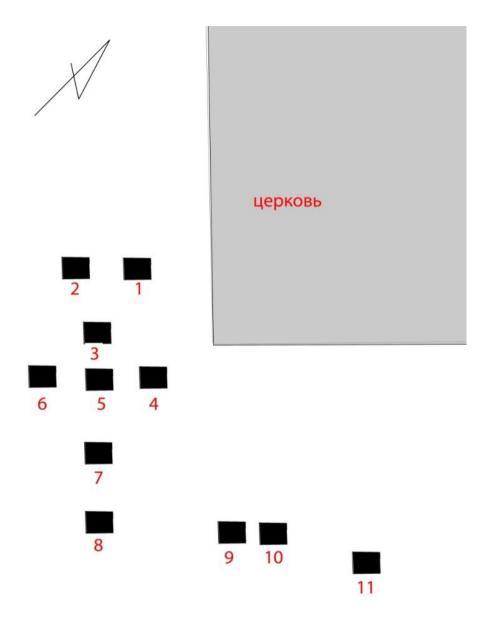

Иллюстрация 5. Церковное кладбище. План захоронений. Д. Комотово, Гродненский район, Гродненская область. Составили А.Добриян, Ю. Юрковец.

Иллюстрация 6. Церковное кладбище. Вид с востока. Д. Комотово, Гродненский район, Гродненская область. 29.10. 2013. Фото Ю. Юрковец.

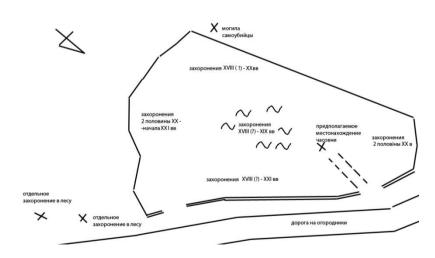

Иллюстрация 7. Схема коммунального кладбища в д. Комотово, Гродненский район, Гродненская область. Составили А. Добриян, Ю. Юрковец.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	3
Ингуна Тейлане Похоронный обряд в воспоминаниях жителей Латгалии	5
Жанс Бадинс	
Особенности мусульманского некрополя	
Даугавпилсского Коммунального кладбища	25
Ингрида Купшане Католический/лютеранский сегмент	
Даугавпилсского коммунального кладбища	26
Элина Васильева Еврейское кладбище Даугавпилса: динамика традиции	. 38
Альбина Семенчук Методология исследования некрополей в современной польской и белорусской историографии	58
Сергей Омелько, Евгений Махнач Методы и источники изучения городских некрополей (на примере Гродно)	78
Ирина Пивоварчик, Наталья Филина	
Эпиграфика надгробных памятников поликонфессионального региона	. 91
Светлана Сельверстова Методологические подходы и методы исследования сельских некрополей северо-западной Беларуси	
Александр Добриян, Юлия Юрковец Эволюция погребальных традиций сельского населения	
белорусского Понеманья (по материалам некрополей деревні Комотово Гродненского района)	<i>i</i> 126
СОДЕРЖАНИЕ	145

Этот проект финансируется Европейским Союзом

This project is funded by the Europeans Union

Программа трансграничного сотрудничества Латвия-Литва-Беларусь в рамках Европейского инструмента добрососедства и партнерства.

Программа трансграничного сотрудничества Латвия-Литва-Беларусь, реализуемая в рамках Европейского инструмента добрососедства и партнерства, является преемницей Приоритета IIIA Юг Программы добрососедства INTERREG III В региона Балтийского моря на период с 2007 по 2013 гг. Общей стратегической целью Программы является улучшение территориальной сплоченности латвийского, литовского и белорусского пограничного региона, гарантирование высокого уровня окружающей обеспечение экономического среды. социального благополучия, а также содействие межкультурному диалогу и культурному разнообразию. В Программе участвуют регион Латгале в Латвии; Паневежисский, Утенский, Вильнюсский, Алитусский и Каунасский уезды в Литве; Витебская, Гродненская, Могилёвская, Минская области и город Минск в Беларуси. Совместным органом управления Программой является Министерство внутренних дел Литовской Республики. **Beб-сайт Программы: www.enpi-cbc.eu.**

Европейский Союз включает в себя 28 государств-членов, которые решили объединить свои передовые знания, ресурсы и судьбы своих народов. В течение 50 лет совместными усилиями они создали зону стабильности, демократии и устойчивого развития, сохранив при этом культурное многообразие, личные свободы и атмосферу терпимости. Европейский Союз неуклонно стремится передавать свои достижения и ценности странам и народам, находящимся за его пределами.